

ОБОЗРѢНІЕ
ИСТОРІИ БѢЛОРУССІИ

СЪ ДРЕВНѢЙШИХЪ ВРЕМЕНЪ.

СОЧИНЕНІЕ

О. Муряиновича.

ИЗДАНИЕ В. А. ИСАКОВА.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ ЭДУАРДА ПРАЦА.

1857.

Slav 3215.15
✓

HARVARD COLLEGE LIBRARY
COOLIDGE FUND

April 29, 1938

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи было представлено въ Цен-
сурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Санкт-
петербургъ, 26 января 1886 года.

Ценсоръ В. Бекетовъ.

48
24
24

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Время и причина происхожденія названія *Бѣлоруссіи* съ достовѣрностію не извѣстны; но, кажется, оно есть весьма древнее, мало по малу утвердившееся за этимъ краемъ, жители котораго, и по необходимости и по привычкѣ, носятъ бѣлую одежду.

Кажется, въ этомъ смыслѣ и отъ подобной причины произошли у насъ прозванія Руссій: Бѣлою, Червоною или Красною и Черною; по крайней мѣрѣ цвѣтъ національной одежды жителей этихъ мѣстъ оправдываетъ ихъ названія. Однакоже, это только *кажется*, но не болѣе; ибо, еще нельзя сказать ничего положительнаго ни о причинѣ, ни тѣмъ болѣе о времени появленія этихъ мѣстныхъ,

повидимому цвѣтныхъ, прозваній Руссій и Бѣлоруссій вособенности; и въ этомъ случаѣ нельзя основываться ни на молчаніи объ ней лѣтописей, ни на позднее появленіе этого названія въ историческихъ памятникахъ. Извѣстно, что нѣкоторые Русскіе Историки (Татищевъ, Шуваловъ и др.) приурочивали названіе *Бѣлой* къ разнымъ мѣстамъ Россіи. Еще труднѣе сказать: когда возникло это названіе? Бѣлая, Червоная, Черная Русь — *Русь*! Слѣдовательно, не ранѣе какъ въ концѣ IX, или въ началѣ X столѣтія. Такъ, а быть можетъ, и не такъ; ибо, для этого слѣдовало бы еще положительно дознать: что наконецъ такое эта за таинственная *Русь*, которою нѣкоторымъ *пахнетъ* не только въ Россіи гораздо ранѣе IX вѣка; но даже еще во времена глубочайшей древности, еще задолго до Рождества Христова, въ Европѣ и самой Азіи? Да наконецъ-то и самое слово *бѣлый* въ какомъ должно быть понимаемо смыслѣ: цвѣтномъ или восточномъ — независимый, великій? Уже въ VI столѣтіи встрѣчаются съ этимъ прозваніемъ страны и пле-

мена : Бѣло-Сербія и Бѣло-Хробація, Сербы Бѣлые и Хорваты Бѣлые — но въ какомъ смыслѣ? Карамзинъ — относящій появленіе прозванія Россіи *бѣлою* ко временамъ уже болѣе къ намъ близкимъ — понимаетъ его въ смыслѣ восточномъ; что же касается до личнаго нашего мнѣнія, то прозваніе извѣстной части Россіи *бѣлою*, именно нынѣшней Бѣлоруссіи, должно быть принимаемо въ смыслѣ цвѣтномъ. Въ этомъ смыслѣ извѣстно не мало народныхъ названій; такъ, еще Геродотъ говоритъ объ Агаѳирахъ — золотоносахъ, народѣ золотистой одежды, и, въ противоположность имъ, о Меланхленахъ — смурыхъ кафтанахъ; а Геродотъ, какъ извѣстно, переводилъ по-гречески значеніе сообщаемыхъ и объясняемыхъ ему пріятелемъ его и Скиѳами названій народовъ, въ которыхъ нынѣ хотятъ видѣть предковъ Славянъ (*).

(*) Какъ знать, быть можетъ еще Гомеръ говоритъ объ нихъ такимъ же образомъ? Просимъ припомнить, что высказалъ объ этомъ *О. И. Сенковский*, доказывавшій, между прочимъ, что Гераклиды, Геркулесичи, Полиемичи, Кривичи, а слѣдовательно и Бѣ-

Настоящая Бѣлоруссія, въ прежнія времена, простиралась: съ сѣвера на югъ отъ города Дриссы на Двинѣ и озера Освѣя до Могилева и Друцка, а съ востока на западъ отъ Великихъ Лукъ и отъ рѣки Ловати до мѣстечка Бѣлаго, на границѣ губерній Виленской и Минской, т. е. Бѣлорусією, въ самомъ началѣ, называлась страна

лоруссы одно и тоже; что, послѣ разоренія Трои, знаменитый Одиссей (Себѣгнѣвъ, Zbigniew) — не могшій, по волѣ озлобленнаго на него Нептуна (Скалотряса), долгое время найти дорогу въ отечество — бродя изъ страны въ страну, забрелъ наконецъ въ нынѣшнюю Бѣлоруссію къ Кривичамъ, поклонявшимся богу Полиемму — Одноглазому, Одноглазнику, которому Одиссей вырвалъ единственный глазъ. Жаль, что ни одинъ изъ нашихъ ученыхъ не отвѣтилъ на эту статью Сенковского, написанную имъ по поводу перевода *Одиссеи* Жуковскимъ (см. *Библ. для Чт.* кн. I и II за 1849 г.) Ее сочли парадоксомъ и только; а между тѣмъ этотъ парадоксъ — плодъ многолѣтнихъ изслѣдованій, необыкновенной учености и самыхъ остроумныхъ соображеній — въ основаніи своемъ сходенъ съ мнѣніемъ *Шафарика* — что Славяне отвѣчные обитатели на тѣхъ же мѣстахъ, гдѣ и нынѣ живутъ, что жили тутъ во время Геродота; а потому, что же не вѣроятнаго и въ томъ, что жили они тутъ и во время Гомера, могшаго говорить объ нихъ такъ же, какъ и Геродотъ?

между Двиною, Днѣпромъ и Друтью; въ настоящее же время, подъ общимъ названіемъ Бѣлоруссіи извѣстны двѣ нынѣшнія губерніи: Могилевская и Витебская, за исключеніемъ трехъ ея Лифляндскихъ уѣздовъ: Динабургскаго, Люценскаго и Рѣжицкаго, составлявшихъ въ XVII и XVIII столѣтіяхъ, послѣ Оливскаго въ 1660-мъ году мира, *Польскую Лифляндію* (Inflanty Polskie).

Бѣлоруссія имѣетъ свою собственную исторію, которую можно бы раздѣлить на древнюю и новую. Ея древняя, ея собственная исторія, мало извѣстна; новая же, начинающаяся съ XV столѣтія, тѣсно связана съ политическою исторіею Литвы, Польши и Россіи. По своему географическому положенію, Бѣлоруссія сдѣлалась поприщемъ, на которомъ въ теченіе послѣднихъ четырехъ столѣтій рѣшались оружіемъ, почти всѣ вопросы, составлявшіе политическую жизнь этихъ державъ — и послѣдствія этой вѣковой, кровопролитной борьбы составляютъ судьбу и новую исторію Бѣлорусскаго края. Я имѣлъ въ виду его преимущественно древ-

нѣйшую исторію; такъ какъ позднѣйшая, вособенности съ конца XVII ст., лишенная всякой самобытности, заставила бы только составлять безсвязный перечень событіямъ, или повторять исторію Россіи и Польши.

Никто прежде меня не писалъ объ этомъ предметѣ; потому, быть можетъ, я не могъ избѣжать ни трудностей, ни неудачъ, ни недостатковъ, свойственныхъ каждому начинанію.

Г. Могилевъ.

Марта 19-го 1853-го года.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

КНИГА ПЕРВАЯ.

СТР.

Курганы. — Древнѣйшіе обитатели. — Скифы, Буди-
ны и Гелоны. — Прибытіе родоначальниковъ Сла-
вянъ. — Геты. — Дак-пето-поріаны. — Венеды,
Анты; Славяне. — Сходство названій бѣлорусскихъ
съ придунайскими. — Новое движеніе Славянъ. —
Полочане, Кривичи, Радимичи, Дреговичи. — Нор-
манны; Гаддингъ и Рагнаръ. — Покореніе жителей
Рюрикомъ и Олегомъ 1

КНИГА ВТОРАЯ.

Роговолодь и Рогіяда. — Сватовство Владимира. — Отказъ Рогіяды. — Взятіе Полоцка. — Убіеніе Роговолода. — Судьба Рогіяды. — Горислава. — Мечь. — Ссылка. — Изъяславъ родоначальникъ Князей Полоцкихъ. — Возстаніе Радимичей. — Начало родовой вражды. — Война Брячислава съ Ярославомъ. — Всеславъ Полоцкій. — Война. — Битва на Неміаѣ. — Всеславъ В. К. Кіевскимъ. — Война съ Болеславомъ II. — Бѣгство. — Война продолжается. — Смерть Всеслава. — Удѣлы. — Иауѣрство Глѣба Минскаго. — Мономахъ идетъ на Глѣба. — Усмирненіе. — Походъ Мстислава на Князей Полоцкихъ. — Ссылка ихъ въ Византію. — Возвращеніе. — Междоусобіе. — Своеволіе Полочанъ. — Въ Полоцкѣ республика

КНИГА ТРЕТІЯ.

СТР.

Усиленіе Литвы при Кернусѣ и Ердзвиллѣ. — Набѣги.
— Княжество Литовско-Завилейское. — Мингаило
покоряетъ Полоцкѣ. — Княжество Литовско-По-
лоцкое. — Гинивиллѣ. — Борисъ. — Рогволодъ. —
Потомки Рогнѣды мало по малу исчезаютъ съ лица
исторіи 47

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ.

Зависимость южной Ливоніи отъ Полочанъ. — Прибы-
тіе купцовъ Нѣмецкихъ. — Торговныя конторы. —
Миссіонеры. — Мейнгардъ. — Бартольдъ. — Аль-
бертъ. — Основаніе Гольма, Искуля, Риги. — Уч-
режденіе ордена Меченосцевъ. — Столкновение съ
Князьями Полоцкими. — Владиміръ. — Альбертъ и
Василій. — Угнѣтеніе жителей. — Возстаніе. —
Герсике и Вячко. — Литва усиливается. — Ердз-
виллѣ покоряетъ нынѣшнюю Бѣлоруссію и Смо-
ленскъ. — Миндовгъ. — Тевтовиллѣ въ Полоцкѣ,
Арвидъ въ Рогачевѣ, Тройнатъ на Жмуйли. — Меж-
досудбіе. — Полоцкѣ подаренъ Ордену. — Убіеніе
Миндовга, Тевтовилла, Тройната. — Лютаворъ въ
Полоцкѣ. 53

КНИГА ПЯТАЯ.

Судьба Бѣлоруссин. — Событія. — Два Довмонта. —
Рымундъ возвращаетъ Полоцкѣ Литвѣ. — Витенесъ
выкупаетъ его. — Отдаетъ въ удѣлъ Воину. —
Война съ Крестоносцами. — Основаніе Могилева. . 73

КНИГА ШЕСТАЯ.

Гедиминъ. — Судьба Рогнѣдина потомства. — Бракъ
Ольгерда съ Марією Витебскою. — Андрей Ольгер-
довичъ. — Война съ Крестоносцами. — Любко По-
лоцкий. — Распри съ Исковомъ. — Удѣлы Ольгер-
довичей въ Бѣлоруссин. — Ягелло. — Распри Оль-
гердовичей. — Андрей Кейстутевичъ. — Скиргел-

ло. — Распря за Полоцкъ. — Вѣшательство Ордена. — Смерть Кейстута. — Андрей записываетъ Полоцкъ Ордену. — Вторженіе Крестоносцевъ въ Бѣлоруссію. — Изувѣрство Святослава Смоленскаго. — Умиреніе. — Ягелло въ Бѣлоруссіи. — Скиргелло. — Витольдъ. — Свибригелло. — Война за Витебскъ. — Свибригелло В. К. Литовскимъ. — Заговоръ. — Бѣгство. — Битва подъ Опшьянами. — Императоръ и Крестоносцы. — Миръ. — Опять война. — Битва подъ Вилькомиромъ. — Участь Свибригеллы. — Свибригелла скрывается. — Казимиръ. — Дѣла Смоленскія. — Разныя событія . . 88

КНИГА СЕДЬМАЯ.

Война Іоанна III съ Казиміромъ и Александромъ. — Ведрожская битва. — Перемиріе. — Борьба Василія съ Сигизмундомъ. — Битва подъ Оршею. — Кон. Острожскій. — Новая война. — Онутошеніе Бѣлоруссіи. — Глинскій. — Вторая битва подъ Оршею. — Переговоры о мирѣ. — Осада Полоцка. — Чудо. — Перемиріе. — Борьба Іоанна IV съ Сигизмундами. — Первое вторженіе Россіянъ въ Бѣлоруссію. — Второе; взятіе Гомеля. — Построеніе Себѣжа и Велижа. — Перемиріе 116

КНИГА ОСЬМАЯ.

Паденіе Ордена. — Соединеніе Ливоніи съ Литвою и Польшею. — Вторженіе Россіянъ въ Бѣлоруссію. — Взятіе Полоцка. — Переговоры о мирѣ. — Пораженіе: Шуйскаго подъ Чашниками, Оболенскаго подъ Оршею. — Онутошеніе Бѣлоруссіи. — Перемиріе въ Іоаниѣ. — Бѣгство Курбскаго. — Осада Полоцка. — Переговоры о мирѣ. — Построеніе замковъ около Полоцка. — Успѣхи Витебскаго воеводы Паца. — Подвиги Сангушки. — Взятіе Уллы. — Осада Витебска. — Смерть Сигизмунда. — Перемиріе. — Борьба Іоанна съ Баторіемъ. — Московское

войско вторгается въ Ливонію. — Первый походъ Баторіевъ на Полоцкъ. — Осада и взятіе его. — Покореніе сосѣдственныхъ замковъ. — Второй походъ: на Великія Луки. — Военный совѣтъ въ Чашникахъ. — Покореніе Велижа и Усвятъ. — Осада В. Лукъ. — Покореніе Невеля и Заволочья. — Болѣзнь Короля въ Полоцкъ. — Третій походъ: на Псковъ. — Перемиріе 140

КНИГА ДЕВЯТАЯ.

Постепенное угнетеніе Православія въ Литвѣ. — Унія. — Убіеніе въ Витебскѣ Архіепископа Іосафата Кунцевича. — Унія въ Малороссіи. — Хмѣльницкій воцвѣтъ Литву и Бѣлоруссію. — Усмиреніе. — Подданство Малороссіи. — Борьба Алексѣя съ Казиміромъ. — Первый походъ: взятіе Смоленска, покореніе Бѣлоруссіи. — Второй походъ: покореніе Литвы, взятіе Вильны. — Король Шведскій вторгается въ Польшу. — Виленскій договоръ. — Третій походъ. — Оливскій договоръ. — Успѣхи Польши. — Подвиги Польскихъ полководцевъ. — Мѣстничество губить Московскихъ воеводъ. — Война продолжается. — Миръ 200

КНИГА ДЕСЯТАЯ.

Раздѣлъ Польши. — Присоединеніе Бѣлоруссіи къ Россіи. — Воеводства: Полоцкое, Витебское, Мстиславское, Лифляндское 233

КНИГА ПЕРВАЯ.

Заселеніе страны.

Курганы. — Древнѣйшіе обитатели. — Скифы, Будины и Гелоны. — Прибытіе родовачальниковъ Славянъ. — Геты. — Дак-пето-порданы. — Венеды, Анты; Славяне. — Сходство названій бѣлорусскихъ съ придунайскими. — Новое движеніе Славянъ. — Полочане, Кривичи, Радимичи, Дреговичи. — Норманны; Гаддингъ и Рагнаръ. — Покореніе жителей Рюрикомъ и Олегомъ.

I.

Геродотъ, опредѣливъ сѣверную границу Будиновъ большею пущею, гдѣ находится огромное скопище водъ ⁽¹⁾, не могъ ничего разузнать о другихъ странахъ, лежавшихъ далѣе на сѣверѣ баснословномъ, гдѣ за высокими неприступными горами, которыхъ никто не перехаживалъ, жили чудовищные обитатели: люди, славшіе по шести мѣсяцевъ; одноголазые аримаспы и грицы, сторожившіе золото. Тамъ, въ числѣ странъ, оставшихся неизвѣстными для любознательнаго отца исторіи, былъ и нынѣшній Бѣлорусскій край, чрезъ который лишь протекающій Борисоенесъ (Днѣпръ) былъ ему извѣстенъ въ его южномъ теченіи ⁽²⁾. Въ этомъ мракѣ, надъ которымъ брементѣтъ десять вѣковъ, нѣтъ исто-

рін; а гдѣ нѣтъ ея, тамъ драгоцѣнно и преданіе, которое приводимъ.

«Въ то время, когда торговля Греціи съ отдаленными странами возвысила ея могущество и развила въ ней промышленность, Греки, посѣтивъ отдаленныя сѣверныя страны, нашли берега Диѣпра уже заселенными съ незапамятныхъ временъ народомъ многочисленнымъ, котораго богатство заключалось въ пчелахъ и лѣсномъ звѣрѣ, въ стадахъ многочисленныхъ и рыбѣ Диѣпровской; даже золото, неисповѣдимою волею Божіею, также дано было въ удѣлъ этому народу, не дошедшему до познанія истиннаго Бога; да и міръ въ то время еще не былъ осчастливленъ воплощеніемъ Слова Господня. Но человѣкъ не можетъ жить безъ воображенія о Богѣ, и нигдѣ ни одинъ дикій народъ не жилъ безъ какого нибудь представленія о немъ. Потому удивительно ли, что человѣкъ непросвѣщенный дикія имѣлъ понятія о Богѣ и еще болѣе странные обряды? Слѣды этихъ народовъ и ихъ обрядовъ остаются до нынѣ на своемъ первобытномъ мѣстѣ въ очевидныхъ памятникахъ ихъ могилъ; а память объ нихъ живетъ въ изустныхъ преданіяхъ народа. Скифы, жившіе надъ Диѣпромъ, пребываютъ, какъ слышно, и нынѣ — тамъ, гдѣ живутъ — въ язычествѣ. Они никогда не зарывали мертвыхъ въ ямы; но коль скоро кто умиралъ изъ нихъ, то тѣло его выносили на мѣсто погребенія. Тамъ нѣкоторые тѣла жгли, явилы просто клали на землю безъ погребенія, оставляя лишь при нихъ аства и напитки. Сюда собирался народъ, съѣдалъ и вынималъ что находилъ; а на тѣло умершаго носилъ землю и сы-

палъ курганъ⁽³⁾. Потому, кто изъ нихъ былъ богаче, или кто во время жизни приобрѣлъ болѣе друзей — къ тому болѣе собиралось трапезниковъ, тому долѣе и большій насыпали курганъ. Тѣла царей, витязей и женъ ихъ складываемы были отдѣльно, въ отдаленіи отъ прочихъ; потому надъ ними курганы удивленные и большіе. А надъ злыми и преступниками не сыпали кургановъ: авѣри хищные пожирали тѣла ихъ. Этотъ народъ были Скифы номады и охотники⁽⁴⁾.»

II.

Дѣйствительно, земля Бѣлороссіи вздымается курганами (tumulus) повсемѣстно; особенно же въ области, центромъ которой можно принять среднее теченіе Днѣпра: съ лѣвой его стороны — начиная не много выше мѣстечка Шклова Могилевскаго уѣзда до устья Припяти и до прежнихъ границъ Литовскихъ владѣній съ Россією — а съ правой, область кургановъ простирается чрезъ Борисовскій уѣздъ до границъ собственной Литвы. Но наиболѣе находится ихъ: съ одной стороны — между р. Друтью и низовымъ теченіемъ Березины, съ другой — между г. Могилевомъ и р. Сожемъ. Въ этой области — среди которой будетъ Рогачевъ — вдоль берега Днѣпра, въ такомъ множествѣ являются столпленными эти таинственные курганы, что невольно рождается мысль, будто бы эта страна была вѣковымъ кладбищемъ какого-то многочисленнаго народа въ древности. Еще живое народное преданіе и до настоящаго времени чтить ихъ могилами пер-

вобытнаго народа, столицею котораго былъ нынѣшній уѣздный городъ Рогачевъ, расположенный на полуостровѣ, имѣющемъ видъ согнутаго рога, образуемаго устьемъ Друти въ Днѣпръ ⁽⁵⁾.

Кто были курганокопатели? Были-ль они, въ самомъ дѣлѣ, Скиѣы; или Герры, какъ думаютъ нѣкоторые ⁽⁶⁾? А область нынѣшняго Рогачева ⁽⁷⁾ не была-ль она посвящена, избрана для обширнаго кладбища, заветнаго святилища, народнаго кампосанто? Конечно, это лишь предположеніе; но все же правдоподобное, вызванное обычаемъ и примѣромъ изъ дѣйствительной жизни Геродотовыхъ Скиѣовъ, имѣвшихъ особо избранную мѣстность, куда вывозили для погребенія тѣла своихъ царей, надъ которыми насыпали высокіе курганы, сохранившіеся и до нашихъ дней на берегахъ Днѣпровскихъ.

Со всѣмъ тѣмъ, невѣроятно, чтобы эти могилы были Скиѣскія: кочевой народъ, любившій приволье степей необозримыхъ, не могъ зайти такъ далеко на сѣверъ, гдѣ, среди лѣсовъ дремучихъ и топей не проходимыхъ, одна часть его погибла бы неизбежно, а остальная должна бы была переродиться нравственно, чтобы усвоить новый образъ жизни въ иной землѣ, среди иной природы. Скиѣы погибли или переродились тамъ, гдѣ жили — на степяхъ при черноморскихъ — и Рогачевскіе курганы ужъ никоимъ образомъ не могутъ свидѣтельствовать о пребываніи ихъ въ этомъ краѣ ⁽⁸⁾.

Кеппентъ, на всемъ пространствѣ отъ моря Чернаго до залива Финскаго, различаетъ три рода древнихъ могильныхъ кургановъ: древнѣйшіе или скиѣ-

скіе между моремъ Чернымъ и Обояномъ (Курской губерніи), Варягорусскіе около Ладоги и Волхова и третіе — Казацкіе въ Украинѣ. Но, неужели до Варягорусской эпохи у восточныхъ Славянъ не было въ обыкновеніи насыпать холмовидныхъ могилъ, или кургановъ, попадающихся во множествѣ по всей землѣ Славянской? Неужели отъ временъ древнихъ Скифовъ до Казаковъ ни одинъ народъ, ни одно племя, обитавшее на этомъ огромномъ пространствѣ, не сыпало надъ умершими кургановъ?

Напротивъ того, погребеніе тѣлъ въ землѣ и сыпаніе надъ ними могилъ болѣе или менѣе высокихъ необходимо было, какъ способъ самый естественный и простой, во всеобщемъ употребленіи у всѣхъ народовъ. Одновременно съ нимъ существовалъ у нѣкоторыхъ изъ нихъ и обрядъ сожженія тѣлъ; но обрядъ, уже по существу своему, справлявшійся лицами болѣе значительными или достаточными и — при всемъ томъ — все же погребавшими и послѣ этого прахъ въ землю — въ чемъ, между прочимъ, удостовѣряютъ могилы въ Мазовіи, въ Великой Польшѣ, въ Помераніи и Силезіи ⁽⁹⁾.

Кто же были курганокопатели ⁽¹⁰⁾: славяне или, быть можетъ, еще предшественники ихъ? Рѣшать это археологическія изслѣдованія, для насъ же остается лишь обязанность какъ можно глубже заглянуть въ древность, чтобы распознать въ ней по крайней мѣрѣ древнѣйшихъ, если не первобытныхъ обитателей этого края.

III.

Шафарикъ ⁽¹¹⁾ считаетъ Славянъ аборигенами, жителями столь древними на своихъ мѣстахъ, какъ Кельты и Германцы на своихъ. Геродотовыхъ Будиновъ почитаетъ онъ древнѣйшимъ племенемъ славянскимъ, помѣщаетъ ихъ въ нынѣшней Бѣлоруссiи, гдѣ, именно въ Могилевской губерніи, находится много деревень, называемыхъ *буда*ми, будто бы основанныхъ этимъ народомъ. Быть можетъ, что Славяне столь же древни въ Европѣ, сколько Кельты и Германцы; но, чтобы деревни, называемыя будами, могли свидѣтельствовать названіемъ своимъ о пребываніи Геродотовыхъ Будиновъ въ этомъ краѣ, такъ это болѣе нежели сомнительно ⁽¹²⁾.

Не вѣроятнѣе ли другое, слѣдующее мнѣніе о времени заселенія этой страны Славянами.

Въ теченіе десяти лѣтъ, начиная съ 396 г. до Р. Х., изъ лона Кельтики, Галлы, подобно всесокрушающей лавѣ, устремлялись двумя бурными потоками на югъ Европы: на сѣверозападную Италію и на Паннонію. Стѣсненные этимъ напоромъ Паннонскіе народы въ свою очередь потѣснили сосѣдственныя съ ними племена *Θρακiйскiя*; такъ, что толчекъ данный Галлами Паннонцамъ, сообщился чрезъ нихъ многимъ племенамъ. Началось передвиженіе. Первые паннонскіе Авторъаты нашли на земли *Θρακiйцевъ*: сдвинули Трибалловъ; Трибаллы потѣснили Кровызовъ и оба выѣстъ Гетовъ, обитавшихъ между Истромъ (Дунаемъ) и Гемомъ (Бал-

канами), которые, припихнутые всеобщимъ движеніемъ, съ этого времени (375 г.) начали мало по малу переселяться за Дунай.

Толчекъ данъ, направленіе приобрѣтено и переселеніе, начавшись однажды, продолжалось уже съ этого времени постоянно, въ большей или меньшей степени, смотря по успѣхамъ населенія, всегда требующаго для жизни пространства. Судя по извѣстіямъ, сохраненнымъ исторіею, можно предполагать, что такое заселеніе задунайскихъ странъ Гетами, въ зависимости отъ естественныхъ успѣховъ населенія, продолжалось три столѣтія, въ теченіе которыхъ населеніе — съ одной стороны размножалась на мѣстѣ путемъ рожденій; съ другой, благопріятствуемое извнѣ переселеніемъ изъ Даціи — могло далеко распространиться въ странахъ, лежащихъ къ сѣверу отъ Дуная. Но, въ началѣ четвертаго столѣтія, это, такъ сказать, естественное заселеніе странъ задунайскихъ усилилось насильственнымъ образомъ ⁽¹³⁾.

Уже въ началѣ перваго столѣтія по Р. Х. открылись различныя столкновенія между Римлянами и Даками и — вскорѣ постигла ихъ судьба, общая народамъ, сосѣдственнымъ съ предѣлами обширной державы властолюбиваго Рима, начавшаго съ Дакогетами ⁽¹⁴⁾, подъ различными предлогами, войну. Въ борьбѣ, продолжавшейся долгое время, счастье служило попеременно то одной, то другой сторонѣ. Наконецъ, Царь Гетовъ Дурасъ или Дурпанъ, стѣсненный Римскимъ полководцемъ Корнеліемъ Фускомъ, передалъ свое достоинство Децебалу, разбившему, въ 86 году по Р. Х., на голову

Римлянъ. Походъ Домиціана, въ 89-мъ году, на Дацію не принесъ имъ ни славы, ни пользы: Римскій полководецъ обязался ежегодною данью Дакамъ. Но, Траянъ низвергнулъ это иго и, въ 100-мъ году, снова началась война, счастливая для Рима. Доведенный до послѣдней крайности Царь Дако-Гетовъ Децебалъ, окруженный Траяномъ въ собственной столицѣ Зармизегетѣ, сокрывъ свои сокровища въ р. Саргетѣ (Стрѣѣ), рѣшился лучше сжечь себя добровольно, чтобы только не попасть въ руки враговъ своихъ.

Дація покорена, Дація обращена въ Римскую провинцію; однако не сбылись и надежды горделивыхъ Римлянъ. Они увидѣли лишь зрѣлище, которому не было ничего подобнаго: Дако-Геты народъ земледѣльческій, жившій въ селеніяхъ и городахъ, не желая покориться Римскому игу, явилъ безпримѣрный подвигъ, величественный примѣръ любви къ независимости народной: оставлялъ землю древнюю отцовъ своихъ, съ имуществомъ и пенатами двинулся на противоположный берегъ Дуная. Иди на стогны древняго Рима, а узришь тамъ этотъ величественный выходъ народа ⁽¹⁵⁾.

Перейдя Дунай, Даки, такъ сказать, перенесли съ собою и Дацію и съ этого времени Римскіе писатели начинаютъ различать уже двѣ Даціи: новую и древнюю или Траянову, оставшуюся пустынною, безлюдною, куда пришлось Римлянамъ стягивать переселенцевъ со всѣхъ концовъ своего царства.

Остановившись на лѣвомъ берегу Дуная, Дако-геты направляли свои поселенія далѣе: Даки сперва къ юго-западу отъ Карпатовъ, Геты къ юго-востоку

отъ нихъ : сперва къ Серету, Днѣстру и Бугу ; потомъ къ Вислѣ и наконецъ къ Днѣпру и Западной Двинѣ.

Изъ географовъ : Марина (110 г.), Птоломѣя (160 г.) и вособенности изъ Римскаго дорожника или певтингерскихъ таблицъ 210 года, видно, что по теченію Днѣпра, въ нынѣшней Могилевской и части Смоленской губерніи — отъ впаденія р. Ипути въ Днѣпръ, внизъ по теченію его до впаденія Ути въ Сожъ — обиталъ народъ *Дак-пето-порьяны*, т. е. обитатели, разсѣянные на большомъ другъ отъ друга пространствѣ ⁽¹⁶⁾.

IV.

О подобномъ распространеніи Гетовъ въ этѣ страны удостовѣряетъ многое. Такъ Геты, оставивъ Дацию, древнюю колыбель предковъ своихъ, старались сохранять и поддерживать хотя нравственные узы, связывавшія ихъ такъ сильно съ утраченною отчизною, родимую землю, жившею неизгладимо въ ихъ памяти и воображеніи, къ которой, хотя въ отдаленіи, но въ вѣчномъ сожалѣніи объ ней, они не переставали обращать свои мысли, чувства и взоры. Потому, куда судьба ни привела Гетовъ, туда переносили они съ собою и свои названія : тамъ рѣки, урочища и селенія именовали они названіями тѣхъ, которыя остались въ ихъ прежнемъ придунайскомъ отечествѣ. Такое сходство географическихъ названій съ придунайскими, бывшими въ Дации, всего чаще встрѣчается въ странѣ, лежащей между Карпатами и р. Пили-

цею , по Бугу и Вислѣ и еще въ странѣ верхняго Днѣпра — и мы, ограничиваясь мѣстностію описы-
ваемого края , укажемъ на слѣдующія сходныя , по-
добозвучныя географическія названія :

Въ Дациі и Мизіи :

Въ Бѣлоруссіи :

Дукирава

Дукора въ Минск. губ. надъ
р. Свислочью.

Апула, Апулонъ

Аполе Смол. губ.

Зуси-дава

Чаусы.

Сарново

Жарново, *Шамово, Жуково
(послѣднихъ есть много).

Ненти-дава

Надва въ Смолен. уѣздѣ.

Зари-дава

Ширки надъ Бѣсидью въ Мог.
губ., Черее.

Зарги-дава

Суражъ, Черикова, *Сухол-
рава рѣка и селеніе въ
Оршан уѣздѣ.

Руси-дава

*Рогачевъ.

Ути-дава

Витьба р., Витебскъ, Утяны
или Уцяны надъ Двиною,
Уть или Уць надъ р. Утью.

Ками-дава

Камень въ Витеб. и Минск.
губ.

Оболенсіи (Орак.)

Оболь р. и м. въ Копыс. уѣз.,
и еще рѣка въ Полоц. уѣз.

Санъ-дава

Сѣнно, *р. Сожа или Сожъ.

Дортиконъ (надъ Ду-
наемъ)

*Дронченскъ, Друцкъ, Дру-
тескъ.

Полода, Полтіо — бріа
(Орак.) (17)

р. Полота и г. Полоцкъ.

г. Тивровъ у Тиритовъ
надъ Тиромъ (Днѣст-
ромъ)

Селенія : Туровли, Турски,
Туровски, Турьевы въ Мог.
и Витеб. гг.

Тиассонъ	Дисна городъ и рѣка.
Триассонъ	Дрисса тоже городъ и рѣка.
Тирисковъ	Турскъ, Турья, Туровлянка въ Мог. и Витеб. гг. (14) *.

Къ распространенію этихъ Дакогетскихъ наименованій много могло способствовать вторженіе, около 210 года, Готовъ, поселившихся вблизи Гетовъ (Антовъ) и тѣмъ самымъ побудившихъ ихъ высы-
лать новыя и новыя колоніи, далѣе и далѣе на сѣ-
веръ. Въ то время еще свѣжи были въ памяти ихъ
названія утраченной Дации и въ своихъ новыхъ
поселеніяхъ они еще не переставали быть народомъ
придунайскимъ. Наконецъ, новое движеніе съ юга
на сѣверъ, отъ Дуная къ Вислѣ, Двинѣ и Днѣпру,
въ VI и VII столѣтіяхъ, снова поддержало въ пе-
реселенцахъ, быть можетъ, уже угасавшую, память
о прежнемъ отечествѣ. Правда, огромное простран-
ство земли и времени отдѣляло ихъ отъ него, по-
тому-то и мало находимъ памятниковъ, свидѣтель-
ствующихъ о памяти ихъ о своемъ древнемъ оте-
чествѣ; памятниковъ, сохранившихся въ едва за-
мѣтномъ, для многихъ, быть можетъ, сомнитель-
номъ подобозвучномъ сходствѣ географическихъ
названій :

Въ Дации и Мизии : *Въ Бѣлоруссіи* (Могил. губ.)
Зермизирга, Нермизи- р. Чечера, м. Чечерскъ въ
га, Гермигера уѣз. Рогачев.

* Названія со звѣздочками и между ними означаютъ
наши собственныя (не Лелевелевы) уподобленія; наша
вина, если они неумѣстны.

Тіерна (надъ Дун.)	р. Черница, м. Черезъ въ уѣз. Сѣн.
Зуси-дава	Чаусы.
Зарги-дава	Чериковъ.
Клапинъ, Клепи-дава	*Кляпинъ въ Чериков., Кульпинъ въ Сѣн., Жлобинъ м. Рогачев. уѣз.
Зири-дава	Ширки Мог. губ. надъ р. Бѣсядью или Задункою, *Чериковъ, Суражъ, Жеринъ въ Сѣн., два с. Жарки въ Климовец., Жерстинъ въ Могилев.
*Зурабора	*д. Зубры въ Оршан. (бул. Зибричъ?)
*Ольбіа или Ольвіа (греческая колонія при лиманѣ Борисоен.)	*два с. Ольбы въ Климовец. уѣз.
*Гилѣя (упом. Геродотомъ).	*селеніе Гилѣя въ Сѣн уѣз.

Рѣки впадающія

въ Дунай у Гетовъ : въ Днѣпръ въ Бѣлоруссіи :

Utus (Plevena, Vada)	Уть въ Сожъ.
Osmus (Осьма Булгар)	Осьма около Дрогобужа.
*Aluta (древ. Tiarantus)	*Алюта въ Чаусов. уѣз.
*Rhabon (Шіуль) (")	*З. Двина въ древн. Рубонъ.
Trifulon	*Теребовль близъ Орши.
Pigum	Проня въ Сожъ.
Cecora (Молдав.)	Чечора въ Сожъ.
Nenti-dava	Надва въ уѣз. Смолен.
*Drava	*Одрава въ Днѣпръ, Суходрава въ Двину, обѣ въ у. Оршан.

*Ortachea

*р. Оршица, г. Орша (называет собою нынѣш. приг. г. Орсову); р. Ореса, впад. въ Березину въ Бобруйс. у.

*Sava

*два селенія Савы и одна р. въ Оршан. уѣздѣ).

Делеэль приводитъ болѣе шестидесяти географическихъ названій изъ древней Дациі; ихъ подобозвучное сходство съ таковыми же Польшѣ и Россіи подтверждаетъ извѣстіе о переселеніи въ эти страны Гетовъ, сдѣлавшихся родоначальниками восточныхъ Славянъ. «Хотя бы нѣкоторыя уподобленія названій были ошибочны и невѣрны, хотя бы онѣ относились къ городамъ уже и гораздо позже построеннымъ; со всѣмъ тѣмъ, еще останется много названій, могущихъ свидѣтельствовать о сходствѣ Славянскихъ географическихъ названій съ таковыми же въ Дациі (30).»

V.

Теперь, что касается названія.

Съ теченіемъ времени измѣнилось названіе Даковъ и Гетовъ: первыхъ на Венедовъ, вторыхъ на Антовъ и наконецъ, въ VI вѣкѣ, оба вмѣстѣ сдѣлались извѣстными подъ именемъ Славянъ (Slavini), обитавшихъ отъ Дуная и моря Чернаго до Балтійскаго и отъ Днѣпра до Одры. Объ этомъ свидѣлствуютъ писатели VI столѣтія: Іорданъ, Прокофій и Мецандръ. Такъ, Іорданъ говоритъ, что къ сѣверу отъ Дациі (древней) вся страна отъ Вислы занята поселеніемъ Венедовъ, которые хотя и под-

раздѣляются на многія поколѣнія, носящія каждое особое названіе, со всѣмъ тѣмъ называются двумя главными именами *Славянъ* и *Антовъ*. Первые обитаютъ начиная отъ города Новадунума (Novodunum), что на Дунаѣ, и озера Мизійскаго (Рамзинъ) до Днѣстра и Вислы, живутъ въ лѣсахъ и болотахъ; поселенія же вторыхъ, самаго многочисленнѣйшаго изъ нихъ племени, простираются по берегу Чернаго моря между Днѣстромъ и Днѣпромъ ⁽²¹⁾. Тоже самое говорятъ и Прокоеій: за Истросомъ (Дунаемъ) живутъ Гунны (Авары), Славяне и Анты; однихъ и другихъ, Славянъ и Антовъ, языкъ варварскій; нѣкогда носили они одно общее имя, и оба въ древности назывались *спорами* — названіе, какъ кажется, происшедшее отъ разбросанныхъ жилищъ, или поселеній по обширнымъ, спорнымъ пространствамъ ⁽²²⁾; живущіе при Меотѣ и морѣ Черномъ, называются Угургурами; а къ сѣверу отъ нихъ безпредѣльную страну занимаютъ Анты. Такимъ образомъ, на всемъ этомъ неизмѣримомъ пространствѣ, начиная отъ устья Дуная на сѣверъ къ морю Балтійскому, въ странахъ Вислы и Днѣпра обитали Славяне. Это, недавно возникшее, имя было общимъ названіемъ народа, извѣстнаго до того подъ именемъ Антовъ и Венедовъ. Первое названіе относилось къ племени, занимавшему восточную половину этого пространства, обитавшему къ востоку отъ Вислы, по Днѣпру и къ сѣверу отъ него; Венедомъ же назывались западные племена, обитавшія къ западу отъ Вислы. Это именно пространство, какъ мы видѣли, и заняли Дакогеты: такъ что Даки, обратившіеся къ сѣверо-западу отъ Ду-

ная къ Карпатамъ и далѣе соотвѣтствуютъ Славянамъ; а Геты, направившіеся къ Днѣстру, Днѣпру и Вислѣ соотвѣтствуютъ Антамъ. Одинъ и тотъ же языкъ, одна и та же народность соединяла Даковъ съ Гетами, Славянъ съ Антами ⁽²³⁾.

Такимъ образомъ, между Дако-пето-порынами прежде всего появилось названіе Антовъ. «Слово *анта* — говоритъ Шафарикъ — по свойству языковъ должно было бы выговариваться: по старославянски или кириловски *анта* по ново-булгарски *ата*, по русски и сербски *ута*, по-кroatски *гота*, по-польски *гонта*, по-старочески *ата*, а по-ново-чески *аута*.» Вотъ, въ разныхъ мѣстахъ земли славянской попадаются названія, происходящія отъ темнаго и давно затеряннаго корня *ут*, такъ напримѣръ: *Уть* селеніе и рѣка, впадающая въ Сожъ Могилев. губ., *Уты* деревня надъ Десною Орлов. губ., *Утинка* деревня въ Смоленской, *Утими* въ Вилек. губ. надъ Двиною ⁽²⁴⁾; въ названіи же *Утадамы* города въ Дацин, этотъ корень слышится во всей силѣ. Потому, кажется вѣроятнымъ, что имя Антовъ было лишь мѣстнымъ географическимъ названіемъ, принятымъ частію обширнаго племени въ смыслѣ особенности, или мѣстнаго племяннаго названія.

Главныя жилища Антовъ въ концѣ IV, даже въ VI и VII столѣтіяхъ простарались по берегу Чернаго моря отъ устья Дуная до Днѣпра; такъ что должно сомнѣваться въ обширности ихъ поселеній на сѣверѣ, по Днѣпру ранѣе VI столѣтія. Несторъ какъ бы не знаетъ объ Антахъ и когда не говорить о томъ, чтобы какіе нибудь Славяне пришли

къ Днѣстру, сѣла и прозвались этимъ именемъ, то этимъ почти ясно высказываетъ то, что онъ считаетъ ихъ мѣстными жителями, старожилами, аборигенами ⁽²⁵⁾.

Итакъ, Славяне восточные и западные суть потомки Дакогетовъ и пришли отъ Дуная. Еще до нашихъ дней сохранилась между ними память о первобытной колыбели. Такъ, нашъ простой народъ съ какимъ-то священнымъ уваженіемъ, если не любовью, въ своихъ заветныхъ пѣсняхъ и сказаніяхъ упоминаетъ о *широкомъ, съдомъ, старомъ Дунаѣ*. Бѣлоруссы, именующіе его въ своихъ пѣсняхъ и сказаніяхъ то *большимъ*, то *тихимъ*, то *широкимъ* Дунаемъ, — едва ли не болѣе прочихъ племенъ Славянскихъ сохранили объ немъ памяти; въ странѣ ихъ есть даже рѣки, именуемыя его заветнымъ именемъ. Такъ, въ самомъ Витебскѣ (Uti-dava) рѣчка, плывущая въ Двину, называется *Дунаемъ*; Бѣсядь, впадающая въ Сожъ въ Могилевской губерніи, носитъ еще названіе *Задунки* и наконецъ еще *Дунаецъ* въ Быховскомъ уѣздѣ ⁽²⁶⁾ — все это названія, принесенныя переселенцами съ береговъ Дуная, быть можетъ, даже гораздо ранѣе нашей эры.

VI.

Побудительныя причины къ переселенію скрываются въ лонѣ народа; но сколько можно судить объ этомъ, то размноженіе населенія и безпокойное сосѣдство племенъ враждебныхъ являются главнѣйшими поводами къ этому. Кажется, что оба одновременно и вмѣстѣ подняли предковъ нашихъ съ

мѣста, заставили Антовъ и Славянъ придунайскихъ предпринять, съ конца VI вѣка, переселеніе далѣе на Сѣверъ въ обширныя равнины, уже съ давняго времени мало по малу занимавшіяся колойистами имъ соплеменными.

Несторъ — начиная, по примѣру Византійскихъ писателей, свой разсказъ потомками Ноя—увѣряетъ, что языкъ или народъ Славянскій Яфетова племени, что онъ долгое время жилъ надъ Дунаемъ — тамъ, гдѣ нынѣ Венгрія и Булгарія. Отсюда Славяне разошлись въ разныя стороны, сѣли и прозвались по мѣстамъ: тѣ, которые посѣлились около рѣчки Моравы прозвались Моравами; а другіе назвались Чехами, Хорватами бѣлыми, Сербами, Хорутанами. Когда Валахи надвинулись на Славянъ придунайскихъ и стѣснили ихъ, то Славяне пошли и сѣли надъ Вислою и прозвались Ляхами, отъ нихъ же Поляне, Лутичи, Мазовшаны, Поморяне. Оттуда же Славяне пришли и сѣли около Днѣпра и прозвались Полянами, другіе Древлянами оттого, что посѣлились въ лѣсахъ. Нѣкоторые поселились между Припятью и З. Двиною и прозвались Дреговичами, другіе отъ впадающей въ Двину рѣчки Полоты прозвались Полочанами. Отъ нихъ же, т. е. Полочанъ, Кривичи, которые сидятъ у верховьекъ Волги, Двины, Днѣпра, у нихъ городъ Смоленскъ; отъ нихъ Сѣверяне. Часть Славянъ сѣла такъ же около озера Ильмена и прозвалась своимъ именемъ — Славянами. Два брата, отъ племени Ляховъ, *Радимъ* и *Вятко* пошли отъ запада на востокъ: Радимъ пришелъ и сѣлъ съ родомъ своимъ на рѣкѣ Сожѣ въ нынѣшней Могилевской губерніи и отъ него про-

звались Радичи, а Вятко на Окъ и отъ него Вятчи.

Движеніе Антоу изъ странъ приэвксинскихъ, случившееся нѣсколько позже, неизбежно имѣло своимъ послѣдствіемъ усиленіе Полянъ, Кіевскихъ и Сѣверянъ. Новгородскіе Славяне согнали съ мѣста Чудъ и заняли ихъ землю. Вѣроятно Древляне и Дреговичи подобнымъ же образомъ вытѣснили изъ лѣсистыхъ мѣстъ туземцевъ аборигеновъ, принадлежавшихъ, кажется, къ племени Чудошискому. Такимъ образомъ оттѣсняемы были болѣе и болѣе къ сѣверу народы Чудскаго племени, котораго, хотя и не многочисленныя, поселенія были, какъ кажется, разсыпаны по всей средней полосѣ Россіи⁽²⁷⁾.

Итакъ, слѣдую Нестору, въ самомъ началѣ нашей исторіи находимъ въ нынѣшней Бѣлоруссіи: *Полочанъ*, обитавшихъ по рѣкѣ Полотѣ; далѣе отъ нихъ *Кривичи*, жившіе у верховьевъ Волги, Днѣпра и Двины и занимавшіе самую обширную страну: отъ озера Чудскаго до истоковъ Волги, Днѣпра и Двины, до устья р. Случи и до границъ собственной Литвы и Ливоніи — страну, включающую въ сѣбѣ по нынѣшнему раздѣленію губерніи, Псковскую, Смоленскую, Витебскую и части Могилевской, Минской и Виленской. Въ нынѣшней Могилевской губерніи, по теченію р. Сожи, жили *Радичи*; а за правымъ берегомъ Друти простирались поселенія *Дреговичей*, занимавшихъ пространство между З. Двиною и Припятью.

VII.

Полочане прозвались отъ рѣки Полоты, впадающей въ Двину ⁽²⁸⁾. Они съ древнѣйшихъ временъ занимались торговлею съ Готландомъ и г. Висби, способствовали перевозкѣ товаровъ отъ Балтійскаго моря въ Азію: по Двинѣ до Витебска и отсюда волокомъ до Днѣпра и по немъ до Кіева.

Но загадочно, необъяснимо названіе Кривичей: кто они и почему прозвались этимъ именемъ? Если сходство названія Кривичей съ именемъ Литовскаго верховнаго жреца *Креве* есть случайное и не должно вести ни къ какимъ сближеніямъ ⁽²⁹⁾, въ то время, какъ нѣкоторые доказываютъ, что Кривичи, исповѣдуя одинакую съ Литовцами вѣру, признавали и верховную власть его ⁽³⁰⁾; такъ по тому же самому мы не вправѣ подобно нѣкоторымъ ⁽³¹⁾ производить названіе Кривичей отъ другаго Литовскаго слова *Kirba* — дрягва, болото, которыми въ самомъ дѣлѣ богата страна ихъ. Впрочемъ, это самое загадочное названіе; привевшее въ замѣшательство Шлёцера, усомнившася даже въ Славянскомъ происхожденіи Кривичей ⁽³²⁾.

Татищевъ производитъ это названіе отъ сарматскаго слова *креве* (верховье рѣки); сомнительно также, чтобы оно означало тоже самое, что и названіе Сѣверянъ ⁽³³⁾; ибо если одно изъ племенъ Славянскихъ назвалось или названо Сѣверянами потому, что оно жило къ сѣверу отъ другаго — Подлянъ Кіевскихъ; то не очевидно ли, что тѣже самыя Славяне не имѣли никакой надобности прииски-

вать неизвѣстнаго и, какъ кажется, вовсе чуждаго языку ихъ слова для обозначенія жителей, обитавшихъ отъ нихъ къ сѣверу и которыхъ они уже разсумѣли прозвать поѣтому Сѣверанами. По нашему мнѣнію Кривичи одного происхожденія съ Славянами: какъ восточные Славяне вообще произошли отъ еракійскаго народа Гетовъ, такъ въ частности Кривичи произошли отъ еракійскихъ Кровызовъ или Кробызовъ (34).

Быть можетъ, что религія Кривичей была сходна съ вѣрою Литовцевъ — народа изъ всѣхъ индоевропейскихъ племенъ наиболѣе сближеннаго съ Славянами (35). Кривичи, подобно Литовцамъ, сожигали тѣла умершихъ и прахъ собирали въ особый сосудъ, зольницу; при погребеніи совершали игры — обряды, тоже соблюдавшіеся древними Пруссамъ и Литовцамъ; но и Славянами (36) также. Въ сохраненіи мира съ Греками Руссы поклонились Перуномъ, означавшимъ тоже самое, что у Литовцевъ и Пруссовъ Перкунасъ (37), но чтимый также и Славянами.

Только объ одномъ Смоленскѣ упоминаетъ лѣтописецъ; но кромѣ его, быть можетъ еще и древнѣе, у Кривичей были города *Полоцкъ*, *Витебскъ* (38), *Крево*; наконецъ, позднѣе встрѣчающійся въ лѣтописи, *Торопецъ* (отъ рѣки *Торопы*) у простаго народа *Кривитенскъ*, *Кривичъ* или *Кривизъ* (39). Нынѣшнее мѣстечко Чериков. уѣзда *Кричевъ*, *Кривскъ* въ *Рогачев.*, деревни: *Крево* и *Кривичи* въ *Минской*, р. *Кривина* впад. въ *Двину*, *Кривичи* подъ *Полоцкомъ*, *Кривецъ* или *Кривскъ* на р. *Камби* и *Кривское*

около Порхова еще до настоящаго времени напоминают своими названіями Кривичей.

Названіе Радимичей и Вятичей Несторъ производитъ отъ имени родоначальниковъ и сообщаетъ преданіе, что оба племени происходятъ отъ Ляховъ. Не имѣемъ никакого права заподозрить это преданіе, показывающее, что эпоха прибытія этихъ племенъ не была слишкомъ отдаленною: о немъ помнили еще во времена лѣтописца. Чтó племена эти пришли поздиѣ другихъ, такъ это доказываютъ избранныя ими жилища: Радимичи поселились на Сожѣ; а Вятичи должны были перейти далѣе на востокъ, на Оку, потому что земли на Деснѣ, между Сожью и Окою уже были заняты Сѣверянами⁽⁴⁰⁾. Только одно названіе нынѣшняго мѣстечка Чериковскаго уѣзда *Радомля* напоминаетъ Радимичей, у которыхъ быть можетъ онъ былъ столицею⁽⁴¹⁾.

Названіе Дреговичей, обитавшихъ между Приосетью и Двиною, происходитъ отъ слова *дрегва* — грязь, топь, которыми богата эта страна.

VIII.

Несторъ невыгодными красками описываетъ нравы первобытныхъ обитателей этого края. Радимичи, Вятичи и Сѣверяне имѣли одинакій обычай: жили въ лѣсу, какъ звѣри, ѣли все нечистое, срамословили передъ отцами и передъ снохами; браковъ у нихъ не было, но игрища между селами, гдѣ молодые люди, сговорившись съ дѣвицами, похищали ихъ; держали по двѣ и по три жены. Роди-

ичичи, Вятичи, Сѣверяне и Кривичи при погребеніяхъ совершали *тризну*, и угощали во время ея *стравами* ⁽⁴³⁾; потомъ сожигали трупъ, кости собирали въ небольшой сосудъ, который ставили на столпѣ при дорогѣ. Одновременно съ обычаемъ сожиганія и ставленія урнъ съ пепломъ на придорожныхъ столпахъ, существовалъ обычай погребенія въ могилахъ, которыя сыпали холмами ⁽⁴³⁾.

Этимъ оканчиваются всѣ наши свѣденія о первобытныхъ обитателяхъ Бѣлоруссін, и нѣтъ никакихъ извѣстій объ ихъ общественномъ бытѣ. Но гдѣ есть общество — тамъ должно быть и правленіе, которое у нашихъ Славянъ, раздѣлявшихся на общины, было народное подъ управленіемъ старѣйшинъ ⁽⁴⁴⁾. Но живя разсѣянно, безъ связи и общаго правленія народы не могутъ долгое время сохранять своей независимости и — Радимичи потеряли ее въ началѣ VIII столѣтія, признавъ надъ собою власть Козаровъ, которые въ концѣ VII и началѣ VIII вѣка, привевъ въ трепетъ Римскую Имперію, обратили свое оружіе къ странамъ Днѣпра и Оки: Каіанъ обложилъ данью Сѣверянъ, Радимичей, Вятичей и Дреговичей. Радимичи и Дреговичи платили сперва по *бѣлкъ*, а послѣ по *щлягу* съ двора или дыма.

IX.

Гораздо ранѣе призванія трехъ братьевъ Варяго-Руссовъ въ Россію сѣверо-западная часть ея уже была извѣстна предприимчивымъ соплеменникамъ ихъ ⁽⁴⁵⁾. Отважные Норманскіе Конунги, Гаддингъ

и Рагнаръ Ладброкскій, проникали по Двинѣ въ нынѣшнюю Витебскую губернію даже до Полоцка, который, по своему положенію, быть можетъ, былъ любимымъ пристанищемъ для Норманскихъ искателей приключеній ⁽⁴⁶⁾. Со всѣмъ тѣмъ сомнительно, чтобы они успѣли въ придвинской области завести свои поселенія, и еще тѣмъ болѣе основать какія либо независимыя княжества, какими нѣкоторые считаютъ Полоцкое, Туравское и Герсике надъ Двиною, въ нынѣшнемъ Динабургскомъ уѣздѣ Витебской губерніи ⁽⁴⁷⁾. Впрочемъ, если же это и могло быть, такъ подобному происхожденію обязано развѣ одно Герсике ⁽⁴⁸⁾, котораго исторія намъ почти неизвѣстна; хотя съ другой стороны, должно сознаться, что это предположеніе довольно правдоподобно, такъ какъ Руссы имѣли цѣлую область около средняго теченія Нѣмана и Исландецъ Сноррь-Сонъ, путешествуя по Литвѣ, находилъ своихъ единоплеменниковъ почти около нынѣшнихъ Трокъ ⁽⁴⁹⁾.

Х.

Вскорѣ послѣ основанія Монархій, около 864 г., Кривичи и Полочане добровольно покорились Рюрику, отдавшему Полоцкъ въ управленіе одному изъ своихъ единоплеменцевъ, имени котораго не знаемъ ⁽⁵⁰⁾. Черезъ восемнадцать лѣтъ послѣ, въ 883 г., и остальные Кривичи, населявшіе сѣверо-восточную часть нынѣшней Могилевской губерніи, вѣроятно вмѣстѣ съ Кривичами Смоленскими, безъ сопротивленія покорились храброму Олегу. Нако-

нецъ, по перенесеніи Русской столицы въ Кіевъ, когда Олегъ, желая соединить съ нимъ Новгородъ приведеніемъ всѣхъ племенъ, обитавшихъ между этими городами подъ свою власть, завладѣлъ землями Древлянъ и Днѣпровскихъ Сѣверянъ, сосѣдственные съ ними Радимичи — жители береговъ Сожскихъ добровольно покорились, согласившись платить Великому Князю ту же подать, какую давали они Казарамъ — по *щлягу* — названіе монеты и до нынѣ сохранившееся между Бѣлоруссами (54). Лѣтописи не говорятъ, когда покорены Дреговичи, обитавшіе въ Западной части нынѣшней Могилевской губерніи въ сосѣдствѣ съ Радимичами; но если при Олегѣ все пространство между Новгородомъ и Кіевомъ входило въ составъ Россійской Монархіи, то можно предполагать, что и это племя покорилось, или покорено было въ одно время съ своими сосѣдами Радимичами.

КНИГА ВТОРАЯ.

Князья Полоцкіе.

Рогволодъ и Рогѣда. — Сватовство Владиміра. — Отказъ Рогѣды. — Взятіе Полоцка. — Убіеніе Рогволода. — Судьба Рогѣды. — Горислава. — Местъ. — Ссылка. — Изъяславъ родоначальникъ Князей Полоцкихъ. — Возстаніе Радимичей. — Начало родовой вражды. — Война Брячислава съ Ярославомъ. — Всеславъ Полоцкій. — Война. — Битва на Немизѣ. — Всеславъ В. К. Киевскій. — Война съ Болеславомъ II. — Бѣгство. — Война продолжается. — Смерть Всеслава. — Удѣлы. — Изувѣрство Глѣба Минскаго. — Мономахъ идетъ на Глѣба. — Усмиреніе. — Походъ Мстислава на Князей Полоцкихъ. — Ссылка ихъ въ Византію. — Возвращеніе. — Междоусобіе. — Своеволіе Полочанъ. — Въ Полоцкѣ республика.

XI.

Почти сто лѣтъ лѣтописи ничего не говорятъ о Кривичахъ и Радимичахъ, въ странѣ которыхъ, вѣроятно не произошло ничего особеннаго, могшаго обратить вниманіе лѣтописцевъ. Во время войны Владиміра съ Ярополкомъ въ Полоцкѣ господствовалъ варягъ *Рингвальдъ* или *Рогволодъ*, пришедшій, по сказанію лѣтописца, изъ за моря ⁽⁵²⁾, вѣроятно для того, чтобы служить Великому Князю, и получилъ отъ него въ удѣлъ эту землю ⁽⁵³⁾.

Кто былъ Рогволодъ и когда прибылъ на Русь? Что былъ онъ Варягъ — въ этомъ нѣтъ сомнѣнiя; прибылъ же онъ на Русь, кажется, во время Святослава, къ которому поступивъ на службу, получилъ въ управленiе, а быть можетъ, и въ удѣлъ Полоцкую область, около того времени, когда Святославъ, вознабравшись учредить свое пребыванiе на Дунаѣ, въ 970 году, посадилъ сыновей своихъ: Ярополка въ Кіевѣ, Олега въ землѣ Древлянской, Владимiра въ Новгородѣ ⁽⁵⁴⁾.

Рогволодъ имѣлъ прекрасную дочь *Рогнѣду*. Хотя Ярополкъ и былъ уже женатъ на прекрасной монахинѣ Гречанкѣ, плѣнницѣ Святослава, похищенной имъ въ первый походъ въ Болгарію; но, какъ у Славянъ язычество позволяло многоженство, то Ярополкъ посватался за Рогнѣду, можетъ быть, соединяя съ этимъ сватовствомъ и политическіе виды, и получилъ ея согласіе. Но когда открылась между братьями война, то — опасаясь ли союза Ярополка съ ближнимъ къ Новгороду княженіемъ, или по слуху о красотѣ Рогнѣды — Владимiръ, по словамъ лѣтописца, женолюбивый также выслалъ пословъ въ Полоцкъ съ сватовствомъ. Рогволодъ предоставилъ выборъ дочери: *не хочу разуті рабынича*, отвѣчала гордая норманка, *но Ярополка хочу* ⁽⁵⁵⁾. Раздраженный Владимiръ прежде всего ополчился противу Рогволода, и подступилъ къ Полоцку съ войскомъ своимъ, состоявшимъ изъ Новгородцевъ, Кривичей, Чуди и избранной варяжской дружины. Городъ взятъ приступомъ, Рогволодъ и его два сына умерщвлены ⁽⁵⁶⁾, Рогнѣда досталась жестокому побѣди-

телю, Полоцкѣ обращенъ въ Новгородское намѣстничество (57).

XII.

Бракъ Владимира съ Рогнедою имѣлъ великія послѣдствія. Какъ супруга Владимира она была матерью Изяслава, Мстислава, Ярослава, Всеволода и двухъ дочерей. Владимиръ, второй Соломонъ въ женолюбіи, оставилъ ее и имѣлъ еще четырехъ женъ и 800 наложницъ! Прекрасная, но злополучная княжна, по ея горестямъ прозванная *Гориславою*, простила супругу убійство отца и братьевъ, но не могла простить измѣны въ любви: ибо великій Князь уже предпочиталъ ей другихъ женъ и выслалъ несчастную изъ дворца своего. Въ одинъ день, когда Владимиръ — посѣтивъ ея уединенное жилище на берегу Лыбеди, близъ Кіева, гдѣ въ Несторово время было село *Предславино* — заснулъ крѣпкимъ сномъ, она хотѣла ножомъ умертвить его. Князь проснулся, отвелъ ударъ. Напомнивъ жестокому смерть ближнихъ своихъ и проливая слезы, отчаянная и горестная Рогнеда жаловалась, что онъ уже давно не любитъ ни ея, ни бѣднаго младенца, Изяслава. Раздраженный Владимиръ не видалъ ея, хотя и справедливымъ упрекамъ, и рѣшился собственною рукою казнить преступницу; велѣлъ ей украситься брачною одѣждою и, сидя на богатомъ ложѣ, въ свѣтлой хранилѣ, ждать смерти. Уже гнѣвный супругъ и судія вступалъ въ эту хранину.... Тогда юный Изяславъ, наученный Рогнедою, подалъ ему мечъ обнаженный и сказалъ:

«ты не одинъ, о родитель мой! сынъ будетъ свидѣтелемъ (⁵⁸)» Владиміръ, бросивъ мечъ на землю, отвѣтствовалъ: «кто зналъ, что ты здѣсь!»... удался, собралъ бояръ и требовалъ ихъ совѣта, «государь — сказали они — прости виновную для сего младенца и дай имъ въ удѣлъ бывшую область отца ея.» Владиміръ согласился: построилъ новый городъ въ нынѣшней Минской губерніи и, назвавъ его *Изяславлемъ* (⁵⁹), отправилъ туда мать и сына, сдѣлавшагося родоначальникомъ Полоцкаго Княжескаго дома. Еще разъ упоминаетъ преданіе, занесенное въ лѣтописи, о злополучной Рогнѣдѣ. Владиміръ, сочетавшись бракомъ съ Греческою царицею и принявъ вмѣстѣ съ ея рукою христіанство, долженъ былъ разстаться съ своими прежними женами, и дѣло обращенія началъ съ собственнаго семейства. Крестивъ своихъ дѣтей, Владиміръ послалъ къ Рогнѣдѣ сказать ей: «пріявъ нынѣ законъ Христовъ, отъ нынѣ я остаюсь съ одною женою, которую поялъ въ христіанствѣ. Избери себѣ любаго изъ вельможъ моихъ: да сочетаю тебя съ нимъ бракомъ». Но, ни бѣдствія, ни горе не измѣнили горделивой души матери Изяслава Полоцкаго, Ярослава Великаго и Всеволода Волынскаго. «Иль ты — отвѣчала она — для себя только самаго жаждешь царствія земнаго и небеснаго; а меня лишаешь и здѣшняго скоротечнаго и будущее отнять желаешь. Если ты, оставивъ идолство, обратился на лоно сына Господня; то я, изъ рода державнаго царица, не хочу быть рабою ни царя земнаго, ни его князя; но хочу стать невѣстою Христовой и воспріять на ся ангельскій образъ (⁶⁰)». Преданіе

прибавляетъ, что немощный съ дѣтства ногами сынъ ея Ярославъ, въ послѣдствіи Великій, сидѣвшій въ это время на колѣняхъ у матери, услышавъ такой отвѣтъ посламъ Владиміровымъ, сказалъ со слезами: «О! мати моя! во истину царица еси царицамъ и госпожа господамъ...» сказалъ и — какъ говоритъ преданіе — всталъ на ноги. Рогнѣда, принявшая монашество и съ нимъ имя Анастасіи, скончалась въ 1202 году ⁽⁶¹⁾.

XIII.

Почти сто лѣтъ Радимичи, спокойные данники Великихъ Князей со временъ Олеговыхъ, не извѣстно по какому поводу, вздумали объявить себя независимыми. Владиміръ не замедлилъ привести ихъ къ повиновенію. Храбрый воевода, прозваніемъ Волчій Хвостъ, начальникъ передовой дружины княжеской, встрѣтился съ ними на берегахъ рѣки *Пещаны* ⁽⁶²⁾ и на голову побилъ возставшихъ; они смирились, и съ того времени, пишетъ Несторъ, вошло на Руси въ пословицу: *Радимичи волчья хвоста бояться*.

О жизни и дѣяніяхъ Изяслава, перваго Полоцкаго князя, нѣтъ никакихъ извѣстій. Ему наследовалъ сынъ его Брячиславъ, внукъ Владиміра и Рогнѣды. Юный Князь хотѣлъ смѣлымъ подвигомъ утвердить свою независимость отъ Кіева и началъ войну съ Великимъ Княземъ Ярославомъ. Въ 1021 году взялъ Новгородъ, ограбилъ жителей и съ множествомъ плѣнниковъ возвращался въ свое удѣльное княжество. Ярославъ, выступивъ изъ Кіева,

встрѣтился съ нимъ въ седьмой день его обратнаго похода на берегахъ р. Судомы, въ нынѣшней Псковской губерніи, и тутъ разбилъ его. Брячиславъ ушелъ въ Полоцкъ и вскорѣ примирился съ Великимъ Княземъ, не только оставившимъ его въ покоѣ, но еще увеличившимъ удѣлъ его *Витебскою* и *Усвятами*, нынѣшнимъ мѣстечкомъ Витебской Губерніи ⁽⁶³⁾.

Объ этой войнѣ упоминають Исландскія Саги. Варяги или Норманы, служившіе въ то время Русскимъ Князьямъ, рассказывали возвратясь въ отечество, слѣдующія обстоятельства, достойныя замѣчанія, хотя, можетъ быть, отчасти и баснословныя: «храбрый витязь Эймундъ, сынъ короля Геймарскаго, оказалъ великія услуги Ярославу въ продолженіе трехлѣтней войны съ Кіевскимъ Государемъ (Святополкомъ); наконецъ взявъ сторону Брячислава, еще болѣе удивилъ Россіянъ своимъ мужествомъ и хитростію. Этотъ витязь засѣлъ съ товарищами въ одномъ мѣстѣ, гдѣ надлежало ѣхать супругѣ Ярославовой: убилъ подъ нею коня и привезъ ее къ Брячиславу, остыдивъ многочисленныхъ воиновъ, окружавшихъ Великую Княгиню. Брячиславъ, заключивъ миръ съ братомъ, наградилъ Эймунда цѣлою областію (?)».

Но эта вражда была лишь только началомъ той, ничѣмъ не замиримой вражды, которая вскорѣ открылась между потомками Изяслава и Ярославичами ⁽⁶⁴⁾.

Князья Полоцкіе, Изяславичи, основываясь на своемъ происхожденіи отъ первой супруги Владиміровой и его старшаго сына, какъ старшіе въ

родѣ, считали себя законными наслѣдниками Великокняжескаго престола. Зато Ярославичи воѣми силами души ненавидѣли ихъ, Изъяславичей; часто — не преклоняемые ни къ единодушію, ни къ міру никакими бѣдствіями отечества, раздираемаго ихъ междоусобною враждою — они оставляли всѣ споры и ссоры, дѣлались искренними друзьями, когда соединялись противъ князей Полоцкаго дома.

XIV.

Брячиславъ скончался въ 1044 году; наслѣдовавшій ему сынъ его Всеславъ, правнукъ Рогнѣдинъ, ненавидѣлъ дѣтей Ярославовыхъ, считая себя законнымъ наслѣдникомъ Великокняжескаго престола; такъ какъ дѣдъ его Изяславъ былъ старшимъ сыномъ Владиміровымъ. Современный лѣтописецъ называетъ Всеслава злымъ и кровожаднымъ, суевѣрно приписывая эту жестокость какой-то волшебной повязкѣ, носимой этимъ княземъ для закрытія природной на головѣ язвыны (63). Всеславъ, безъ успѣха осаждавъ Псковъ въ 1065, неожиданно завоевалъ Новгородъ въ 1067, плѣнилъ многихъ жителей; не пощадилъ и святыни церквей, ограбивъ Софійскую. Оскорбленные такою наглостію Ярославичи соединили силы свои и, не смотря на жестокою зиму, осадили *Минскъ* въ княжествѣ Полоцкомъ; взяли его, умертвили гражданъ, а женъ и дѣтей отдали въ плѣнъ воинамъ. Всеславъ сошелся съ непріателемъ на берегахъ *Нѣмана* (64) покрытыхъ глубокимъ снѣгомъ. Множество Россіянъ легло съ обѣихъ сторонъ на мѣстѣ. Хотя Ве-

ликий Князь и побѣдвлъ, но, еще страхась племянника, вступилъ съ нимъ въ переговоры и звалъ его къ себѣ. Всеславъ довѣрился и — вѣроломно былъ обманутъ. Переѣхалъ Днѣпръ подъ Оршею ⁽⁶⁶⁾; самъ Великій Князь Изяславъ встрѣтилъ его, ввелъ въ свой шатеръ и — какъ думаютъ — по наущенію Святослава — отдалъ въ руки воинамъ: несчастнаго взяли вмѣстѣ съ двумя сыновьями, отвезли въ Кіевъ и заключили въ темницу. Но судьба спасла Всеслава изъ рукъ вѣроломныхъ. Послѣ несчастнаго пораженія Россіянъ Печенѣгами на Альтѣ въ 1068, дружина, не успѣвъ упротить Изяслава новымъ подвигомъ загладить стыдъ пораженія, возроптала, чернь взволновалась, разломала темницы, выпустила узниковъ и освободила Всеслава, провозгласивъ его Великимъ Княземъ. Случай — едва ли не единственный въ исторіи! Такимъ образомъ, среди потерянныхъ надеждъ на личную свободу, сверхъ чаянія осуществились честолюбивыя мечты Всеславовы; не долго впрочемъ возсѣдалъ онъ на столѣ великокняжескомъ: всего 7 мѣсяцевъ и 16 дней ⁽⁶⁶⁾.

XV.

Великій Князь съ братомъ бѣжалъ въ Польшу къ Болеславу II, принявшему его съ радушіемъ и вниманіемъ, должнымъ злополучному Монарху, къ тому же и ближнему родственнику. Король согласился содѣйствовать Изяславу къ возвращенію престола и, весною 1069 г., выступилъ съ войскомъ къ Кіеву. Всеславъ допустилъ его до самаго Бѣлграда, гдѣ

уже стоялъ съ войскомъ Кіевскимъ; но устрашенный силою Поляковъ, а можетъ быть, не вѣря и усердію своихъ новыхъ подданныхъ, бѣжалъ ночью изъ стана въ Полоцкъ ⁽⁶⁷⁾.

Кіевляне покорились, Изъяславъ спѣшилъ отомстить Всеславу. Взявъ жаркимъ приступомъ, въ 1070, Полоцкъ, отдалъ его въ удѣлъ Мстиславу, по внезапной же его кончинѣ Святополку, своему другому сыну. Но въ то самое время, Когда Изяславъ распорядился Полоцкомъ, бодрый Всеславъ, набравъ войско, гдѣ то въ чуди (Вожанъ около нынѣшняго Ораніенбаума), нечаянно явился подъ стѣнами Новгорода, гдѣ начальствовалъ юный Глѣбъ Святославичъ, переведенный туда отцемъ изъ Тмутараканя. Новгородцы, ненавидѣвшіе Полоцкаго Князя, сразились отчаянно въ пятницу 23 октября 1069 г., разбили его и могли бы взять въ плѣнъ, но великодушно дали ему спастися бѣгствомъ. Неутомимый Всеславъ сумѣлъ снова овладѣть своимъ удѣломъ и хотя, въ 1071 г. былъ еще разъ побѣжденъ Ярополкомъ, — третьимъ сыномъ Великаго Князя, гдѣ-то у *Голотичьска* ⁽⁶⁸⁾ — однако удержалъ за собою Полоцкъ.

XVI.

Послѣ вторичнаго бѣгства и возвращенія въ 1077 г. въ Кіевъ, Ярославичи, опасаясь честолюбія беспокойныхъ племянниковъ и замысловъ давнишняго врага своего Всеслава, хотѣли удалить первыхъ отъ всякаго участія въ правленіи и вторично изгнать послѣдняго. Ярославичи не разъ хо-
..

дили къ его столицѣ; но не могли сдѣлать ему большаго зла. Владиміръ Мономахъ въ своей духовной говоритъ, что онъ, бывши Княземъ Смоленскимъ, дважды ходилъ съ войскомъ къ Полоцку: разъ лѣтомъ 1077 г. съ отцемъ своимъ Всеволодомъ Княземъ Черниговскимъ, другой разъ зимою 1078 г. съ Княземъ Новгородскимъ Святополкомъ Изяславичемъ и, выжегши предмѣстія Полоцка, обратился къ Друцку⁽⁶⁹⁾. При этихъ нападеніяхъ ни Полоцкъ ни Друцкъ не потерпѣли большаго разоренія; однакожъ Мономахъ изъ Друцка пришелъ къ отцу своему въ Черниговъ съ богатою добычею и подарилъ ему 300 гривенъ, т. е. 150 фунтовъ золота, давши прежде ему и двоюродному брату своему, печальному Олегу Святославичу, роскошный пиръ⁽⁷⁰⁾.

Но ни мечь Ярославичей, ни неудачи не поколебали Всеслава, старавшагося уже по крайнѣй мѣрѣ о расширеніи своего удѣла. Послѣ смерти Изяслава, убитаго въ 1078 г. подъ Черниговомъ, престолъ великокняжескій перешелъ къ Всеволоду, отлавшему Черниговское княжество сыну своему Мономаху. Потому, удѣлъ Смоленскій оставался пока не занятымъ. Всеславъ, пользуясь этимъ, осадилъ Смоленскъ. Владиміръ Мономахъ спѣшилъ туда съ Черниговскою конницею, не засталъ Всеслава, но Смоленскъ еще дымился въ пепѣ. Мономахъ, въ наказаніе врагу, огнемъ и мечемъ опустошилъ его землю, разорилъ Лукомль, Друцкъ и Логойскъ и пошелъ къ Минску; взявъ его приступомъ, отнялъ всѣхъ рабовъ и скотъ у жителей. Такъ этотъ не-

счастный городъ вторично пострадалъ за своего Князя ⁽⁷¹⁾.

Въ 1101-мъ г. 14 апрѣля скончался въ Полоцкѣ этотъ знаменитый чародѣй, княжившій 57 лѣтъ. Неизвѣстно когда и на комъ женился Всеславъ ⁽⁷²⁾, оставившій шестерыхъ или семерыхъ сыновей: Рогволода, Святослава, Романа, Давида, Глѣба, Ростислава, Бориса и одну дочь ⁽⁷³⁾.

Всеславъ оставилъ Полоцкое княжество съ весьма обширными предѣлами, граничившими къ югу — съ княжествомъ Кіевскимъ и отчасти Черниговскимъ; къ востоку — съ Смоленскимъ, Псковскимъ; къ сѣверу — съ Варяжскимъ моремъ, ибо страна Ятвяговъ и часть Ливоніи зависѣла отъ Полоцка; къ западу — съ Лэтгалліею. Заключало въ собственныхъ предѣлахъ, кромѣ Ливоніи, всю нынѣшнюю Витебскую губернію, часть Могилевской (уѣзды Оршанскій, Сѣвской, Копыскій, Могилевскій можетъ быть и Быховскій) и части Минской (уѣзды Борисовскій, Минскій, Дисненскій, Игуменскій и, какъ кажется, Слуцкій ⁽⁷⁴⁾).

XVII.

Со смертію Всеслава исторія Князей Полоцкаго дома становится неразрѣшимо темною; ибо лѣтописи, упоминая объ нихъ случайно, называютъ однимъ именемъ не сказывая ихъ отчества, и наконецъ нѣкоторые изъ нихъ имѣли по два имени.

Неизвѣстно какъ распорядился Всеславъ своимъ удѣломъ: раздѣлилъ ли онъ, слѣдуя обыкновенію тогдашняго времени, на удѣлы между своими сы-

новьями Полоцкое княжество? Предположеніе, судя по послѣдовавшимъ событіямъ вѣроятное; хотя вскорѣ послѣ смерти Всеслава, встрѣчаются явственно только два удѣла: Полоцкій и Минскій. Послѣдній достался Глѣбу, а послѣ него сыну его Ростиславу; въ первомъ княжили до 1129 года, одинъ за другимъ, Романъ, Рогволодъ и Давидъ Всеславичи, о которыхъ такъ мало говорится, что невозможно показать времени ихъ преемничества.

Смерть Всеслава не прекратила наслѣдственной вражды между его потомствомъ и Ярославичами; хотя младшій его сынъ Давидъ, жертвуя наслѣдственною злобою общему благу, прибылъ лично въ станъ соединенныхъ войскъ противъ Половцевъ и принималъ дѣятельное участіе противъ нихъ вмѣстѣ съ Великимъ Княземъ Святополкомъ-Михаиломъ.

Но не всѣ Всеславичи были подобны Давиду. Вскорѣ, Князь Минскій Глѣбъ, нрава жестокаго и безпокойнаго, своими изувѣрными поступками навлекъ на себя гнѣвъ Великаго Князя Святополка-Михаила, которому онъ, не только отказалъ въ повиновеніи, но даже безпокоилъ набѣгами его собственныя земли. Ополчился наконецъ Великій Князь на Глѣба. Путята, Воевода Святополковъ, Олегъ и Ярополкъ сынъ Владиміровъ и даже родной братъ Глѣбовъ Давидъ, ходили, въ 1104 г., осаждаютъ Глѣба въ Минскъ, его столицѣ. Но, войско соединенное возвратилось на этотъ разъ безъ успѣха. Ободренный этимъ Глѣбъ угнѣталъ своихъ подданныхъ всевозможными мѣрами и не давалъ покоя сосѣдямъ. Владѣнія его опустѣли: народъ бѣжалъ

въ сосѣднія земли и въ особенности въ Литву Завиѣйскую, въ которой господствовалъ въ то время Зывибундъ. Князь Минскій часто набѣждалъ его владѣнія и полонилъ беззащитныхъ земледѣльцевъ. Наконецъ, выведенный изъ терпѣнія, Зывибундъ въ свою очередь напалъ на Минское княжество, опустошая его, дошелъ до самой столицы, которую взявши приступомъ, сжегъ и этимъ до того устрашилъ Глѣба, что онъ на долгое время оставилъ его владѣнія въ покоѣ. Но оставивъ Литву, Глѣбъ обратился въ другую сторону, на земли братнія; опустошалъ ихъ волости и уводилъ въ плѣнъ земледѣльцевъ. Отъ Припяти до Днѣпра, отъ верховьевъ Нимана до Двины дымились лучшія деревни и волости подъ его лютыми набѣгами; увлекалъ несчастный народъ въ неволю, продавалъ его въ рабство въ дальнія страны и даже за море, или же селилъ въ пустынныхъ окрестностяхъ Березины. Глѣбъ до того пріучилъ бояръ своихъ къ этому изуверному промыслу, что они слѣлались истыми торговцами невольниковъ. Повсюду раздались жалобы и ропотъ противу варварскаго промысла. Владиміръ Мономахъ усовѣщивалъ, грозилъ Минскому Князю; заставлялъ даже Кіевского Митрополита предать анаѣмъ Глѣба и его сподвижниковъ изуверовъ. Наконецъ, когда и это не образумило ихъ, то самъ Великій Князь, соединясь съ Давидомъ Черниговскимъ и Ольговичами, взялъ въ 1116 г., Вячеславъ (?), Оршу, Копысь — города, какъ видно, принадлежавшіе къ Минскому княжеству — смирилъ Глѣба и простилъ его ⁽⁷⁸⁾; но вновь имъ оскорбленный поручилъ, въ 1119 г., сыну своему Ярополку наказать Глѣба и

его бояръ преступныхъ. Явилось множество охотниковъ для этого, какъ бы крестоваго, похода; ибо Глѣбъ и его бояре были прокляты: даже Зывибундъ принялъ въ немъ участіе. Разбивъ на голову Минчанъ на берегахъ Березины, Ярополкъ пошелъ къ Друцку — удѣлу Минскаго княжества, главному мѣстопребыванію торговцевъ невольниками, взялъ приступомъ крѣпость и, сравнивъ городъ съ землею, жителей переселилъ на новое мѣсто, гдѣ основалъ новый городъ *Новоградъ Желній* ⁽⁷⁶⁾. Глѣбъ отведенъ плѣнникомъ въ Кіевъ, гдѣ и скончался 13-го сентября этого же года.

XVIII.

Наслѣдственная вражда между Ярославичами и Изяславичами принесла наконецъ несчастье дому Князей Полоцкихъ, которые издавна какъ бы отдѣлились отъ Россіи, желая быть владѣтелями независимыми. Великій Князь Мстиславъ, рѣшившись покорить эту древнюю область Кривичей, привелъ въ движеніе силы многихъ Князей; велѣлъ идти братьямъ своимъ, Вячеславу изъ Турова, Андрею изъ Владиміра, сыну Изяславу изъ Курска, давъ ему собственный полкъ Княжескій; Ростиславу, другому сыну, изъ Смоленска; Всеволоду Давидовичу, внуку Игореву и зятю Мономахову, изъ Городка; Вячеславу Ярославичу, внуку Святополка-Михаила, изъ Клецка. Всѣ они должныствовали начать военныя дѣйствія въ одинъ день (4-го августа) ⁽⁷⁷⁾. Всеволодъ Ольговичъ и братья его съ отрядомъ вѣрныхъ Торковъ, отданныхъ въ начальство боя-

рину Войтешичу , въ то же время шли къ Минскому городу *Стръжесу* ⁽⁷⁸⁾. Изяславъ взялъ Логожскъ еще ранѣе назначеннаго Мстиславомъ дня и спѣшилъ соединиться съ прочими, обступившими Изяславъ, удѣлъ знаменитой Рогнѣды первой Владиміровой супруги. Тамъ находился Брячиславъ, сынъ Давида Всеславича, зять Мстиславовъ : хотѣвъ бѣжать къ отцу , онъ попался въ руки къ своему шурину , вевшему съ собою многихъ плѣнныхъ Логожанъ. Узнавъ, что эти плѣнники и Брячиславъ довольны умѣренностію побѣдителя, посаженные рѣшились слаться ; но требовали клятвы отъ Вячеслава , сына Мономахова , что онъ защититъ ихъ отъ всякаго насилія. Клятва дана и нарушена. Ночью, въ слѣдъ за дружиною тысяцкихъ , посланнаго въ городъ, бросились всѣ воины, Андреевы и Вячеславовы : Князья не могли или не хотѣли остановить ихъ ; едва снасли имѣніе дочери Мстиславовой, мечемъ удержавъ неистовыхъ грабителей ; а бѣдныхъ гражданъ отдали имъ на жертву. Скоро и Всеволодъ, старшій сынъ Великаго Князя, вступилъ съ Новгородцами въ Полоцкую область : уstraшенные жители не оборонялись, и выслали своего Князя, Давида, на мѣсто котораго, по ихъ желанію, Мстиславъ далъ имъ Рогволода, брата Давидова ⁽⁷⁹⁾ ; а чрезъ два года, въ 1129 г., отправилъ почти всѣхъ Полоцкихъ Князей въ ссылку , за то, какъ сказано въ нѣкоторыхъ лѣтописяхъ, что они не хотѣли дѣйствовать вмѣстѣ съ нимъ противъ общихъ враговъ отечества, Половцевъ ⁽⁸⁰⁾. Всеславичи Давидъ , Ростиславъ , Святославъ и племянники ихъ , Василько , Іоаннъ , сыновья Рогволодовы, съ женами и дѣтьми на трехъ ла-

дѣлѣхъ отвезены въ Константинополь; Полоцкое и Минское княжества Мстиславъ отдалъ, въ 1129 г., сыну своему Изяславу.

XIX.

Итакъ, удѣлъ Рогнѣды перешелъ отъ ея потомковъ къ Ярославовымъ; но не на долго.... Услышавъ о смерти Мстислава, послѣдовавшей 15-го апрѣля 1132 года, нѣкоторые изъ Полоцкихъ Князей, въ томъ же году, поспѣшили изъ Константинополя въ Россію, между ними и Василько Рогволодовичъ ⁽⁷⁹⁾. Полочане, пользуясь отсутствіемъ Изяслава, выѣхавшаго въ Переяславль, выслали брата его Святополка и признали Княземъ своимъ Василька ⁽⁸⁰⁾. За Изяславомъ осталось пока одно лишь Минское княжество. Василько оставилъ о себѣ память великодушнаго князя. Сынъ Мстислава Всеволодъ, изгнанный недавно Новгородцами, возвращаясь снова въ столицу своего народа, по пути проѣзжалъ чрезъ область Полоцкую въ 1137 г. Василько выѣхалъ ему на встрѣчу; хотя теперь онъ имѣлъ удобный случай отомстить сыну за жестокость отца; но Василько былъ великодушенъ: видѣлъ Всеволода въ несчастіи и клялся забыть древнюю вражду; желалъ ему добра, самъ съ честью проводилъ его чрезъ свои области и на всегда остался вѣрнымъ союзникомъ Всеволодовымъ. Для прекращенія вражды Великій Князь Всеволодъ женился, въ 1143 г., сына своего юнаго Святослава, на дочери Василька Полоцкаго; а въ 1144 г. Изяславъ Мстиславичъ выдалъ свою за Рогволода Бо-

рисовича, позвавъ къ себѣ въ Переяславль на свадебный пиръ Всеволода, супругу его и бояръ Кіевскихъ ⁽⁸¹⁾.

XX.

Въ это время Полочане едва ли уступали въ своемліи Новгородцамъ. Не извѣстно долго ли Василько княжилъ въ Полоцкѣ; знаемъ только, что въ 1151 году Полоцкимъ Княземъ былъ Рогволодъ Борисовичъ, котораго Полочане, въ этомъ году, безъ всякой причины свергнули съ престола, заточивъ его въ Минскъ и избравъ на его мѣсто Ростислава Глѣбовича, Князя Минскаго, а Святослава Черниговскаго покровителемъ ихъ области ⁽⁸²⁾.

Изгнанный мятежными Полочанами Рогволодъ Борисовичъ не могъ равнодушно переносить не заслуженнаго безчестія и ждалъ только благопріятныхъ обстоятельствъ. Спасшись изъ заточенія, ушелъ въ Слуцкъ и, получивъ здѣсь вспомогательную дружину отъ Святослава Черниговскаго, съ презрѣніемъ отвергшаго предложеніе своевольныхъ гражданъ Полоцка, зная чрезъ своихъ повѣренныхъ о добромъ расположеніи къ нему Дручанъ, въ 1158 г., пошелъ къ Друцку. Когда началъ приближаться къ этому городу, болѣе 300 ладей Дручанъ и Полочанъ выѣхало на встрѣчу ему и онъ съ великою честію пошелъ въ городъ. Друцкъ въ то время былъ уже особеннымъ удѣломъ, въ которомъ княжилъ сынъ Полоцкаго Князя Глѣбъ Ростиславичъ, правнукъ Всеслава. Принявъ Рогволода, Дручане выслали Глѣба, ограбивъ его домъ,

бояръ и друзей послѣднего ⁽⁸³⁾. Отецъ Глѣбовъ, Ростиславъ Глѣбовичъ, видя опасное волненіе и въ самомъ Полоцкѣ, старался задобрить гражданъ ласками, дарами и, взявъ съ нихъ новую присягу, осадилъ Друцкъ. Сильный отпоръ жителей заставилъ его искать міра: Рогволодъ далъ клятву жить съ нимъ въ дружбѣ и нарушилъ ее вмѣстѣ съ вѣроломными Полочанами, которые, думая загладить измѣну измѣною, послали сказать ему: «Князь добрый! мы виновны свергнувъ тебя съ престола и разграбивъ твое имѣніе: не помни зла и возвратися къ намъ: выдадимъ тебѣ Ростислава Глѣбовича.» Онъ согласился съ ними; но Ростиславъ, увѣдомленный объ ихъ замыслѣ, ходилъ вооруженный, носилъ латы подъ одеждою и смѣлостію вселялъ боязнь въ злодѣевъ. Наконецъ они устыдились своей робости и звали Князя, жившаго въ трехъ верстахъ отъ города въ загородномъ своемъ помѣстьѣ *Бѣлчицахъ* ⁽⁸⁴⁾, въ собраніе народное, будто бы для дѣлъ государственныхъ, на канунъ праздника Св. Петра и Павла, т. е. 28 іюня. «Вчера я былъ у васъ — отвѣтствовалъ Ростиславъ — для чего же вы не говорили о дѣлахъ?» однакожь поѣхалъ въ городъ. Вѣрный отрокъ княжескій остановилъ его: ибо народъ уже снялъ съ себя личину, грозно вопилъ на вѣчѣ и лилъ кровь бояръ, преданныхъ Глѣбовичамъ. Ростиславъ, соединивъ дружину въ Бѣлчицахъ, удалился въ Минскъ къ брату Володарю, опустошая огнемъ и мечемъ на пути своемъ и грабя жителей Полоцкой области; а Рогволодъ, прибывшій въ Полоцкъ въ іюлѣ, подкрѣпленный силою Князя Смоленскаго, почитая

необходимымъ смирить Глѣбовичей, отнявъ Изяславъ у Всеволода и хотя простоялъ десять дней безъ успѣха подъ Минскомъ, однакожь предписалъ миръ Ростиславу : самъ остался Княземъ Полоцкимъ, Всеволоду далъ *Стръжесъ* ⁽⁸⁶⁾, Изяславъ Брячиславу Васильковичу и возстановилъ тишину, но кратковременную.

Глѣбовичи не хотѣли покориться и первые нарушили миръ съ Рогволодомъ Полоцкимъ : въ 1159 году нечаянно взяли Изяславъ и заключили тамошнихъ Князей *Володшу* и *Брячислава* Васильковичей въ оковы. Рогволодъ, получивъ отъ Великаго Князя въ помощь 600 Торковъ, въ этомъ же году ходилъ съ Полочанами къ Минску противъ Ростислава Глѣбовича, но возвратился безъ успѣха : Торки, потерявъ, по причинѣ гололедицы, лошадей, пѣшіе возвратились обратно въ Кіевъ. Въ слѣдующемъ, 1160 году, опять пошелъ туда и кончилъ миромъ : Васильковичи освобождены ⁽⁸⁶⁾.

XXI.

Но, усмирая непокорныхъ племянниковъ, Рогволодъ самъ утратилъ Полоцкъ. Въ 1161 г. пошелъ онъ на Володаря Глѣбовича къ Городку ⁽⁸⁷⁾; ночью встрѣтилъ его Володаръ съ Литвою. Полочане не устояли : много ихъ было убито, много взято въ плѣнъ. Рогволодъ, потерявъ много войска, убоился показаться въ мятежный Полоцкъ и бѣжалъ въ Слуцкъ, оттуда въ Друцкъ, принадлежавшій или ему или его сыну. Полочане признали своимъ Княземъ его роднаго племянника Всеслава Василькови-

ча. Но мاتهжвый Володаръ не оставилъ въ покоѣ и Всеслава и, въ 1166 г., выгналъ его изъ Полоцка; Всеславъ бѣжалъ въ Витебскъ къ Давиду Ростиславичу, княжившему здѣсь съ 1165 года. Володаръ пошелъ и на Витебскъ; оба войска расположились по обѣимъ сторонамъ Двины; Давидъ не рѣшался дать битвы и ждалъ помощи отъ брата (?) Романа Князя Смоленскаго. Странный случай помогъ ему побѣдить Володаря. Въ полночь послышались шумъ, какъ бы отъ войска, бродившагося чрезъ рѣку; Володаръ, объятый страхомъ — показалось ему, что съ одной стороны идетъ на него Давидъ, съ другой Романъ — обратился въ бѣгство. Теперь Давидъ и въ самомъ дѣлѣ началъ преслѣдовать бѣжавшихъ, полонилъ многихъ заблудшихъ въ лѣсу и снова ввелъ Всеслава въ Полоцкъ къ удовольствію народа.

XXII.

Рогволодъ остался въ Друцкѣ, повидимому и не домогался уже Полоцка, дважды утраченнаго чрезъ вѣроломство его гражданъ ⁽⁸⁸⁾. Сынъ его Глѣбъ, какъ кажется, не любилъ своихъ родственниковъ и удалялся отъ общаго союза съ ними; ибо когда Святославъ Черниговскій вздумалъ возстановить славу Кіева, утратившаго свое первенство съ 1169 г., то противъ Суздальскаго Великаго Князя Всеволода Андреевича ему помогали почти всѣ Полоцкіе владѣтели: Всеславъ Васильковичъ Полоцкій, братъ его Брячиславъ Витебскій, Всеславъ Микуличъ Логожскій, каждый съ своею дружиною, а Всеславъ

Полоцкій даже съ Литовцами и Ливонцами ⁽⁸⁹⁾. Братъ Святославовъ Ярославъ Всеволодовичъ ждалъ ихъ съ Половцами около Друцка куда прибыли и Полоцкіе владѣтели. Одинъ лишь Глѣбъ Рогволодовичъ не хотѣлъ присоединиться къ нимъ и держалъ сторону брата Кіевскаго Князя Давида Растиславича, соединившагося вскорѣ съ Глѣбомъ въ Друцкѣ. Долго оба войска стояли въ виду другъ друга по обѣимъ сторонамъ рѣки Друти; ибо Ярославъ не желая начинать сраженія прежде прихода Святослава, засѣлъ въ укрѣпленныхъ мѣстахъ. Только Давидовы копейщики, переѣзжая Друть, часто начиная драку съ войскомъ Черниговскимъ. Но вотъ явился сынъ Святославовъ съ Новгородцами: все союзное войско переправилось чрезъ Друть, и Давидъ, видя превосходство враговъ, ночью бѣжалъ въ свой удѣлъ. Святославъ приступилъ къ почти беззащитному Друцку, и, обративъ въ пепель его вѣншія укрѣпленія, пошелъ къ Рогачеву, откула по Днѣпру поплылъ къ Кіеву.

Неизвѣстно когда умеръ Всеславъ Васильковичъ и что произошло послѣ него въ Полоцкѣ; кажется этотъ своевольный городъ не хотѣлъ уже вовсе имѣть Князя и обратился въ республику ⁽⁹⁰⁾. Кажется также, что Василько Володаревичъ Логойскій и Глѣбъ Рогволодовичъ Друцкій старались завладѣть Полоцкомъ, но безуспѣшно; хотя и получили содѣйствіе къ этому Давида Смоленскаго и сына его Мстислава Новгородскаго. Зимой 1185 г., силы соединенныхъ Князей приблизились къ границѣ Полоцкой; но Полочане, встрѣтивъ ихъ близъ нынѣшняго Невеля на рѣчкѣ Еменкѣ дарами, остановили

грозное шествіе миромъ , на условіяхъ намъ неизвѣстныхъ (⁹¹).

Съ конца XII вѣка начинаютъ исчезать съ лица исторіи потомки злополучной Гориславы — для нихъ созрѣвала новая судьба, готовились великіе перевороты для земли Всеславовой.

КНИГА ТРЕТІЯ.

Литва покоряетъ земли Кривскія.

Усиленіе Литвы при Кернусѣ и Ердзвиллѣ. — Набѣги. — Княжество Литовско-Завилейское. — Мингаило покоряетъ Полоцкъ. — Княжество Литовско-Полоцкое. — Гинвиллѣ. — Борисъ Рогволодъ. — Потомки Рогвѣды мало по малу исчезаютъ съ лица исторіи.

XXIII.

Въ то время, когда Русь обуреваема была внутренними смутами, а Полоцкіе владѣтели, запутавшись въ мелочные распри, тратили и время и силы другъ противу друга, сосѣдственная страна — Литва усиливалась, росла въ могущество и славу.

Уже внукъ Палемона Кернусъ, около 1048 г., завладѣлъ значительною частію земель Кривскихъ до р. Дзитвы; владѣнія его простирались до Семигаліи, до лѣваго берега Двины и до земель Бреславльскихъ ⁽⁹²⁾. Завоеваніе земель Кривскихъ, случившееся почти одновременно съ завоеваніемъ земель Литовскихъ Россіянами, подала ему возможность основать первое Литовское княжество — *Литовско-Завилейское*, бывшее, по составу своихъ жителей, ни чѣмъ инымъ какъ собственно Литовско-Крив-

скимъ или Литовско-Русскимъ. Жители этого княжества Кривичи, хотя и различнаго съ Литовцами происхожденія, но, какъ думаютъ, исповѣдывали одинаковую съ ними вѣру — обстоятельство много способствовавшее Кернусу не только къ покоренію Кривичей, но и къ упроченію новаго княжества, которое подъ властію самостоятельнаго Князя мало по малу окрѣпло и до того усилилось, что съ этого времени лѣтописцы начинаютъ примѣчать край новый — Литву. Послѣдовавшія событія, обуревавшія Россію съ 1055 по 1058 г., много способствовали къ утвержденію могущества новой державы; ибо Кернусъ, пользуясь этимъ, собравъ съ братомъ своимъ Гимбутомъ войско около Виліи и на Жмуйди, проникъ еще глубже въ земли Кривскія: Полоцкъ и Бреставль видѣли Литовскихъ наѣзтниковъ, страшнымъ образомъ опустошившихъ эти страны ⁽⁹³⁾. Смуты продолжались въ Россіи — и Литва усиливалась на счетъ ея. Внукъ Гимбутовъ Ердзвилль, освободивъ въ 1065 г. изъ подъ власти Князей Русскихъ *Нерому* и *Пелузію* ⁽⁹⁴⁾, основалъ изъ нихъ и еще земель Литовскихъ на правомъ берегу р. Виліи второе Литовское княжество, назвавшееся *Верхнею-Литвою* (*auxtete Lietua*) для отличія отъ Литвы нижней или Жмуйди (*Zomaiten*) ⁽⁹⁵⁾.

XXIV.

Въ то время, когда въ концѣ XII столѣтія Князья Русскіе заняты были то Половцами, то внутренними распрями, въ умѣ Литовскаго Князя стараго Мингайлы созрѣвали великіе планы — расширенія сво-

ихъ предѣловъ насчетъ земель Русскихъ. И потому — сперва, какъ бы только пробуя силы, въ 1183 г. — перешелъ Двину и опустошилъ Псковскія земли; а въ слѣдующемъ, среди жестокой зимы, напалъ на земли Псковитянъ и Новгородцевъ, нечаявшихъ все этого нападенія. Лѣтописи упоминаютъ о многихъ набѣгахъ Литовскихъ, но — по словамъ ихъ — еще никогда не были они столь лютыми, какъ въ этомъ году.

Наконецъ, старый Мингаило рѣшился. Утвердивъ на престолѣ княжества, основаннаго Ердзвилломъ, внука своего, Тройната Скирмундовича; для сына своего, Гнивилла, задумалъ завоевать новую область и — выборъ его палъ на земли Кривскія. Неизвѣстно, почему именно Мингаило оставилъ въ покоѣ тѣ изъ нихъ, которыя находились ближе, по лѣвую сторону Двины: потому ли, что онѣ были въ сосѣдствѣ съ княжествомъ Литовско-Завилейскимъ и тамошній Князь, быть можетъ, имѣлъ на нихъ свои виды; или же потому, что съ владѣтелями этихъ земель былъ онъ въ дружественныхъ сношеніяхъ? Словомъ, выборъ его палъ на Полоцкъ, сдѣлавшійся — какъ мы уже видѣли — послѣ 1181 г. вольнымъ городомъ, и на участь котораго по этому самому Кривскіе владѣтели смотрѣли равнодушно.

Въ 1190 г. Мингаило выступилъ противу Полоцка ⁽⁹⁶⁾; Полочане встрѣтили его, подъ Городиномъ или Городцомъ, гдѣ, въ кровопролитномъ боѣ рѣшителномъ боѣ, легли почти всѣ до единого храбрые защитники независимости. Полоцкъ отворилъ врата свои побѣдителю — явилось третье Литовское княжество: *Литовско-Полоцкое* ⁽⁹⁷⁾. Утвердивъ здѣсь

власть свою, Мингайло передалъ Гинвилу; самъ же, удалившись въ Литву, скончался въ 1192 г. въ Новогрудѣ-Троцкомъ.

XXV.

Новый Князь—вдали отъ родственниковъ, владѣя княжествомъ иноплеменнымъ—спѣшилъ сблизиться съ Князьями Русскими, войти съ ними въ родственныя отношенія. Принявъ православіе, а съ нимъ имя Георгія, сочетался бракомъ съ Марією, дочерью Тверскаго князя Бориса ⁽⁹⁸⁾, на 66 году своей жизни; ибо родился въ 1125 г. Воевавъ нѣкоторое время съ Псковомъ и Смоленскомъ за границы своихъ владѣній, скончался въ 1199 г. въ Оршѣ ⁽⁹⁹⁾.

Сынъ и наслѣдникъ его Борисъ отличался, по словамъ лѣтописи, большею набожностію. Ему приписывается построеніе въ Полоцкѣ церквей: во имя Премудрости или Софійской, Борисоглѣбской надъ р. Бѣчицею и еще Пятницкой ⁽¹⁰⁰⁾. Издержки на сооруженіе столькихъ храмовъ, въ то время, были весьма значительны и тѣмъ болѣе еще потому, что—по сказанію Стрыйковскаго—нужные для нихъ матеріалы—кирпичъ, извѣсть и прочее—привозимы были по Двинѣ изъ Лифляндіи. Сказаніе вообще невѣроятное, отчасти правдоподобное, вѣроятное; ибо Нѣмцы въ Ливоніи, уже со времени Мейнгарда, имѣли достаточное число необходимыхъ ремесленниковъ. Борисъ Гнивилловичъ—воевавъ нѣкоторое время съ Смоленскомъ, Витебскомъ, Псковомъ и Новгородомъ—скончался въ 1206 г. ⁽¹⁰¹⁾, возвративъ предъ смертію Полочанамъ, всѣ права и привилегіи

отнятыя у нихъ дѣдомъ его, Мингайлѡмъ. Тѣло его погребено въ Софійскомъ храмѣ ⁽¹⁰²⁾.

Борису наследовалъ сынъ его Рогволодъ, въ православіи Василій, княжившій независимо въ Оршѣ и съ правами ограниченными въ Полоцкѣ. Во время этого Князя — погибшаго въ 1223 г. , на 69 году отъ рожденія въ Дерптѣ — случились великія событія въ Ливоніи и Семигаліи — о чемъ расскажемъ ниже. Онъ имѣлъ сына Глѣба , котораго ни день рожденія, ни смерти неизвѣстны ⁽¹⁰³⁾.

XXVI.

Итакъ Полоцкъ — главный удѣлъ потомковъ Изяслава Владиміровича — уже не принадлежалъ имъ. Чтѡ происходило въ это время въ прочихъ удѣлахъ Полоцкаго княжества? Неизвѣстно. Позволительно однако думать , что Князья ихъ , низшедшіе на степень мелкихъ владѣтелей , еще нѣкоторое время сохраняли тѣнь самостоятельности, по крайней мѣрѣ до Рингольта , при которомъ почти весь Бѣлорусскій край, кажется, уже принадлежалъ Литвѣ. Одинъ лишь удѣлъ Витебскій еще долго, до Ольгерда , сохранялъ какъ то свою независимость; но независимость, имѣвшую лишь тѣнь самобытности. Витебскъ, какъ удѣлъ слабый—заключавшійся въ нынѣшнихъ Витебскомъ, Городецкомъ и Суражскомъ уѣздахъ Витебской губерніи — зависѣлъ отъ ближайшихъ сосѣднихъ княжествъ, Черниговскаго и Смоленскаго. Подобнаго же рода самостоятельностью пользовались и прочіе удѣлы Полоцкаго княжества до совершеннаго покоренія ихъ Литовцами;

такъ какъ Мингаило, покоривъ Полоцкъ, владѣлъ уже почти всею нынѣшнею Витебскою губерніею, за исключеніемъ Витебскаго удѣла и нынѣшняго Велижскаго уѣзда, принадлежавшаго Смоленскому княжеству. Сильное вліяніе Черниговскихъ и Смоленскихъ Князей на Кривскихъ владѣтелей, утвердившееся чрезъ не примиримую взаимную ихъ вражду, видно, между прочимъ, изъ слѣдующаго событія. Безпокойный Ярославъ Черниговскій никакъ не могъ ужиться съ Ростиславичами — Рюрикомъ Кіевскимъ и Давидомъ Смоленскимъ ; что бы успокоить его и примирить съ собою и братомъ, Кіевскій Князь обѣщалъ *исходатайствовать* ему у брата Витебскъ, въ которомъ княжилъ зять Давидовъ, Василько Брячиславичъ. Но Ярославъ не захотѣлъ воспользоваться великодушной уступкою, а рѣшился взять Витебскъ силою. Племянникъ его, Олегъ Святославичъ, съ сыновьями самаго Ярослава, въ концѣ зимы 1196 г., выступилъ съ войскомъ къ Витебску и началъ грабить область Смоленскую. Племянникъ Давидовъ, Мстиславъ Романовичъ, спѣшилъ съ отпоромъ ; но Олегъ уже соединился съ Василькомъ Володаревичемъ и Борисомъ Друцкимъ ⁽¹⁰⁴⁾ и занялъ выгодное мѣсто. Мстиславъ вышелъ съ полками изъ лѣса, напалъ стремительно и смялъ рать Черниговскую ; но дружина Борисова ударила съ тылу на полки Мстиславовы и — этотъ храбрый Князь, окруженный рядами непріятелей, принужденъ былъ сдаться Князю Друцкому Борису , у котораго Олегъ выпросилъ его себѣ и отвелъ плѣнникомъ въ Черниговъ.

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ.

Утрата Ливоніи; усиленіе Литвы.

Зависимость южной Ливоніи отъ Полочанъ. — Прибытіе купцовъ Нѣмецкихъ. — Торговья конторы. — Миссіонеры. — Мейнгартъ. — Бартольдъ. — Альбертъ. — Основаніе Гольда, Итскуля, Риги. — Учрежденіе ордена Меченосцевъ. — Столкновеніе съ Князьями Полоцкими. — Владиміръ. — Альбертъ и Василій. — Угнѣтленіе жителей. — Возстаніе. — Герсике и Вячко. — Литва усиливается. — Ердзвилль покоряетъ нынѣшнюю Бѣлоруссію и Смоленскъ. — Миндовгъ. — Тевтовилль въ Полоцкъ, Арвидъ въ Рогачевъ, Тройнатъ на Жмуйлѣ. — Междоусобіе. — Полоцкъ подаренъ Ордену. — Убіеніе Миндовга, Тевтовилля, Тройната. — Лютаворъ въ Полоцкъ.

XXVII.

Семигаллія и южная Ливонія съ древнѣйшихъ временъ находилась въ зависимости отъ Кривичей или Полочанъ; но когда Литва при Кернусѣ стала усиливаться, то жители Семигалліи открыто начали стараться объ освобожденіи изъ подъ власти ихъ. Полоцкій Князь Всеславъ Брячиславичъ посылалъ сыновей своихъ Юрія и Давида на усмиреніе жителей Семигалліи, которые, соединившись съ Литовцами, въ рѣшительномъ сраженіи разбили на

голову князей, потерявшихъ 9,000 войска ⁽¹⁰⁵⁾. Былиль дѣлаемы послѣ этого Полоцкими Князьями попытка къ утвержденію своей власти надъ Семигалиею? Неизвѣстно; однако послѣдующія событія обнаруживаютъ, что южная Ливонія обязана была данью Полочанамъ.

Съ начала XII вѣка начали посѣщать устья Двины Бременскіе и Любскіе купцы, которые—мало по малу углубляясь во внутрь страны—основали наконецъ складочное мѣсто при Двинѣ, Иксуль (Yskeskola). За купцами явились Миссіонеры и первый изъ нихъ Мейнгардъ — мужъ, отличавшійся истинно апостольскими качествами, прибывъ въ 1186 г.—почелъ для себя первою обязанностію испросить на проповѣдываніе слова Христова между язычниками, дозволеніе у Князя Псковскаго и Новгородскаго Владиміра Мстиславича ⁽¹⁰⁶⁾, который не только согласился на это, но даже отпустилъ Мейнгарда съ дарами, не предвидя слѣдствій, которымъ вскорѣ надлежало открыться отъ властолюбія Папъ и Духовенства Римскаго.

XXVIII.

Мейнгардъ построилъ церковь въ Уксулѣ и успѣлъ обратить нѣсколько туземцевъ. Скоро литовцы напали на окрестности Уксуля; Мейнгардъ съ жителями послѣдняго укрылся въ лѣсахъ, гдѣ имѣлъ бой съ врагами. По удаленіи ихъ, онъ началъ укорять Ливовъ за то, что они живутъ такъ оплошно, не имѣютъ крѣпостей и обѣщали построить имъ крѣпкіе замки, если они за это обяжутся при-

нять христіанство. Ливы согласились; и на слѣдующее лѣто явились изъ Готланда строители и каменосѣчцы. Еще прежде чѣмъ начали строить замокъ Уксуль, часть народа окрестилась, остальные обѣщали креститься какъ скоро весь замокъ будетъ готовъ. Замокъ выстроили, Мейнгардъ посвященъ въ Епископы; но никто не думалъ креститься. Подъ условіемъ такого же обѣщанія выстроили другой замокъ—Гольмъ, и такъ же никто не думалъ принимать христіанства; мало того, язычники начали явно обнаруживать непріязненныя намѣренія противъ Епископа, грабили его имѣніе, били его домашнихъ; но всего больше огорчало Мейнгарда то, что уже и крещенные туземцы стали погружаться въ Двину, чтобъ, по ихъ словамъ, смыть съ себя крещеніе и отослать его въ Германіи (107). У Мейнгардта былъ товарищъ въ дѣлѣ проповѣди, братъ Θεодорихъ, монахъ Цистерціенскаго ордена: этого Θεодориха Ливонцы вздумали однажды принести въ жертву богамъ, чтобы жатва была обильнѣе, чтобы дожди не повредили ей. Народъ собрался, положили копье на землю, вывели священнаго коня, смотрять, какою ногою прежде ступить конь: правою — опредѣлить смерть, лѣвою жизнь; конь ступаетъ ногою жизни; но волхвъ противится, утверждаетъ, что тутъ чары со стороны враждебной религіи: опять ведутъ коня, опять ступаетъ онъ лѣвою ногою и Θεодорихъ спасенъ. Въ другой разъ тотъ же Θεодорихъ находился въ Эстоніи, когда въ день св. Іоанна Крестителя случилось солнечное затмѣніе: несчастному грозила опять страшная опасность отъ язычниковъ, кото-

рые приписали затмѣніе ему, говоря: это ты пожираешь солнце.

Когда Мейнгардъ увидѣлъ, что мирными средствами трудно будетъ распространить христіанство между Ливами, то отправилъ посла къ Папѣ представить жалкое положеніе юной церкви: Папа повелѣлъ проповѣдывать крестовый походъ противъ Ливонскихъ язычниковъ; но Мейнгардъ не дождался прибытія крестоваго ополченія: умеръ въ 1196 г. Въ этомъ же г., Датскій Король Кануть VI присталъ къ Эстонскому берегу и утвердился здѣсь, принудивъ туземцевъ силою принять христіанство. Между тѣмъ, Ливонскіе христіане отправили посольство къ Бременскому архіепископу съ просьбою о присылкѣ преемника Мейнгарду. Новый епископъ, Бартольдъ явился сперва безъ войска, собралъ туземныхъ старшинъ и пытался привлечь ихъ къ себѣ угощеніями и подарками, однако напрасно: при первомъ удобномъ случаѣ они завели споръ о томъ, какимъ способомъ погубить новаго епископа: сжечь ли его въ церкви, или убить, или утопить въ Двинѣ. Бартольдъ тихонько ушелъ на корабль и отплылъ сперва на Готландъ, а потомъ въ Германію, откуда послалъ къ Папѣ съ извѣстіемъ о своемъ печальномъ положеніи. Папа объявилъ отпущеніе грѣховъ всѣмъ, кто отправится въ крестовый походъ противъ Ливонцевъ; вслѣдствіе чего около Бартольда собрался значительный отрядъ крестоносцевъ, съ которыми онъ и отправился назадъ въ Ливонію. Туземцы вооружились и послали спросить епископа, зачѣмъ онъ привелъ съ собою войско? Когда Бартольдъ отвѣчалъ, что войско пришло для

наказанія отступниковъ, то Ливонцы велѣли отвѣчать ему: «Отпусти войско домой и ступай съ миромъ на свое епископство: кто крестился, тѣхъ ты можешь принудить оставаться христіанами, другихъ убѣждай словами, а не палками.» Урокъ не подѣйствовалъ на Бартольда: онъ позволилъ себѣ принять участіе въ битвѣ между крестоносцами и туземцами, и когда послѣдніе были обращены въ бѣгство, то быстрый конь занесъ епископа въ ряды язычниковъ, которые изрубили его. Нѣмцы воспользовались своею побѣдою и страшно опустошили страну; туземцы принуждены къ покорности, крестились, приняли къ себѣ священниковъ, опредѣлили на ихъ содержаніе извѣстное количество сѣстныхъ припасовъ съ плуга; но только что крестоносцы успѣли сѣсть на корабли, какъ уже Ливонцы начали окунываться въ Двину, чтобъ смыть съ себя крещеніе, ограбили священниковъ, выгнали ихъ изъ страны; хотѣли сдѣлать тоже и съ купцами, но тѣ задарили старшинъ, и остались ⁽¹⁰⁸⁾.

Скоро возвратились священники; съ ними пріѣхалъ новый епископъ Альбертъ въ сопровожденіи крестоваго отряда, помѣщавшагося на 23 корабляхъ. Альбертъ принадлежалъ къ числу тѣхъ историческихъ дѣателей, которымъ предназначено измѣнять бытъ старыхъ обществъ, полагать твердыя основы новымъ. Прибывъ въ Ливонію, онъ мгновенно уразумѣлъ положеніе дѣлъ; нашелъ вѣрныя средства упрочить торжество христіанства и своего племени надъ язычествомъ и туземцами; съ изумительнымъ постоянствомъ стремился къ своей цѣли, и достигъ ея. Враждебно встрѣтили туземцы новаго епископа,

**

онъ долженъ былъ выдержать отъ нихъ осаду въ Гольмѣ; новоприбывшіе крестоносцы освободили его; но Альбертъ хорошо видѣлъ, что съ помощію этихъ временныхъ гостей нельзя утвердиться въ Ливоніи. Туземцы не могли устоять противъ искуснаго нѣмецкаго войска, потерпѣвъ пораженіе, видя жилища и нивы свои опустошенными, они покорялись, обѣщаясь принять христіанство; но стоило только крестоносцамъ съѣсть на кораблѣ, какъ они возвращались къ прежней вѣрѣ и начинали враждебно дѣйствовать противъ пришлецовъ. Нужно было слѣдовательно вести борьбу не временными, случайными наѣздами; нужно было стать твердою ногою на новой почвѣ, вывести сильную нѣмецкую колонію, основать городъ, въ стѣнахъ котораго юная церковь могла бы находить постоянную защиту. Съ этою цѣлію, въ 1200 г., Альбертъ основалъ при устьѣ Двины городъ Ригу; но мало было основать, нужно было еще дать населеніе новому городу и Альбертъ самъ ѣздилъ въ Германію набирать колонистовъ и привозилъ ихъ съ собою. Но одного города съ нѣмецкимъ населеніемъ было еще недостаточно: народонаселеніе это не могло предаваться мирнымъ занятіямъ, потому что должно было вести постоянную борьбу съ враждебными туземцами; нужно было слѣдовательно постоянное военное сословіе, которое бы приняло на себя обязанность постоянной борьбы съ туземцами, обязанность защищать новую колонію; для этого Альбертъ сперва началъ было вызывать рыцарей изъ Германіи и давать имъ замки въ ленное владѣніе; но это средство могло вести къ цѣли только очень медлен-

но, и потому онъ скоро придумалъ другое, болѣе вѣрное, именно основаніе ордена воинствующихъ братій, по образцу военныхъ орденовъ въ Палестинѣ. Папа Иннокентій III одобрилъ мысль Альберта, и въ 1202 г. учредилъ *орденъ рыцарей Меча*, получившій уставъ храмоваго ордена; новые рыцари носили бѣлый плащъ съ краснымъ мечемъ и крестомъ, вмѣсто котораго послѣ стали нашивать звѣзду. Первымъ магистромъ ихъ былъ Винно фонъ Рорбахъ.

XXIX.

Такимъ образомъ Нѣмцы стали твердою ногою при устьѣ Двины; какъ же смотрѣли на это Князья Полоцкіе? Въ то время въ Полоцкѣ княжилъ Борисъ Гнивилловичъ. Желая ли вытѣснить не званыхъ пришлецовъ въ самомъ началѣ ихъ водворенія, или по просьбѣ самихъ Латышей, напалъ въ 1203 г. съ войскомъ на Лифляндію, осадилъ Искуль или Уексколу и, взявъ окупъ, подступилъ къ Гольму; однако же, нашедъ его хорошо укрѣпленнымъ, обратно возвратился въ Полоцкъ лѣвымъ берегомъ Двины ⁽¹⁰⁹⁾.

Почти одновременно съ нимъ и другой какой-то владѣтель Двинскаго княжества *Герсике*, князь или ярлгъ—*Всеволодъ*, подошедъ лѣвымъ берегомъ Двины къ Ригѣ, заграбилъ пасшійся скотъ, захватилъ въ плѣнъ двухъ священниковъ и хотя не рѣшился осадить Ригу, но за то отразилъ высланную за нимъ погоню ⁽¹¹⁰⁾.

Вѣроятно, подобныя обстоятельства заставили

Альберта подумать о сближеніи съ Полоцкимъ Княземъ, на котораго онъ до этого времени, какъ кажется, мало обращалъ вниманія. Желая безпрепятственно утвердиться въ низовьяхъ Двины, Альбертъ, рѣшившись на время усыпить вниманіе Полоцкаго Князя, и потому отправилъ къ нему аббата Теодориха съ подарками и дружелюбными предложеніями. Прибывъ въ Полоцкъ, Теодорихъ узналъ, что тамъ находятся посланцы отъ старшинъ Ливонскихъ, пріѣхавшіе жаловаться князю на насилія Нѣмцевъ и просить его объ изгнаніи ненавистныхъ пришлецовъ. Въ присутствіи Ливонцевъ, Князь спросилъ Теодориха, за чѣмъ онъ пришелъ къ нему, и когда тотъ отвѣчалъ, что за миромъ и дружбою, то Ливонцы закричали, что Нѣмцы не хотятъ и не умѣютъ сохранять мира. Князь отпустилъ Епископскихъ пословъ, приказавъ имъ дожидаться рѣшенія въ отведенномъ для нихъ домѣ: онъ не хотѣлъ отпустить ихъ тотчасъ въ Ригу, чтобъ тамъ не узнали объ его непріятельскихъ намѣреніяхъ. Но аббату удалось подкупить одного боярина, открывшаго ему, что русскіе, въ согласіи съ туземцами, готовятся къ нападенію на пришлецовъ; аббатъ не терялъ времени: отыскавъ какого то нищаго въ городѣ изъ Гольма, нанялъ его отнести къ Епископу въ Ригу письмо, извѣщавшее о всемъ виденномъ и слышанномъ. Епископъ приготовился къ оборонѣ; а Князь, узнавши, что его намѣренія открылись, вмѣсто войска отправилъ пословъ въ Ригу съ наказомъ выслушать обѣ стороны—какъ Епископа, такъ и Ливонцевъ — и рѣшить, на чьей сторонѣ справедливость. Послы, пріѣхавъ въ Кукейнось, послали

оттуда дьякона Стефана въ Ригу къ епископу звать его на съѣздъ съ ними и съ ливонскими старшинами для рѣшенія всѣхъ споровъ; а сами, между тѣмъ, разсѣялись по странѣ для созванія туземцевъ. Альбетръ оскорбился предложеніемъ Стефана и отвѣчалъ, что, по обычаю всѣхъ земель, послы должны являться къ тому владѣльцу, къ которому посланы, а не онъ долженъ выходить къ нимъ на встрѣчу. Междутѣмъ Ливонцы — собравшись въ назначенное время и мѣсто и видя, что нѣмцы не явились на съѣздъ — рѣшили захватить замокъ Гольмъ, и оттуда наступить на Ригу. Но ихъ намѣреніе не имѣло желаннаго конца: потерпѣвъ сильное пораженіе, потерявъ старшинъ — изъ которыхъ одни пали въ битвѣ, другіе были отведены въ оковахъ въ Ригу — они принуждены были снова покориться пришельцамъ. Въ часлѣ убитыхъ находился старшина *Ако*, котораго лѣтописецъ называетъ виновникомъ всего зла: это онъ возбудилъ Полоцкаго Князя противъ Рижанъ и онъ собралъ Леттовъ и всю Ливонію поднялъ противъ христіанъ ⁽¹¹¹⁾. Епископъ послѣ обѣдни еще находился въ церкви, когда рыцарь поднесъ ему окровавленную голову *Ако*, какъ вѣсть побѣды ⁽¹¹²⁾.

XXX.

Наслѣдникъ Борисовъ, сынъ его Василій Рогволотъ, владѣвшій и частію Ливоніи — гдѣ онъ имѣлъ укрѣпленный замокъ Кукенмойсъ (дворъ Кукена), вынѣшній Кокенгузенъ; зная о могуществѣ Нѣмцевъ, которыхъ владѣнія распространялись такъ

быстро, что уже находились въ двухъ миляхъ отъ его замка — не имѣя возможности удалитъ приплетцовъ, рѣшился войти съ ними въ дружественныя сношенія, о чемъ уже помышлялъ и отецъ его, еще въ 1204 году. Отправивъ впередъ посла, самъ поплылъ вслѣдъ за нимъ Двиною; встрѣтились дружески съ Епископомъ и, заключивъ договоръ, Князь весело возвратился въ свою столицу ⁽¹¹²⁾.

Однако миръ продолжался не долго: Латыши съ своей стороны отправили къ Князю пословъ, которые — изобразивъ всѣ, претерпѣваемые имъ отъ Нѣмцевъ угнѣтенія и обиды и замыслы ихъ на дальнѣйшія завоеванія — убѣдительно просили Князя спасти ихъ народъ несчастный, къ чему представлялся удобный случай: Епископъ отправился съ рыцарями въ Германію, оставивъ Искуль, Гольмъ и самую Ригу беззащитными. Легковѣрный Князь тѣмъ легче повѣрилъ, тѣмъ скорѣе согласился исполнить просьбу Латышей, что самъ съ непріязнію взиралъ на опасное сосѣдство. Собравъ войско, пригласивъ сосѣдственныхъ Князей и Литовско-Завилейскаго Князя Утенеса, Полоцкій Князь съ весьма значительными силами отправился въ 1205 г. на ладьяхъ по Двинѣ въ Ливонію. Обложивъ Искуль, но сверхъ всякаго чаянія нашелъ его хорошо защищеннымъ; напалъ на Гольмъ и — тоже безуспѣшно. Болѣе всего ужаснули Россіянъ метательные снаряды Нѣмцевъ, которые метая камнями не дозволяли осаждавшимъ сжечь крѣпости, для чего уже много было подвезено и лѣса и прочаго горючаго матеріала. Со всѣмъ тѣмъ, Россіане продолжали осаду упорно, успѣли и сами устроить мета-

гельный снарядъ, но дѣйствовала имъ такъ неловко, что камни летали не впередъ, а назадъ и разили своихъ. Наконецъ, потерявъ и терпѣніе и надежду на успѣхъ, отступили отъ Гольма, бывшаго въ дѣйствительной опасности; ибо горсть Нѣмецкихъ воиновъ, 20 человекъ, принужденная бодрствовать день и ночь въ замкѣ — куда собралось множество вѣроломныхъ Латышей, сносившихся съ обѣими сторонами — дошла до крайняго изнуренія и принуждена была бы сдать, если бы осада продлилась хотя сколько нибудь долѣе. Во время этой осады Рига тоже находилась въ большой опасности; но ея малочисленный гарнизонъ прибѣгнулъ къ хитрости: набилъ все пространство около крѣпости желѣзными, прикрытыми землею гвоздями (chaussegares) и посланный къ Ригѣ подъѣздъ, потерявъ много лошадей, возвратился съ извѣстіемъ о страшномъ, невѣдомомъ изобрѣтеніи Нѣмцевъ. Къ довершенію всего, другой подъѣздъ, отправленный для наблюденія къ морю, возвратился съ извѣстіемъ, что къ Ригѣ приближается огромный флотъ. Россіане въ ужасѣ, оставивъ одиннадцатидневную осаду Гольма, поспѣшно удалились восояси, не причинивъ малѣйшаго вреда ни крѣпости, ни слабому ея гарнизону, потерявшему одного лишь хорунжаго въ продолженіе всей этой осады ⁽¹¹⁴⁾.

XXXI.

Но, неудачный походъ дотого уронилъ Полоцкаго Князя во мнѣніи его союзниковъ Литовцевъ, что они начали опустошать его владѣнія въ Ливо-

ни: окрестности Кокенгаузена и область Торейду. Подобныя обстоятельства заставили Василия-Рогволода искать помощи даже у врага своего епископа Альберта, и — коль скоро узналъ о возвращеніи его изъ Германіи — самъ лично отправился къ нему въ Ригу, гдѣ былъ принимаемъ въ теченіе нѣсколькихъ дней со всевозможнымъ радушіемъ и почестями въ собственномъ домѣ епископа, отпустившаго Князя съ богатыми дарами. При этомъ заключенъ былъ миръ и договоръ: Полоцкій Князь уступилъ Альберту половину своихъ владѣній Кокенмойскихъ и половину замка (?) на ленномъ правѣ; Епископъ же съ своей стороны обязался защищать его противъ Литовцевъ. — Все это происходило въ 1206 г.

Кажется, Епископъ свято исполнялъ условія договора. Грозно отозвался къ Литовцамъ, чтобы они прекратили свои хищническіе набѣги на Ливонскіе владѣнія Полоцкаго Князя, если не хотятъ имѣть дѣла съ Орденомъ. Но, Литовцы не вняли этому; напротивъ того, еще болѣе раздраженные угрозами, въ этомъ же году, въ канунъ праздника Рождества Христова, напали на область Торейду и, переправившись на разсвѣтъ чрезъ рѣку Гойву, разграбили въ самый праздникъ деревни, жители которыхъ едва успѣли скрыться въ лѣсахъ. Ограбивъ всю область и переночевавъ въ деревнѣ Аннонѣ, утромъ съ добычею и плѣнными отправились обратно. Но Альбертъ уже зналъ объ этомъ, собралъ рыцарей и у Левенвардена ожидалъ хищниковъ; перешевъ по льду Двину полъ Ашерадомъ, стремительно напалъ на Литовцевъ, которые, ужаснув-

пись какихъ-то знаковъ (¹¹⁸), подняли ужасный вопль и обратились въ бѣгство, оставивъ добычу и плѣнныхъ.

XXXII.

Но, если Епископъ свято исполнялъ условія договора, то, съ другой стороны, послѣдовавшія событія весьма оподозриваютъ искренность Полоцкаго Князя, искавшаго дружбы съ Альбертомъ по необходимости. По крайней мѣрѣ вскорѣ, въ 1206 г., поколебалось доброе согласіе между ними. Управление частію Кокенмойскихъ владѣній, уступленныхъ Альберту, послѣдній поручилъ отъ себя владѣльцу Левенвардена Даніилу, который ни коимъ образомъ не могъ ужиться съ Василиемъ-Рогволодомъ, обижавшимъ всячески Нѣмцевъ. Слуги Даніила, увидѣвъ удобное время — когда люди княжескіе послѣдочной пирушки, спали крѣпкимъ сномъ — напали на сонныхъ, обезоружили ихъ и къ самому Князю приставили стражу. Даніилъ, бывшій въ это время въ отсутствіи, поспѣшилъ донести о случившемся Епископу, повелѣвшему тотчасъ освободить людей; самага же Князя пригласилъ къ себѣ въ Дюнамюнде, гдѣ провелъ онъ все Свѣтлое Воскресенье. При этомъ Епископъ употреблялъ съ своей стороны всевозможныя усилія, чтобы почестями и радушіемъ загладить въ памяти и сердца Князя впечатлѣнія несчастнаго событія, и, отпуская его съ богатыми дарами, далъ 20 человекъ Нѣмецкихъ работниковъ для починки Кокенгаузенскаго замка; простился съ нимъ дружески и собирався самъ въ

Германію вербовать новыхъ Крестоносцевъ. Полоцкій же Князь—волнуемый, кажется, жаждою мести за оскорбленіе сана и самолюбія — замыслилъ мстить.

Среди бѣлаго дня, воины княжескіе, напавъ на безоружныхъ Нѣмецкихъ работниковъ — нечаявшихъ никакой опасности и занятыхъ своимъ дѣломъ — безчеловѣчно умертвили ихъ исключая трехъ, успѣвшихъ какъ-то спастись бѣгствомъ въ Ригу, чтобы извѣстить тамъ о случившемся. Междутѣмъ Василій Рогволодъ, собравъ оружіе (?) несчастныхъ работниковъ, послалъ его какъ бы какіе трофеи Великому Князю, убѣждая его поспѣшить съ войскомъ для занятія Риги, оставшейся по его мнѣнію беззащитною въ то время. Но расчетъ не оправдался: ни Епископъ, ни рыцари еще не уѣхали, противные вѣтры задержали ихъ въ Дюнамунде, откуда, при первомъ извѣстіи о случившемся, Епископъ съ войскомъ и съ 30 важнѣйшими рыцарями пошелъ къ Кокенгаузену. Россіяне съ имуществомъ бѣжали въ свои земли, Латыши скрылись въ лѣсахъ, а Кокенгаузенъ перешелъ во власть Рижскаго Епископа, который, по возвращеніи изъ Германіи, въ 1208 г. совершенно перестроилъ и укрѣпилъ этотъ замокъ ⁽¹¹⁶⁾.

XXXIII.

Такъ покончилъ Альбертъ съ Княземъ Полоцкимъ. Оставалось еще усмирить одного независимаго Двинскаго Князя, составлявшаго значительную преграду для цѣлей крестоносцевъ, сосѣда до-

вольно опаснаго, владѣвшаго замкомъ *Герсике*, надъ Двиною ⁽¹¹⁷⁾. Этотъ Князь, по имени Всеволодъ ⁽¹¹⁸⁾, женатъ былъ на дочери литовскаго Князя Утенеса Дангерутъ — давшему за ней въ приданое нѣскольکو волостей въ Литовско-Завилейскомъ княжествѣ ⁽¹¹⁹⁾ — и уже поэтому самому бывшій въ дружественныхъ сношеніяхъ съ Литовцами, которыми онъ часто предводительствовалъ лично во время ихъ хищническихъ набѣговъ на правый берегъ Двины ⁽¹²⁰⁾; къ тому же, какъ говорятъ, былъ онъ великимъ врагомъ латинства. Лѣтописецъ Ливонскій съ удивленіемъ говоритъ, что отъ лютыхъ набѣговъ Литовцевъ, всегла при содѣйствіи и подѣ защитою этого князя, равно терпѣли христіане и не христіане; Латыши, Россіяне и Эстонцы болѣе укрывались въ лѣсахъ, нежели жили въ домахъ; ибо положеніе ихъ въ отношеніи Литовцевъ было тоже, что положеніе овецъ въ отношеніи волковъ ⁽¹²¹⁾.

Осенью 1208 г. Епископъ двинулся съ войскомъ къ Кокенгаузену и оттуда къ Герсике. Жители сдѣлали смѣлую вылазку; но, отбитые назадъ, преслѣдуемы были съ такимъ жаромъ, что Герсиканцы и Нѣмцы вмѣстѣ вбѣжали въ крѣпость. Городъ былъ взятъ безъ дальнѣйшаго кровопролитія; потому что Всеволодъ съ значительною частію дружины ушелъ за Двину, оставивъ въ добычу побѣдителямъ свою супругу, имущество, жителей и все богатство церквей православныхъ. На другой день, зажегши крѣпость и городъ, Епископъ отправился съ войскомъ обратно; глядя съ другаго берега Двины на пожаръ своей столицы, несчастный Князь горько оплаки-

валъ судьбу роднаго города: «о! Герсике! градъ возлюбленный! о наслѣдіе предковъ моихъ! о! неожиданная гибель рода моего! горе мнѣ! горе рожденному видѣть пожаръ моего города! видѣть гибель и порабощеніе моего народа ⁽¹²²⁾». Однако, Епископъ явилъ себя великодушнымъ, призвалъ Князя въ Ригу и — заключивъ съ нимъ предварительно условіе, по которому Всеволодъ уступилъ верховныя права на свои владѣнія Рижской Пресвятой Богородицы церквѣ, отъ имени которой Епископъ, вручивъ ему три лепныя знамени — возвратилъ область на правахъ феодалныхъ съ обязанностію: Епископа всегда считать вмѣсто отца, жить въ дружбѣ съ церковью и на всегда отречься отъ союза съ язычниками ⁽¹²³⁾.

Однако Всеволодъ, получившій, кромѣ Герсике, еще два города Антине и Сессау, не пересталъ тайно сноситься съ Литовцами и способствовать ихъ нападѣніямъ ⁽¹²⁴⁾.

XXXIV.

Не смотря на всѣ неудачи, Полоцкій Князь еще не отрекся ни отъ правъ своихъ на Ливонію, ни отъ участія въ судьбѣ ея и, не смотря на случившееся, просилъ свиданія съ Епископомъ, чтобы условиться какъ насчетъ судьбы своихъ владѣній въ Лифляндіи, такъ и насчетъ свободы торговли по Двинѣ. Обѣ стороны съѣхались у Герсике (или у Кокенгаузена?), причемъ присутствовалъ и бывшій Псковскій Князь Владиміръ. Сперва Василій упрекалъ Епископа въ угнетеніи жителей и поставлялъ

въ дѣлѣ обращенія язычниковъ въ примѣръ Россіянъ, дѣйствовавшихъ въ то время путемъ убѣжденія и благодѣяній. Потомъ, доказывалъ права свои на Ливонію, права освященныя временемъ. Епископъ съ своей стороны изобразилъ вѣроломство Латышей и какъ неизбежное слѣдствіе этого — жестокость и принужденіе въ дѣлѣ обращенія. Правда, не могъ опровергнуть правъ Полоцкаго Князя на Ливонію, ясно имъ доказанныхъ и присутствовавшими тутъ Латышами подтвержденныхъ; но объявилъ, что отъ того что случилось, чѣмъ завладалъ, словомъ отъ *in statu quo*, будучи вассаламъ Римскаго Императора, не можетъ и не долженъ отступаться безъ согласія Кесаря. Спорили, а между тѣмъ присутствовавшіе тутъ Латыши кричали, что не станутъ повиноваться двумъ государямъ. Наконецъ согласились: Полоцкій Князь отрекся въ пользу Епископа отъ всѣхъ правъ на Латышей; а Альбертъ съ своей стороны, дозволивъ свободу плаванія по Двинѣ, вторично обязался защищать и вспомоществовать Князя противъ Литовцевъ ⁽¹²⁵⁾.

Повидимому новый договоръ, какъ и прежніе два, не былъ соблюдаемъ Полоцкимъ Княземъ Васи́ліемъ, котораго Ливонскій лѣтописецъ называетъ *Вещекою* или *Висцекою* ⁽¹²⁶⁾. Къ сожалѣнію, не имѣемъ никакихъ данныхъ, чтобы рѣшить: что побудило этого князя, въ 1222 году, принять отъ Новгорода начальство надъ Дерптомъ, гдѣ нѣкоторое время занимался онъ покореніемъ окрестныхъ волостей ⁽¹²⁷⁾.

Наѣзжалъ земли непокорныхъ отъ Вейги до Вироніи, отъ Вироніи до Герванъ и до Саккалы; не

обращая ни малѣйшаго вниманія на владѣнія крестоносцевъ, ни на земли новообращенныхъ христіанъ. Разбилъ посланное противъ него войско Крестоносцевъ, безуспѣшно осаждавшихъ въ 1223 г. Дерптъ. Принималъ къ себѣ всѣхъ бѣглецовъ и преступниковъ изъ владѣній ордена; а туземцевъ новообращенныхъ поощрялъ къ апостатству. Въ 1223 г. Епископъ и рыцари требовали, чтобы Князь прекратилъ свой, въ высшей степени непохвальный, образъ дѣйствій. Но онъ гордо отвѣтствовалъ, что, владѣя Дерптомъ съ согласія Новгорода и Князей Русскихъ, не станетъ утруждать себя переговорами съ Нѣмцами. Потому, Епископъ Альбертъ и орденскій магистръ Волькинъ — пославъ отрядъ войска въ Виронію для развлеченія силъ Россіянъ, сами же — обложивъ Дерптъ 15 августа 1223 г., послали предложеніе сдаться и — получили гордый отказъ. Началась осада упорная, во время которой съ обѣихъ сторонъ выказаны были всѣ современныя военныя хитрости. Не только метали огромными камнями, но бросали раскаленное желѣзо и сосуды съ воспламеняющимися веществами въ крѣпость, въ которую начали дѣлать подземный ходъ. Обѣ стороны были въ непрерывной тревогѣ, ибо ночью поднимали ужасный шумъ: въ станѣ осаждающихъ Латыши били безпрестанно по щитамъ; Нѣмцы играли на котлахъ и трубахъ; осажденные же Россіане трубили, по литовскому обычаю, въ огромныя трубы. Уже Крестоносцы начали упадать духомъ, узнавъ о приближеніи значительнаго отряда Россіянъ въ помощь осажденнымъ. Собрался совѣтъ; рыцарь Лютпертъ, Нѣ-

мецкій фохтъ, убѣдительно совѣтывалъ штурмъ и предложилъ, чтобы тому, кто первый водрузитъ знамя на стѣнѣ крѣпости, принадлежалъ важнѣйшій плѣнникъ, исключая самаго Князя, котораго совѣтовалъ повѣсить; а Эстонцевъ, въ урокъ прочимъ, истребить до единого. Варварскій совѣтъ одобренъ всѣми и, чрезъ нѣсколько дней, приступомъ взята крѣпость, въ которой безчеловѣчно умертвили всѣхъ, исключая не многихъ дѣтей и женщинъ и еще Князя, павшаго смертію храбрыхъ вмѣстѣ съ 2,000 Россіянъ ⁽¹²⁸⁾.

XXXV.

Крестоносцы всячески искали ссоры съ Герсиканскимъ Княземъ, Всеволодомъ; болѣе потому, что имъ хотѣлось завладѣть его областію — нежели потому, чтобы они въ самомъ дѣлѣ опасались, дѣйствительныхъ или вымышленныхъ, ими же сношеній его съ Литовцами. Потому, въ 1213 г., Нѣмецкій гарнизонъ, бывшій въ Кокенгаузенѣ, уловивъ удобное время напалъ на Герсике и разорилъ его. Вскорѣ послѣ этого комендантъ Кокенгаузена Мейнгардъ снова подошелъ къ Герсике; однако же не удачно, ибо Всеволодъ успѣлъ дать знать объ этомъ Литовцамъ. Нѣмцы, ничего не подозревая, занимались осадой крѣпости и грабежемъ области, какъ вдругъ на противоположномъ берегу Двины показались Литовцы, начавшіе кричать, чтобы подали имъ лодки, что они прибыли для дружественныхъ переговоровъ съ Нѣмцами. Легковѣрные, видя ихъ въ небольшомъ числѣ, и въ самомъ дѣлѣ

отправили къ нимъ лодки, которыми колъ скоро завладѣли Литовцы, то въ то же время показалось уже и цѣлое ихъ войско: пѣхота переправлялась на челнахъ, а конница вплавъ. Поздно уже Нѣмцы замѣтили свою ошибку, бросились въ бѣгство; но настигнутые Литовцами и оставленные Латышами, скрывшимися въ лѣсъ, остановились, чтобы умереть подъ мечами Литовцевъ ⁽¹²⁹⁾.

КНИГА ПЯТАЯ.

До Гедимины и Ольгерда.

Судьба Бѣлоруссiи. — Событія. — Два Довмонта. — Рымундъ возвращаетъ Полоцкъ Литвѣ. — Витенесъ выкупаетъ его. — Отдаетъ въ удѣлъ Воину. — Война съ Крестоносцами. — Основаніе Могилева.

XXXVI.

Послѣ смерти Василія-Рогволода Полоцкъ, кажется, снова сдѣлался вольнымъ городомъ — но не надолго. При Рингольтѣ Альгимунтовичѣ, (1226 г.), Литва образовалась въ обширную державу, будущему могуществу, которой положилъ онъ первый краеугольный камень. Намѣреніе соединить единоплеменные народы въ одно цѣлое, заставило его вмѣшиваться въ дѣла княжества Литовско-Завилейскаго, Куроніи и Снмигаліи, гдѣ уже начали хозяйничать Нѣмцы; а съ другой стороны, виды политическіе требовали утвержденія власти въ Литовско-Полоцкомъ княжествѣ и прочихъ ближайшихъ земляхъ Кривскихъ. Потому, въ 1230 г., предпринялъ походъ къ странамъ прилежащимъ среднему теченію Двины и, судя по послѣдующимъ событіямъ, вѣроятно въ это время Полоцкое кня-

жество присоединено было къ его владѣніямъ; ибо не владѣя имъ, онъ не могъ бы предпринимать такихъ набѣговъ на сѣверную Россію, какимъ, напримеръ, былъ походъ его въ генварѣ 1230 г., когда Литовцы воевали окрестности Селигерскаго озера. По крайней мѣрѣ, не подлежитъ сомнѣнію, что въ 1234 г. Рингольтъ владѣлъ не только всѣми Кривскими землями по лѣвую сторону Двины, но и Полоцкимъ княжествомъ. Грозно возроставшее могущество Литвы устрало сосѣдственныхъ Русскихъ Князей, которые, возбужденные Давидомъ Луцкимъ, рѣшились соединенными силами положить предѣлъ ея разширенію. Но Рингольтъ, счастливый воинъ, въ 1235 г., разбилъ — на правомъ берегу Нѣмана, у деревни Могильны — на голову соединенныхъ Князей: Святослава Всеволодовича брата Великаго Князя Рюрика, Льва Даниловича Вольнскаго, Дмитрія Друцкаго и Давида Луцкаго, изъ которыхъ два послѣдніе пали въ этомъ кровопролитномъ сраженіи смертію мужественныхъ. Вѣроятно въ это время что-то произошло въ Полоцкѣ, ибо войско Литовское изъ подъ Могильны пошло къ этому городу. Въ то время, какъ новая, въ 1236, рѣшительная побѣда надъ Крестоносцами въ урочищѣ *Камень*, еще болѣе возвысила могущество и славу Рингольта, Россія стонала подъ нашествіемъ Батыя. Такъ счастливый воинъ, послѣ двухъ блестящихъ побѣдъ, могъ считать себя со всѣхъ сторонъ спокойнымъ. Къ тому же онъ имѣлъ достойныхъ помощниковъ въ двухъ сыновьяхъ своихъ: Еразвилѣ и Миндовгѣ, изъ которыхъ въ особенности первый, прозванный *Неумисомъ*, оберегавшій сѣверовосточ-

ныя предѣлы отцовскихъ владѣній, отличался военными способностями. Первымъ его завоеваніемъ была почти вся нынѣшняя Бѣлоруссія или Кривскія земли: Полоцкъ, Витебскъ, Орша и Самый Смоленскъ. Этотъ послѣдній городъ, въ которомъ Ердзвиллъ былъ намѣстникомъ въ 1239 г., былъ отнятъ у Литовцевъ Великимъ Княземъ Ярославомъ Всеволодовичемъ при содѣйствіи трехъ Смоленскихъ бояръ изъ рода Воиновъ; Ердзвиллъ попался въ плѣнъ и освобожденъ путемъ выкупа. Послѣ смерти Рингольта (1240) и Ердзвилла (1242), Миндовгъ соединилъ подъ собою всѣ отцовскія владѣнія ⁽¹³⁰⁾.

Междоусобныя войны пріостановили на нѣкоторое время возроставшее могущество Литвы. По родовому праву наслѣдовали не сыновья, но братья; потому, сыновья Ердзвила не получили отцовскаго наслѣдія, доставшагося дядѣ ихъ Миндовгу. Онъ поручилъ имъ охраненіе границъ своихъ владѣній: Товтивилла поставилъ въ Полоцкъ, придавъ ему въ помощь какого-то опытнаго воина Виконта; Арвида или Довмунда, получившаго въ удѣлъ Оршу, утвердилъ въ Рогачевѣ, откуда онъ долженъ былъ наблюдать за Князьями Черниговскимъ и Смоленскимъ; наконецъ третьему племяннику, Тройнату, поручилъ охраненіе границъ со стороны Подлясья, Мазовіи и Пруссіи ⁽¹³¹⁾.

XXXVII.

Родовое начало, причинившее столько горя Россіи, навело и на голову Миндовга много бѣдствія;

ибо племянники, придерживаясь началъ семейнаго права, считали себя обиженными, а дядю похитителемъ ихъ достоянiя. Здѣсь причина сперва недоброжелательства, а послѣ ненависти ихъ къ Миндовгу.

Полоцкъ, въ которомъ господствовалъ Товтивиллъ, былъ важнымъ пунктомъ владѣнiй Миндовга; но шайки хищниковъ, съ вѣдома или безъ вѣдома Товтивилла, набѣгали на страны окрестныя, проходя невозбранно чрезъ владѣнiя Полоцкiя. Вошевъ въ дружественныя сношенiя съ Александромъ Невскимъ, Товтивиллъ принялъ православiе, женился на родной сестрѣ супруги Александровой, дочери какого-то князя Брячислава, проживавшаго въ Витебскѣ и титуловавшагося Полоцкимъ. Подобныя связи, справедливое правленiе, которымъ отличался Товтивиллъ, снискали ему любовь и расположенiе жителей его области ⁽¹³²⁾; но все это очевидно кончилось тѣмъ, что чѣмъ болѣе онъ сближался съ Россiянами, тѣмъ болѣе удалялся отъ своего государя и его интересовъ. Это обнаружилось сперва тѣмъ, что онъ выказалъ себя дурнымъ сосѣдомъ въ отношенiи Литовско-Завилейскаго князя, допуская безнаказанно подданнымъ своей области грабить жителей его. Когда же, по жалобѣ тамошняго князя Свинторога, Миндовгъ приказалъ казнить нарушителей общественнаго спокойствiя, то Товтивиллъ дотого явилъ себя непослушнымъ, что даже противу его самого нужно было выслать войско: Миндовгъ выслалъ его изъ Полоцка намѣстникомъ въ Оршу. Товтивиллъ началъ роптать на жестокость Великаго Князя; но ему замѣтили, что на такомъ

важномъ постѣ, каковымъ былъ Полоцкъ, князь желаетъ видѣть болѣе послушныхъ; а впрочемъ, если это ему не нравится, то отчего бы ему не поискать счастья между Россіянами, съ которыми сблизился онъ бракомъ, вѣрою и интересами? Раздраженный Товтивиллъ началъ сноситься съ братомъ Арвидомъ, проживавшемъ въ Рогачевѣ, тоже принявшемъ Православіе и женатомъ на Русской княжнѣ (133).

XXXVIII.

Но, дядя предупредилъ замыслы племянниковъ, изгнавъ обоихъ изъ ихъ удѣловъ; братья обратились къ врагу его, князю Галицкому Данилу. Здѣсь составили они планъ возстанія и отсюда сносились съ третьимъ своимъ братомъ Тройнатомъ, иначе Викундомъ или Вискиндомъ, принявшемъ ихъ сторону и уже набиравшемъ войско между Ятвягами, подобавшими въ грабежѣ и разбоѣ. При содѣйствіи князей Данила и Василька, племянники открыто объявили возстаніе противу дяди, котораго обвиняли не только въ похищеніи ихъ наслѣдія и въ замыслахъ на гибель ихъ; но — чтобы найти болѣе сочувствія къ своему дѣлу между князьями русскими — даже въ завоевательныхъ планахъ на счетъ земель послѣднихъ. Убѣдительно совѣтывали и просили общими силами для блага общаго сокрушить его могущество. Князь Литовскій громко протестовалъ противу навѣтовъ; доказывая несправедливость ихъ, просилъ выдачи непокорныхъ племянниковъ. Правда, Русскіе князья

ничего открыто не предпринимали противъ него; но зато обнаружались ихъ скрытныя ходатайства предъ князьями Польскими.

Нетерпѣливый Товтивиллъ, виновникъ междоусобія, видя медленность и нерѣшительность князей Русскихъ, обратился къ Крестоносцамъ, принявъ въ Ригѣ Католическую вѣру и съ нею имя Готлиба, и дотого обольстилъ Нѣмцевъ обѣщаніями насчетъ будущихъ своихъ владѣній, что Крестоносцы приняли его сторону. Даже Прусскій магистръ Квенденъ и епископъ Хелмскій прибыли лично въ Ливонію, гдѣ въ то время начальствовалъ надъ Орденомъ доблестный мужъ Андрей Стикландъ. На совѣтѣ общемъ изъ рыцарей и духовенства положено всѣми силами ударить на Литовскаго князя, возвратитъ племянникамъ ихъ наслѣдственные удѣлы. Начали тѣмъ, что въ 1251 году завоевали Тевтовиллу, Полоцкъ, куда хотя и посѣщилъ Миндовгъ съ войскомъ; но отбитый Нѣмцами, отступилъ съ значительнымъ урономъ. Послѣ этого, первымъ дѣломъ Тавтивилла было опустошеніе Литовско-Завилейскаго княжества; Крестоносцы же съ своей стороны — разбивъ еще Миндовга подъ Вилькомиромъ, въ концѣ 1251 и началѣ 1252 г. — опустошили Жмуйду, Семигалію и даже окрестности Кернова (134).

XXXIX.

Съ другой стороны, зять Миндовга, Галицкій князь Данилъ, — вопреки святости дружественнаго договора 1245 г. — вѣроломно начавъ войну про-

тивъ него, завоевалъ Волковыскъ и Слонимъ. Волею не волею Миндовгъ примирился съ Данииломъ, который, всегда вѣроломный, и теперь еще не переставалъ скрытно дѣйствовать противъ него: отправилъ съ войскомъ въ помощь Товтивиллу Арвида, который, обошевъ Пинскія болота, пробрался чрезъ Кривскія земли и соединился съ братомъ. Потомъ Арвидъ отправился въ Ригу и принялъ Католицизмъ. Здѣсь составилаь огромная лига противъ Миндовга: изъ крестоносцевъ, племянниковъ, князей Руси юго-западной и Даниила Галицкаго, скрытно поднимавшаго на Литовскаго Князя Ятвяговъ, Половцевъ, Татаръ и Короля Польскаго Болеслава Стыдливаго.

Но, у мужественнаго Миндовга нашлось достаточно и воли и умѣнья, чтобы противустать грозящей опасности, найти средства къ спасенію и гибельную войну обратить въ честный миръ. Миндовгъ созвалъ народный сеймъ: изобразилъ ясно грозящую опасность независимости отечества, и народъ, любившій своего государя, довѣрилъ безусловно ему и судьбу свою и отвращеніе опасности мѣрами, какія найдетъ онъ приличными ⁽¹³⁵⁾. Теперь, Князь Литовскій рѣшается на мѣры, изумившія враговъ его. Обратился къ Ливонскому Магистру Андрею Стикленду съ предложеніями, предъ которыми онъ не могъ колебаться: миромъ и желаніемъ принять Римско-Католическую вѣру. Военныя дѣйствія прекратились: Магистръ и епископъ Хелмскій Генрихъ Армаканъ, въ сопровожденіи всѣхъ знаменитостей Ордена, поспѣшили къ Миндовгу, принявшему ихъ съ истинно царскою пыш-

ностію. Послѣ великолѣпныхъ пировъ, епископъ поспѣшилъ съ радостнымъ извѣстіемъ въ Римъ, откуда возвратился легатомъ съ королевскими коронами для князя и его супруги и съ буллою на имя Миндовга; 8 сентября 1252 г. — въ столицѣ Литвы, Новогрудкѣ—совершился обрядъ Св. Крещенія и коронованія, среди необыкновеннаго торжества и стеченія духовныхъ и свѣтскихъ знаменитостей изъ окрестныхъ странъ Европы. Миндовгъ возведенъ на степень Короля, а Литва — на степень Королевства.

Такъ рушился страшный ковъ противъ Миндовга: Крестоносцы изъ враговъ стали союзниками и друзьями, за которыми новый король утвердилъ земли, подаренныя имъ Тевтовилломъ, въ томъ числѣ и Полоцкѣ. Оставалось лишь усмирить виновниковъ всѣхъ бѣдствій, непокорныхъ племянниковъ и возвратить отнятыя въ это время у него земли Данииломъ Галицкимъ. Но, чтобы имѣть поводъ воевать съ новыми братьями—христіанами, исходатайствовалъ въ 1255 г. у Папы буллу, возводящую сына его Войшелга, въ язычество Вольстыни-касъ, на степень *Короля Русскаго*. Вслѣдъ за этимъ открывшаяся война лишила Галицкаго князя прежнихъ завоеваній на владѣніяхъ Миндовговыхъ, между Нѣманомъ и Бугомъ. Даниилъ началъ при-скивать новыхъ враговъ противъ Миндовга и на-шелъ пока — Тевтовилла.

XL.

Литовско-Завилейскій князь Свинторогъ отнялъ наконецъ въ 1256 г., какимъ то образомъ Полоцкъ у этого князя, не удерживавшаго своихъ подданныхъ отъ набѣзовъ на его земли. Тевтовиллъ бѣжалъ на Жмуйдъ къ дядѣ своему Викинту, независимому Жмуйдскому ярлу, коего столица была Тверь или Твериментъ, откуда опять началъ дѣйствовать противъ Миндовга за-одно съ Даниломъ, который однако — послѣ двухлѣтней войны — помирился съ Миндовгомъ. Это поразило Тевтовилла; прибывъ поспѣшно въ станъ къ Данилу, онъ такъ сильно укоралъ его въ слабости и вѣроломствѣ, что тотъ оскорбленный отказалъ наконецъ ему въ пристанищѣ и дружбѣ ⁽¹³⁶⁾. Угнетенный неудачами Тевтовиллъ смирился, умиловилъ дядю и уже горячо брался дѣйствовать противъ прежняго союзника и друга, Данила ⁽¹³⁷⁾. Его примѣру послѣдовали и два другіе брата; великодушный Миндовгъ простилъ мятежныхъ племянниковъ, старшій изъ нихъ Арвидъ или Довмундъ, отличный воинъ, получилъ въ удѣлъ княжество Нальщанское, Товтивиллу возвращенъ Полоцкъ, а Тройнату Жмуйдъ.

Но—покорившись по необходимости, не искренне — племянники лишь скрывали безсильную злобу, тлѣвшуюся въ сердцахъ ихъ и обнаружившуюся при первомъ случаѣ. Въ 1263 г., по повелѣнію Миндовга, посланъ отрядъ войска для наказанія князя Брянскаго Романа, пограбившаго владѣнія Литовскія

около Днѣпра, кажется, въ нынѣшней Могилевской губерніи. Къ этому отряду велѣно было присоединиться и князю Нальщанскому Довмунду, который — хотя и выступилъ; но — подъ пустымъ предлогомъ, возвратился съ половины пути. Походъ не имѣлъ успѣха и въ этомъ конечно виноватъ былъ князь Нальщанскій, навлекшій на себя справедливый гнѣвъ дяди. Потому, не медля нисколько, Довмундъ — злившійся уже на дядю среди подозрѣній, несправедливо трезавшихъ его душу по поводу удержанія жены его Миндовгомъ при своихъ осиротѣвшихъ дѣтяхъ ⁽¹³⁸⁾ — отправился на Жмуйду къ Тройнату, съ которымъ и составилъ новый заговоръ противъ государя и дяди своего, погибшаго наконецъ вмѣстѣ съ двумя малолѣтними сыновьями подъ ножами убійцъ, напавшихъ на него соннаго ночью, 12 сентября 1263 г., въ лѣсахъ Семигалліи, гдѣ онъ, уличивъ свободное отъ дѣлъ государственныхъ время, безопасно проводилъ его на охотѣ.

XII.

Достигнувъ давно желанной цѣли, убійцы — слѣдуя первому побужденію — разграбили сокровища княжескія и этимъ еще болѣе помрачили свой изувѣрный поступокъ, обнаружившій лишь гнусное ихъ корыстолюбіе. Тройнатъ, завладѣвъ Керновомъ, превозгласился Великимъ Княземъ Литовскимъ и Русскимъ. Истинный же наследникъ, Воишелгъ — обрекшійся монашеству еще при жизни отца; узнавъ изъ глубины Лещинскаго монастыря о несчастной смерти отца и братьевъ, о возвыше-

ни вѣроломнаго Тройната, о паденіи христіанства въ Литвѣ и благодарственныхъ жертвоприношенійхъ въ Керновѣ въ честь Перкуна — удалился въ Лавришевскій монастырь, близъ Пинска, и оставался тамъ до тѣхъ поръ, пока не вызвало его оттуда отечество.

Междутѣмъ Тройнать — по видимому, не опасавшійся совмѣстничества старшаго брата Довмунда, — отправилъ гонца въ Полоцкъ къ Тевтовиллу, приглашая его, какъ брата и друга подѣлиться наслѣдіемъ ненавистнаго дяди; приглашалъ друга, на счетъ котораго уже питалъ злодѣй въ душѣ своей самыя черныя замыслы. Товтивиллъ — дѣйствовавшій всегда открыто и потому благородно противъ дяди — ужаснулся, узнавъ о злодѣяніи братьевъ, и рѣшился наказать брата злодѣя и дядеубійцу. Открывъ убѣжище Войшелга, вошелъ съ нимъ въ переговоры, а междутѣмъ, въ началѣ 1264 г., лично прибылъ въ Керновъ въ сопровожденіи бояръ и Полоцкой дружины. Еще не кончились пиры, какъ нѣкто Прокопъ, изъ дружины его, предостерегъ тайно Тройната. Товтивиллъ былъ умерщвленъ тоже измѣннически, дружину и бояръ обременили цѣпями; а въ Полоцкъ отправили гонца съ предложеніемъ къ жителямъ: выдать живаго или мертваго Товтивиллова сына Августа и принять отъ Тройната, своего Великаго Князя, намѣстника, если граждане Полоцкіе не желаютъ въ противномъ случаѣ видѣть бояръ своихъ, находившихся въ плѣну въ Керновѣ, обезглавленными. Юный Августъ, не желая навлекать бѣдствія на Полоцкъ, осудилъ себя на добровольное изгнаніе: ушелъ въ Новгородъ,

откуда князь Ярославъ вскорѣ выслалъ его княжить во Псковъ, гдѣ онъ и погибъ во время междоусобія ⁽¹³⁹⁾. Полоцкъ же, волею не волею, принялъ отъ руки Тройната намѣстника: удѣльнаго ярла Ейраголы на Жмуиди Дорминишпрунгова сына, славнаго морскаго викинга Лютавора, сынъ котораго Витенесъ удостоился великой чести — быть избраннымъ на великокняжескій престолъ ⁽¹⁴⁰⁾.

Отступникъ христіанства, безумный тиранъ и вѣроломный братоубійца — Тройнатъ палъ наконецъ, въ 1265 г., и самъ отъ рукъ убійцы, вѣрно-подданныхъ Миндовга, тотчасъ давшихъ знать объ этомъ Войшелгу, который — уступивъ великокняжеское достоинство мужу сестры своей, Шварну — только чрезъ два года, уже послѣ смерти его, возсѣлъ на престолѣ отца своего. Отомстивъ жестоко за смерть его, самъ онъ тоже палъ, въ 1267 г. во Владимірѣ Волынскомъ отъ руки тамошняго князя Льва Даниловича. Съ Войшелгомъ пресѣклась линія Палемона и въ 1268 г. на престолѣ Литовскій вступила линія Довшпрунга въ лицѣ Литовско-Завилейскаго князя маститаго старца Свинторога, соединившаго въ одно оба Литовскія княжества.

XLII.

Вмѣсто Довмунда князя Нальщанскаго явился Довмундъ Ромуновичъ князь Утянскій (надъ Двиною). Когда, въ 1280 г., умерла его жена, сестра Великаго Князя Литовскаго Нариманда, то послѣдній, не будучи въ состояніи лично присутствовать при погребеніи, отправилъ для этого супруга

въ Утяны; но Довмундъ, влюбившись въ Великую Княгиню, не хотѣлъ уже отпустить ее отъ себя. Раздраженный супругъ обложилъ войскомъ Утянскій замокъ, изъ котораго однако же Довмундъ успѣлъ уйти въ Псковъ къ дядѣ своему Довмунду (старому), при помощи котораго завоевалъ въ 1281 г. Полоцкъ ⁽¹⁴¹⁾. Завладѣвъ Полоцкомъ, Довмундъ думалъ уже о Литовскомъ престолѣ, на которомъ сидѣлъ въ то время отличный воинъ и государь, любимый народомъ, Тройденъ. Не имѣя ни силъ, ни смѣлости открыто возстать противъ него — Довмундъ прибѣгнулъ къ средству болѣе легкому и менѣе опасному: нанялъ убійцъ. Коль скоро пронеслась вѣсть о смерти Тройдена, Довмундъ спѣшилъ съ Полочанами въ Керновъ для занятія великокняжескаго престола, принадлежавшаго ему, какъ старшему въ родѣ. Народъ ужаснулся, узнавъ въ претендентѣ извѣстнаго врага отечества. Полководецъ Литовскій Витенесъ собралъ поспѣшно сеймъ, единогласно превозгласившій Великимъ Княземъ Рымунда Тройденова сына, который, подобно Войшелгу, въ юныхъ лѣтахъ обрекъ себя монашеской жизни. Рымундъ явилъ себя достойнымъ сыномъ Тройдена; разбилъ Довмундово войско, и — самаго его убивъ собственною рукою — отправился въ Полоцкъ, который возвратилъ Литвѣ ⁽¹⁴²⁾.

XLIII.

Полоцкое княжество подарено было Товтивилдомъ Рижской церквѣ. Миндовгъ, принявшій Католическую вѣру, не уничтожилъ этого дара, должен-

ствовавшего совершиться послѣ смерти Товтивилла, котораго онъ утвердилъ при пожизненномъ владѣніи Полоцкимъ княжествомъ. Вѣроятно, послѣ смерти его, Рижскій архіепископъ старался завладѣть Полоцкомъ; но такъ же извѣстно и то, что онъ не успѣлъ въ этомъ, ибо, при занятіи его Довмундами, это княжество принадлежало Литвѣ. Уже послѣ смерти Довмунда Псковскаго (старого) ⁽¹⁴³⁾ Рижскій епископъ успѣлъ какъ-то завладѣть Полоцкомъ, которымъ рыцари — пріобрѣвъ его отъ Рижской церкви для себя — сперва владѣли нѣкоторое время, а послѣ — вѣроятно не видя возможности удержаться въ немъ — продали его въ 1307 г. Великому Князю Литовскому Витенесу, отдавшему въ этомъ же году Полоцкъ въ удѣлъ сыну своему Воину ⁽¹⁴⁴⁾, принявшему Православіе и съ нимъ имя Василія ⁽¹⁴⁵⁾.

Изъ дѣяній этого князя — младшаго Гедиминова брата, княжившаго долгое время — извѣстна война его съ Орленомъ, котораго магистръ Бурхардъ Дрейлевенъ, вознамѣрившись распространить Орденскія предѣлы на счетъ Полоцкихъ, на границѣ ихъ построилъ укрѣпленные замки Фрауенбургъ и Маріенбургъ (Маріенгаузъ въ нынѣшнемъ Люценскомъ уѣздѣ Витебской губерніи). Въ началѣ 1342 г. Воинъ отправилъ сына своего Любко съ войскомъ къ Маріенбургу, отъ котораго впрочемъ онъ былъ отбитъ съ урономъ, послѣ кратковременной осады ⁽¹⁴⁶⁾.

XLIV.

Въ заключеніе этаго отдѣла, упомянемъ объ основаніи, въ 1267 или 1269 г., нынѣшняго губернскаго города Могилева. По мѣстному преданію, когда-то въ древности жило тутъ два богатыря, *Гвоздь* и *Машека*. Мѣсто, гдѣ пребывалъ первый, слыветъ и до настоящаго времени *Гвоздовкою*; а гдѣ второй — *Мышаковкою* — два урочища вблизи праваго берега Днѣпра и раздѣляющіеся лишь глубокимъ оврагомъ. Оба, владѣвшіе ужасною силою, грабили и убивали кого ни попадали, и берегъ Днѣпра вздымался могилами жертвъ ихъ злодѣйства. Когда, со временемъ, основалось тутъ рыбацье селеніе, то, отъ множества могилъ, прозвалось оно *Могилевомъ*. Преданіе объясняетъ, что несчастная любовь погубила Машеку: его возлюбленная вышла замужъ за другаго; а онъ, отъ злобы и отчаянія, сдѣлался разбойникомъ. Случай однакожь заставилъ ее однажды проѣзжать вмѣстѣ съ мужемъ мимо притона ея прежняго рыцаря. Мужъ былъ убитъ; она же, попавшись въ руки Машекѣ, притворилась любящею его по прежнему, усыпила подозрѣнія и зарѣзала соннаго. Могила, принявшая въ себя знаменитаго богатыря, прозвана *могилою Льва*; а селеніе, тутъ основавшееся, *Могилевомъ* ⁽¹⁴⁷⁾, который еще въ XVII столѣтіи польскіе писатели называли *Могилаво*мъ ⁽¹⁴⁸⁾, появляющимся въ польскихъ лѣтописяхъ только съ 1320-го года.

КНИГА ШЕСТАЯ.

Повореніе земель Русскихъ Великими Князьями Литовскими.

Гедиминъ. — Судьба Рогви́дина потомства. — Бракъ Ольгерда съ Марією Витебскою. — Андрей Ольгердовичъ. — Война съ Крестоносцами. — Любко Полоцкий. — Распри съ Псковомъ. — Удѣлы Ольгердовичей въ Бѣлоруссіи. — Ягелло. — Распри Ольгердовичей. — Андрей Кейстутъевичъ. — Скиргелло. — Распри за Полоцкъ. — Вѣншательство Ордена. — Смерть Кейстута. — Андрей записываетъ Полоцкъ Ордену. — Вторженіе Крестоносцевъ въ Бѣлоруссію. — Изувѣрство Святослава Смоленскаго. — Умиреніе. — Ягелло въ Бѣлоруссіи. — Скиргелло. — Витольдъ. — Свидригелло. — Война за Витебскъ. — Свидригелло В. К. Литовскимъ. — Заговоръ. — Бѣгство. — Битва подъ Ошманами. — Императоръ и Крестоносцы. — Миръ. — Опять война. — Битва подъ Вилькомиромъ. — Участь Свидригеллы. — Свидригелла скрывается. — Казиміръ. — Дѣла Смоленскія. — Разныя событія.

LXV.

Итакъ, Полоцкъ и во время смуть, обуревавшихъ Литву до Гедимина, уже не возвратился Россіи; что же происходило въ прочихъ удѣлахъ этого княжества? Витебское, сохранившееся до Ольгерда, нахо-

дилось, кажется, въ зависимости отъ князей Смоленскихъ ⁽¹⁴⁹⁾; о прочихъ же удѣлахъ бывшаго Полоцкаго княжества нѣтъ никакихъ извѣстій. Кажется, что всѣ они, даже до Гедимина, остались за прежними ихъ владѣтелями, низшедшими на степень князей мелкихъ, владѣвшихъ маловажными удѣлами.

Мало по малу, Западная Русь образовала новое самостоятельное государство — *княжество Литовское*. Литовскіе князья, утвердившіеся первоначально въ Полоцкѣ, принимали православіе и вступали въ родственныя связи съ потомками Владиміра св. Гедимину не трудно было, при тогдашнихъ обстоятельствахъ, образовать силою и политикою государство могущественное. Гедиминъ былъ государь выше своего вѣка: позволялъ сыновьямъ своимъ креститься, старался образовать народъ, заключалъ торговые договоры, призывалъ купцовъ, художниковъ, ремесленниковъ. Какъ мудрый политикъ, онъ въ покоренныхъ областяхъ не отмѣнялъ древнихъ уставовъ, даже потомковъ Владиміра св. не преслѣдовалъ, не выгонялъ изъ ихъ удѣловъ, а оставлялъ ихъ намѣстниками, не отнимая и княжескаго титула. Русскіе безпрекословно повиновались ему особенно въ Кіевѣ, Черниговѣ и на Волини, гдѣ видѣли въ немъ грознаго соперника Монголамъ и избавителя отъ тягостнаго рабства.

LXVI.

При Гедиминѣ Витебское княжество досталось сыну его Ольгерду по браку съ Витебскою княжною

Марією Ярославною, ради которой онъ принялъ православіе ⁽¹⁵⁰⁾. Здѣсь господствовалъ Ольгердъ, доколѣ не занялъ онъ въ 1345 г. Гедиминова престола; отсюда поддерживалъ онъ могущество Литвы на сѣверныхъ ея предѣлахъ. Благодаря его защитѣ, этотъ край, вособенности Смоленское княжество, спаслись отъ ига Татарскаго ⁽¹⁵¹⁾. Въ 1342 г. прибыли къ Ольгерду въ Витебскъ Псковскіе послы, прося защиты противъ Ордена, магистръ котораго Дрейлевенъ осадилъ Изборскъ. Ольгердъ — съ роднымъ своимъ братомъ Кейстутомъ и двоюроднымъ Любко, сыномъ Полоцкаго князя — поспѣшилъ на помощь Псковитянамъ. Крестоносцы оставили Изборскъ и благодарные Псковитяне предложили княжескую власть надъ собою Ольгерду, который, передавъ ее сыну своему Андрею, принявшему по этому случаю православіе, самъ возвратился въ Витебскъ ⁽¹⁵²⁾.

Одинъ лишь Любко погибъ жестокою смертію. Отдѣлившись отъ войска съ однимъ только воиномъ, нечаянно попался въ руки Крестоносцамъ, которые, какъ бы лютые варвары, разсѣкли несчастнаго князя на части. Ольгердъ не могъ простить этого безчеловѣчнаго поступка надъ его двоюроднымъ братомъ. Кейстутъ привелъ войско Литовское, Андрей Псковское и, зимою 1342—1343 г., открылась кровопролитная война. Ольгердъ вторгнулся въ Орденскія владѣнія и дотого стѣснилъ Крестоносцевъ, что, для спасенія Ордена, объявленъ былъ крестовый походъ въ Европѣ. Съ другой стороны жители Эстоніи, доведенные до отчаянія жестокостями Нѣмцевъ, тоже возстали и этимъ еще болѣе затруднили

положеніе Ордена. Дорого обошлась ему эта война, разорившая Лифляндію, Семигаллію, Курляндію и даже Пруссію.

LXVII.

Занявъ Великокняжескій престолъ въ 1345 г., Ольгердъ отдалъ Витебское княжество сыну своему Андрею, бывшему сверхъ этого, какъ уже сказано, и княземъ Псковскимъ. Но Андрею, получившему послѣ смерти Воина и Полоцкое княжество, не правилось какъ-то жить во Псковѣ; потому — оставивъ тамъ намѣстникомъ какого-то Юрія Витовтовича, мужа храбраго и весьма любимаго народомъ — самъ проживалъ въ Полоцкѣ. Случилось, что — во время нахожденія, въ 1349 г., Витовтовича въ Изборскѣ при освященіи храма — хищники нѣмецкіе напали на предмѣстіе. Храбрый намѣстникъ, предводительствуя не многочисленною дружиною, погибъ въ неравномъ боѣ. Жена его съ дѣтьми возвратилась въ Литву; но Псковитяне не хотѣли уже принять намѣстника отъ руки Андрея. Раздраженный этимъ Ольгердъ задержалъ Псковскихъ купцовъ въ Литвѣ, сконфисковалъ ихъ товары, а съ нихъ самихъ взялъ окупъ. Андрей съ своей стороны стѣснялъ Псковитянъ, вторгнулся въ ихъ область въ 1350 г. и опустошилъ Воронацкую волость, ⁽¹⁸³⁾. Распри между Полоцкомъ и Псковомъ по этому поводу продолжались еще долгое время, въ теченіе котораго Полочане и Псковитяне воевали пограничныя волости другъ у друга. Въ 1358 г. Псковитяне, подъ начальствомъ князя Ефстафія, грабили Полоцкія

• земли, за что Андрей съ своей стороны отплатилъ имъ тѣмъ же ⁽¹⁵⁴⁾. Въ 1373 г. Андрей Ольгердовичъ вмѣстѣ съ дядею своимъ Кейстутомъ и Димитріемъ Корибуттомъ, бывшемъ въ то время княземъ Друцкимъ, помогалъ князю Михаилу Тверскому противъ Димитрія Донскаго ⁽¹⁵⁵⁾.

LXVIII.

Въ 1377 г. сошелъ въ могилу Ольгердъ, оставившій двѣнадцать сыновей и семерыхъ дочерей. Отъ перваго брака съ Марією Ярославною, княжною Витебскою, Ольгердъ имѣлъ шестерыхъ сыновей: Владиміра князя Кіевскаго, Іоанна Задзевита князя Подольскаго, Семена Лангвенія, Андрея Вингольта, Константина Коригеллу князя Черниговскаго и Чарторыйскаго или Чарторижскаго; и шестаго, Бориса Буттава. Отъ втораго брака съ Іуліяніею, княжною Тверскою, имѣлъ тоже шестерыхъ сыновей и въ числѣ ихъ Владислава Ягеллу, короля Польскаго и Великаго князя Литовскаго. Изъ числа двѣнадцати его сыновей четыре изъ нихъ получили удѣлы въ нынѣшнихъ Бѣлорусскихъ губерніяхъ: Симеонъ Лингвиній или Лугвиній княжество Мстиславское ⁽¹⁵⁶⁾; Андрей Вингольтъ Полоцкое и Трубчевскъ; Ягелло — въ православіи Яковъ, въ католичествѣ Владиславъ — княжество Витебское и Кревскъ или Крево въ Ошмянскомъ уѣздѣ нынѣшней Виленской губерніи; Димитрію Корибуту дано княжество Друцкое, и еще Новогрудокъ и Лиду. Первые два родились отъ Ма-

рин княжны Витебской, вторые же отъ Іуліяніи княжны Тверской ⁽¹⁸⁷⁾.

Хотя по вліянію Іуліяніи Ягелло назначенъ былъ преемникомъ Ольгерда; со всѣмъ тѣмъ Андрей князь Полоцкій, какъ старшій изъ сыновей Ольгерда отъ перваго брака, считая себя обиженнымъ, не призналъ правъ Ягеллы на Великокняжескій престолъ и открыто возсталъ противъ него, уже единогласно превозглашеннаго законнымъ наслѣдникомъ и государемъ. Потому, первымъ его дѣломъ, по вступленіи на престолъ — было лишеніе Андрея Полоцка и Трубчевска. Андрей бѣжалъ въ Псковъ; но, найдя тамъ мало приверженцевъ своему дѣлу, ушелъ оттуда въ Москву къ Великому Князю Димитрію, начавшему уже воевать Русь Литовскую при первомъ извѣстіи о смерти Ольгерда ⁽¹⁵⁸⁾. Димитрій съ радостію принялъ Андрея, которому обѣщаль возвратить силою оружія по крайней мѣрѣ Трубчевскъ, уже отданный Ягелломъ Димитрію Корибуту.

Въ декабрѣ 1369 г. Андрей двинулся съ Московскимъ войскомъ къ Трубчевску; но братъ встрѣтилъ его съ хлѣбомъ и солью — случай, не мало обрадовавшій Великаго Князя: ибо другой сынъ Ольгердовъ оставлялъ Ягеллу. Димитрій отдалъ въ удѣлъ Димитрію Корибуту Княжество Переяславль-Залѣское ⁽¹⁵⁹⁾.

LXIX.

Распри возростали въ Ольгердовомъ семействѣ. Наушники вооружили неопытнаго Ягеллу, противъ

опекуна и дяди его, маститаго героя Кейстута, узнавшаго вскорѣ даже и о заговорѣ на жизнь свою. Случай убѣдилъ его въ злонамѣреніяхъ Ягеллы. Послѣ бѣгства Андрея Ольгердовича, Полоцкое Княжество отдано было сыну Кейстута Андрею Горбату. Но, хитрый Ягелло — заключивъ въ 1380 г. секретно съ Орденомъ перемиріе, изъ подъ котораго изъялъ удѣлъ Кейстута и сыновей его ⁽¹⁶⁰⁾ — легкомысленно отдалъ Полоцкое Княжество единоутробному брату своему Скиргеллу. Однакожъ, преданные Андрею Полочане, не только не приняли его; но даже, посадивъ на старую клячу, съ безчестіемъ выпроводили изъ города, заявъ съ него клятву никогда уже не возвращаться болѣе ⁽¹⁶¹⁾. Раздраженный этимъ Ягелло послалъ къ Полоцку войско, къ которому, какъ бы случайно, присоединились Крестоносцы подъ начальствомъ Коврада Роденштейна, въ 1382 г. Напрасно жители молили Новгородцевъ какъ братьевъ о защитѣ; напрасно предлагали Магистру быть данниками Ордена, если онъ избавитъ ихъ отъ Скиргеллы: Новгородцы только отправили мирное посольство къ Ягеллу, а Коврадъ Роденштейнъ отвѣтствовалъ: «для кого я осѣдлалъ коня и вынулъ мечъ изъ ноженъ тому не измѣню словъ ⁽¹⁶²⁾». Однако, мужественный Андрей Кейстутъевичъ, не смотря на всѣ усилія непріятеля и шестнадцатинедѣльную осаду, отстоялъ Полоцкъ, жители котораго готовы были скорѣе сдаться Нѣмцамъ нежели князю, ими пренебреженному ⁽¹⁶³⁾.

Это окончательно убѣдило Кейстута въ печальной истинѣ, что Ягелло, дружный съ крестонос-

цами болѣе нежели онъ могъ предполагать, питаетъ черныя на счетъ его замыслы. Въ подобныхъ обстоятельствахъ, маститый герой, столько заслуженный отечеству, принужденъ былъ прибѣгнуть къ крайности: занявъ въ 1381 г. Вильно и другіе города, превозгласилъ себя Великимъ Княземъ и тотчасъ далъ знать объ этомъ Полочанамъ, принявшимъ съ радостію это извѣстіе — Скиргелло же едва успѣлъ спастись съ Крестоносцами въ Ливонію; а Ягелло съ матерью отправленъ въ удѣлъ свой Крево.

. L.

Опомнившись отъ случившагося въ Литвѣ, Крестоносцы — которымъ больно было видѣть внезапно разрушенными планы, такъ долговременно и такъ тщательно составлявшіеся, что бы привести ихъ однакожь въ исполненіе — пустили въ ходъ Скиргеллу. Этотъ князь — взятый наконецъ гдѣ-то въ плѣнъ Андреемъ, вѣроятно во время наѣздовъ на Полоцкія владѣнія, просидѣвъ нѣкоторое время въ заключеніи — успѣлъ бѣжать въ Ригу и оттуда, по совѣту Крестоносцевъ, тайно въ Крево. Тамъ съ братомъ и матерью составили планъ дѣйствій противъ Кейстута. Снабженный деньгами и материнскими драгоценностями отправился въ Пруссію черезъ Ливонію, откуда получилъ отъ Магистра къ Маршалу Прусскому рекомендательное письмо, благодаря которому торжественно принятъ былъ въ Мальборгъ Великимъ Магистромъ, получившимъ вмѣстѣ съ грамотами и дары богатые. Цѣль по-

сольства состояла въ снисканіи покровительства Ордена для матери и Ягеллы, находившагося въ заточеніи, низвергнутаго съ престола отца своего, азычникомъ и врагомъ вѣры Христовой. Если бы Великій Магистръ согласился всею силою Ордена содѣйствовать къ возвращенію престола Ягеллѣ, то, въ награду за содѣйствіе, Скиргелло отъ имени его и вельможъ Литовскихъ обѣщалъ большія пожалованія въ княжествѣ Литовскомъ. Крестоносцы согласились; но съ условіемъ, чтобы Ягелло въ теченіе четырехъ лѣтъ принималъ со всѣмъ своимъ народомъ вѣру Римско-Католическую. Чѣмъ бы все это кончилось, если бы живъ былъ Кейстуть, вѣроломно, какъ говорятъ, умерщвленный въ 1382 г. въ темницѣ, куда попалъ онъ великодушно довѣрившись Ягеллѣ, теперь снова воспріявшему бразды правленія ⁽¹⁶⁴⁾.

LI.

Междутѣмъ Андрей Ольгердовичъ, лишившись удѣла по недоброжелательству къ собственному роду, сперва странствовалъ по Россіи, потомъ обратился къ Ордену, принимавшему съ распростертыми объятіями всѣхъ враговъ порядка и спокойствія въ государствахъ сосѣдственныхъ. Въ письмѣ своемъ къ Ливонскому Магистру, называя его отцемъ и любезнымъ другомъ, Андрей записываетъ ордену то, чего самъ не имѣетъ — Полоцкое Княжество, съ условіемъ: если Орденъ, отнявъ его у Ягеллы, отдастъ его ему на ленномъ правѣ, то онъ и на-

слѣдники его обязаны будутъ служить Ордену какъ подданные и данники (¹⁸⁵).

Орденъ не пренебрегалъ и подобными дарами, и — въ то время, когда Ягелло торжествовалъ крещеніе свое въ Католическую вѣру и свадьбу съ прекрасною Польскою царевною Ядвигою въ Краковѣ — магистръ Ливонскій Цолнеръ, зимою 1386 г., съ двумя арміями и Андрей съ третьею вторглись въ Полоцкое княжество. Андрей поднималъ весь нынѣшній Бѣлорусскій край, всю Русь Литовскую на Ягеллу, какъ отступника отъ Православія, и Орденъ вторилъ этимъ наущеніямъ, хотя и направленнымъ противъ католическаго государя. Но, не сбылись ихъ надежды: ни Крестоносцы, ни Андрей не пріобрѣли довѣрія народа. Одинъ Лукомль удержалъ собою весь напоръ Крестоносцевъ, пока они успѣли только сжечь его вѣшнія укрѣпленія. Наконецъ, уничтоживъ эту маловажную крѣпость, союзники простерли опустошенія почти до Ошмянъ, не завладѣвъ ни однимъ укрѣпленнымъ мѣстомъ. Крестоносцы, раздраженные не успѣхомъ, опустошивъ огнемъ и мечемъ 18 волостей, возвратились восвояси, сжегши по пути Дриссу, увезъ съ собою въ плѣнъ 3000 народа и болѣе 2000 лошадей, кромѣ прочей добычи, награбленной въ теченіе трехъ недѣль (¹⁸⁶). Ушли Крестоносцы; но еще оставался союзникъ ихъ — Смоленскій князь Святославъ Ивановичъ, который, въ этомъ же году, съ двоюроднымъ братомъ своимъ Иваномъ Васильевичемъ и сыновьями Юріемъ и Глѣбомъ пошелъ сперва къ Витебску, а послѣ къ Оршѣ. Но этотъ городъ затворилъ врата предъ нимъ и, укоряя его въ низости, дотого раздражилъ

Святослава, что онъ началъ неистовствовать не какъ человѣкъ, а какъ безсмысленный звѣрь. Невѣрится описанію истинно адскихъ мученій, изобрѣтенныхъ этимъ тираномъ для невиннаго и единовѣрнаго съ нимъ народа — беззащитныхъ земледѣльцевъ, которыхъ то сожигалъ сотнями въ деревянныхъ строеніяхъ, то давилъ десятками подъ приподнятыми стѣнами ихъ, то наконецъ сажалъ на колъ младенцевъ и женъ, веселясь отчаяніемъ этихъ жертвъ невинныхъ. Сколь вообще ни ужасны были въ то время законы войны, но лѣтописцы говорятъ объ этихъ злодѣяніяхъ Святослава съ живѣйшимъ омерзеніемъ. Возвратившись въ Смоленскъ и взявъ стѣнобитныя орудія, подступилъ, 18 апрѣля этого же года, къ Мстиславлѣ, незадолго предъ тѣмъ отторгнутому отъ Смоленска Ольгердомъ. Обложивши этотъ городъ со всѣхъ сторонъ, Святославъ десять дней штурмовалъ его, подкапывая стѣны, разрушая заставы и башни. Въ Мстиславлѣ оборонялся въ то время Коригелло, а князь Мстиславскій Лингвиній-Симеонъ присутствовалъ въ Краковѣ. Въ одиннадцатый день осады, показались издалека знамена: то были князья Скиргелло, Корибутъ и Лингвиній, за которыми шелъ Витольдъ. Король услышавъ о событіяхъ въ Литвѣ, отправилъ этихъ князей на помощь свой отчизнѣ. Смоленцы были оттакваны на берегахъ рѣки Вехры, и побѣда утѣшила мужественныхъ гражданъ Мстиславлѣ, смотрѣвшихъ съ городскихъ стѣнъ на кровопролитную битву, въ которой войско Святославо было разбито на голову, и самъ онъ, лежавшій въ лѣсу отъ усталости, убитъ Литовскимъ

воиномъ, которому онъ не хотѣлъ отдаться въ плѣнъ. Племянникъ его Иванъ Васильевичъ также положилъ здѣсь свою голову; а сыновья Юрій и Глѣбъ взяты въ плѣнъ съ многими боярами. Изъ подъ Мстиславля Литовское войско пошло къ Смоленску и, поставивъ тамъ княземъ Глѣба Святославича, спѣшило къ Полоцку, который не переставалъ осаждать Андрей Ольгердовичъ, едва не достигшій уже своей цѣли, и совершенно опустошившій его окрестности. Но, оставленный Крестовосцами, узнавъ объ участи Святослава, снялъ осаду Полоцка и заключился въ Лукомль. Тамъ, окруженный войскомъ Литовскимъ, послѣ упорной защиты, сдался братьямъ, отославшимъ его къ Королю окочаннаго цѣлями. Просидѣвъ три года въ замкѣ Хенцинскомъ въ неволѣ тяжелой, наконецъ освобожденъ по ходатайству братьевъ. Такъ кончилась компанія 1386 г. Полоцкъ получилъ сильный гарнизонъ на случай нападенія Крестовосцевъ, прочія же крѣпости: Витебскъ, Орша, Лукомль, Мстиславль, Минскъ были укрѣплены, и приведены въ надлежащее оборонительное положеніе ⁽¹⁶⁷⁾.

III.

Когда кончились торжества и пиры въ Краковѣ, Ягелло занялся дѣлами государственными, предпринялъ нутешествіе на Русь Литовскую, посѣтилъ Витебскъ, Полоцкъ и въ послѣднемъ, какъ говорить, былъ свидѣтелемъ какого-то *возстанія* (?), причины котораго намъ неизвѣстны и виновниковъ котораго Король казнилъ смертію ⁽¹⁶⁸⁾. Посѣтилъ и

Могилевскую губернію, гдѣ, въ нынѣшнемъ мѣстечкѣ Копыскаго уѣзда Обольцахъ, основалъ первый Римскокатолическій костелъ въ этомъ краѣ, (въ 1387 г.). Насталъ миръ — но миръ кратковременный (1399).

Ягелло настоялъ на своемъ: отдалъ Полоцкъ Скиргеллѣ, и, чтобы еще болѣе привлечь его на свою сторону, сталъ, въ обиду прочихъ братьевъ, надѣлять его еще новыми областями (170), и наконецъ сдѣлалъ его Ведикимъ Княземъ Литовскимъ. Такая почестъ вооружила противъ Скиргелла прочихъ братьевъ, и первымъ его совѣстникомъ явился Витольдъ, завладѣвшій въ 1392 г. и Вильною и великокняжескимъ престоломъ. Ягелло не въ силахъ былъ бороться съ нимъ, и заключилъ миръ.

ЛIII.

Въ 1393 г. скончалась и Великая Княгиня Іуліянія, пожизненная владѣтельница Витебскаго княжества, уступленнаго ею, еще при жизни своей, Свидригеллу. По закону, оно должно было возвратиться въ казну, и не извѣстно почему именно Ягелло не оставилъ этого княжества за Свидригелломъ; но, причисливъ его къ королевскимъ имуществамъ, послалъ туда правителемъ Федора Весну. Обиженный Свидригелло, не успѣвъ у Короля прозьбою, напалъ на Витебскъ, убилъ Весну, и на мѣсто его поставилъ отъ себя другаго. Король поручилъ Витольду наказать непокорнаго брата. Витольдъ и Скиргелло, соединивъ свои войска, не медля нисколько выступили противъ брата. Сперва подсту-

пили къ Друцку; но тамошніе князья приняли ихъ хлѣбомъ солью, и еще придали имъ въ помощь своихъ людей; отъ Друцка пошли къ Оршѣ, жители которой, державшіе сторону Свидригаллы, упорно защищались два дня, на третій сдались. Пришла очередь на Витебскъ; такъ какъ осада его предвѣщала много трудностей, то князья пригласили въ помощь себѣ Смоленскаго князя Юрія Святославича. Граждане Витебскіе, уstraшенные и сильною ратію и страхомъ казни за сопротивление, сдали городъ. Волею не волею Свидригелло самъ явился къ осаждающимъ съ покорностію и, кажется, великодушно былъ прощенъ Ягелломъ; потому что вскорѣ, послѣ смерти Александра Викунда, является онъ владѣльцемъ Крева ⁽¹⁷¹⁾. Но Свидригелло пылалъ ненавистью къ Витольду, котораго онъ считалъ главнымъ виновникомъ своего несчастія и въ замкѣ своемъ, окруженный льстецами, старался возмутить дворянъ. Составился заговоръ противъ Витольда; но провѣдавъ, о случайномъ его открытіи, Свидригелло бѣжалъ изъ своего замка къ Великому Магистру (въ 1393 г.) въ Мальборгъ — мѣсто, гдѣ ковались всѣ интриги во вредъ Польшѣ. Великокняжескій престолъ, деньги и войско — все было обѣщано Свидригеллу за преподаванную возможность Ордену держать Литву и Польшу въ непокоѣ и войнѣ вѣчной — словомъ, за возможность Ордену ловить рыбу въ мутной водѣ. Конечно, высокій эмигрантъ старался убѣдительно и ясно представить права свои на великокняжескій престолъ, изобразить надежды свои на партіи, державшія его сторону; говорилъ о сокровищахъ, зарытыхъ имъ

въ замкахъ (¹⁷²), и Крестоносцы, искавшіе повода къ войнѣ, охотно вѣрили этому.

LIV.

Чего желали, то представилось вскорѣ. Крестоносцы пренебрегли посредничествомъ Ягеллы въ несогласіяхъ между ними и духовенствомъ. Раздраженный Король взялъ штурмомъ Визну, въ 1396 г. Этого лишь и ожидали Крестоносцы, устремившіеся на Жмудъ и Литву; и въ этихъ нападеніяхъ Свидригелло принялъ на себя постыдную роль проводника враговъ на собственное отечество. Ягелло двинулъ войско къ Двинѣ и взялъ Дюнебургъ (¹⁷³). Пробравшись съ отрядомъ Крестоносцевъ, чрезъ Псковскія земли, Свидригелло завладѣлъ Витебскомъ, съ гражданами котораго успѣлъ предварительно условиться; изъ прочихъ же городовъ выслалъ королевскихъ намѣстниковъ; словомъ, возмутилъ все Витебское княжество и занялъ его. Но безразсудность Свидригеллы — раздѣлившаго свое войско на малые отряды, которыми онъ занималъ почти каждый городъ, почти каждое мѣстечко — погубили его дѣло. Витольдъ поспѣшилъ съ войскомъ къ Витебску и обложилъ его. Послѣ тридцатидневной осады взялъ штурмомъ нижній замокъ, войско и жители ушли въ верхній; но отъ этого произошло тамъ такое столпленіе народа, что воины хотѣли выбросить гражданъ изъ замка. Открылось замѣшательство и — врата замка растворились предъ осаждающими. Побѣдитель явилъ себя умѣреннымъ, казнивъ не многихъ, простилъ прочихъ;

но Свидригелла въ оковахъ отправилъ къ Ягеллѣ. Примѣру Витебска послѣдовали и прочіе города этого княжества ⁽¹⁷⁴⁾. Король вскорѣ простилъ Свидригелла, давъ ему въ удѣлъ Польскую Подолію и 1400 гривенъ ежегоднаго дохода отъ соляныхъ источниковъ ⁽¹⁷⁵⁾.

LV.

Въ 1430 г. умеръ Витольдъ. Съ согласія Короля и по единодушному желанію народа великокняжескій престолъ отданъ былъ Свидригеллу ⁽¹⁷⁶⁾. Но, неуступчивый и раздражительный, онъ не могъ ужиться съ Ягелломъ и Поляками, которые рѣшились за это погубить его; но посторонними необременительными для короны средствами. Съ этою цѣлію они уговорили короля предложить Литовскій престолъ Сигизмунду Кейстутевичу, который успѣлъ возмутить Литовскихъ пановъ, возненавидѣвшихъ Свидригелла за его нравъ крутой и за предпочтеніе вѣроисповѣданія Православнаго Католическому; потому, вскорѣ вся католическая Литва приняла сторону Сигизмунда. Составился обширный заговоръ и, 17 сентября 1432 г., Сигизмундъ, предводительствуя заговорщиками, ночью вошелъ въ Ошмяны, напалъ на замокъ, изъ котораго едва спасся Свидригелло, оставивъ тамъ жену, дворъ и сокровища ⁽¹⁷⁷⁾.

Свидригелло бѣжалъ въ Полоцкъ и, тутъ опомнившись, едва вѣрилъ своему исчезнувшему, какъ сонъ, величію. Обратился къ прежнимъ союзникамъ Крестоносцамъ и съ войскомъ ихъ распо-

жился подъ Динабургомъ. Междутѣмъ Витебскъ и Полоцкъ не присягали Сигизмунду; но вмѣстѣ съ Псковомъ, Новгородомъ и Смоленскомъ держали сторону Свидригеллы, къ которому присоединились: зять его князь Тверскій Борисъ Александровичъ и Юрій Семеновичъ князь Мстиславскій, поспѣшавшій къ нему изъ Новгорода. Съ войскомъ многочисленнымъ, простиравшися до 40,000, двинулся Свидригелло къ Ошмянамъ, гдѣ находилось уже Сигизмундово не многочисленное, но отличное войско съ польскою конницею, подъ главнымъ начальствомъ молодаго Сигизмундова сына Михаила. Потерявъ въ кровопролитномъ сраженіи, 8 декабря 1432 г., 10,000 убитыми и 4000 плѣнными, Свидригелло, разбитый на голову, едва спасся на подставныхъ лошадяхъ въ Полоцкъ и оттуда въ Псковъ ⁽¹⁷⁸⁾.

LVI.

Крестоносцы и Императоръ, рѣшившіеся во что-бы то ни стало не допускать соединенія Литвы съ Польшею, ободряли Свидригеллу, не терявшему вмѣстѣ съ битвами и надежды. Потому, будущность представлялась ему еще отрадною: отъ Крестоносцевъ, Татаръ, Волоховъ, изъ Москвы, Твери и Подолія ждалъ онъ помощи и, въ послѣднихъ числахъ августа 1433 г., съ Крестоносцами и Тверитянами выступилъ въ Литву. Литва была въ то время совершенно беззащитною: Польша, занятая войною въ Подоліи и Пруссіи, не могла послать помощи; литовскіе вельможи, раздраженные жесто-

костію Сигизмунда, не давали ему войска и—Великій Князь Литовскій, едва успѣвшій собрать нѣсколько хоругвей для защиты своей особы, долженъ былъ укрываться отъ непріятеля. Итакъ, Свидригелло, выступивъ изъ Полоцка, безпрепятственно прошелъ Ошмяны, Лиду, оттуда двинулся къ Вильнѣ, изъ Вильны въ Троки и дошелъ до Молодечны, гдѣ въ первый разъ только услышалъ о Сигизмундѣ, шедшемъ уже за нимъ съ войскомъ. Дошло до битвы; Литовцы потерпѣли сильное пораженіе. Потомъ Свидригелло взялъ Заславль, изъ Заславля пошелъ къ Минску и дошелъ до Борисова. Отсюда Крестоносцы поворотили домой; а Свидригелло ушелъ въ Лукомль. Недалеко отъ Лукомля, въ нынѣшнемъ мѣстечкѣ Сѣнинскаго уѣзда Черевъ, спокойно доживалъ въкѣ свой маститый старецъ князь Михаилъ Пеструцкій (179). Свидригелло, досадуя на Михаила за его нейтральность, забралъ себѣ все его имущество, а самага, окованнаго цѣпями, приказалъ отправить въ Лукомль. Въ этомъ замкѣ Свидригелло оставилъ воеводою своего шурина, и поручилъ ему свою беременную супругу. Междутѣмъ, пока Свидригелло отдыхалъ въ Лукомлѣ, прибыли къ нему послы отъ Короля, который, сокрушаясь духомъ о разореніи своей отчизны, предлагалъ миръ брату. Свидригелло, оставленный всѣми своими союзниками, находился въ трудномъ положеніи; такъ что Сигизмундъ легко могъ бы уничтожить его въ Лукомлѣ, если бы умѣлъ воспользоваться случаемъ. Потому, предложеніе Ягеллы принято съ удовольствіемъ и уполномоченные отъ Свидригеллы — 25 сентября, въ лагерьъ подъ Ясенцемъ —

заключили съ послами отъ Короля и Крестоносцевъ перемиріе на три мѣсяца, назначивъ 30-е ноября для трактата о мирѣ. Между главными пунктами перемирія было освобожденіе плѣнныхъ ⁽¹⁸⁰⁾.

Свидригелло искренно желалъ мира, а Сигизмундъ притворствовалъ, и — когда первый распустилъ свое войско, то онъ — усиливъ свое вновь прибывшими Поляками, пошелъ къ Литовско-рускимъ городамъ. Узнавъ объ этомъ, Свидригелло просилъ Великаго Магистра вторгнуться въ Литву и отвлечь Сигизмунда; а самъ, не надѣясь на свою безопасность, сперва удалился въ Мстиславль, а потомъ съ малымъ числомъ людей ушелъ за Днѣпръ въ Черниговскія и Кіевскія земли. Сигизмундъ, желая отмстить Мстиславскому Князю за помощь Свидригеллу, приказалъ своему войску завладѣть Мстиславлемъ; но Литовцы, простоявъ здѣсь три недѣли, возвратились въ Литву безъ успѣха. Услышавъ объ отступленіи ихъ, Свидригелло прибылъ въ Витебскъ, куда велѣлъ представить узника своего князя Михаила Пеструцкаго. Несчастный старецъ, завязанный въ мѣшокъ, былъ брошенъ въ прорубь на Двинѣ.

XLVII.

Король всячески старался примирить братьевъ, но напрасно: ни тотъ, ни другой не хотѣлъ отказаться отъ права обладанія всею Литвою. Сигизмундъ крѣпко уповалъ на Польскихъ магнатовъ, не любившихъ Свидригеллу; а Свидригелло, имѣя въ своихъ рукахъ многіе укрѣпленные замки въ

Руси Литовской и многихъ союзниковъ внѣ ся, не отчаявался рано или поздно достигнуть своей цѣли. Ягелло не видѣлъ болѣе терзавшей его сердце борьбы, сошедши въ могилу 31 г. мая 1434 г. На Польскій престолъ возведенъ юный сынъ его, подъ именемъ Владислава III. По смерти брата, Свидригелло снова покусился попытать счастья противъ своего соперника. Получивъ помощь изъ Москвы, Твери, Одоева, отъ Татаръ и Крестоносцевъ, прибывшихъ къ нему подъ начальствомъ Магистра Ливонскаго Керсдорфа, онъ двинулся изъ Полоцка къ Бреславилю; но проливные дожди, сдѣлавъ дороги непроходимыми, заставили его воротиться назадъ. Вездѣ служило счастье Сигизмунду и вездѣ терялъ Свидригелло; такъ что Крестоносцы — главная его опора, проигравъ сраженіе, принуждены были заключить миръ съ Литвою и Польшею; и Свидригелло нѣкоторое время сидѣлъ запершись въ Витебскѣ.

Однако же, еще ни Императоръ ни Крестоносцы еще не оставляли его. Одобряя миръ, заключенный Крестоносцами, Кесарь въ тоже время подстрекалъ Свидригеллу къ новой войнѣ, обѣщая ему помощь и вѣнецъ державный. Въ Смоленскѣ Свидригелло принималъ Кесарскихъ пословъ, явившихся съ этимъ предложеніемъ, и надежда оживила его. Въ Руси Литовской замѣтно было общее движеніе; повсюду собирались подъ знамена Свидригеллы толпы охотниковъ. Узнавъ объ этомъ, Сигизмундъ послалъ сюда нѣсколько отрядовъ, чтобы разогнать собиравшіеся шайки. Это войско дошло до Витебска, гдѣ находился въ то время самъ соперникъ Сигизмундовъ. Свидригелло, вышедъ изъ

города, погнался за Литовцами, и — разбитый прибѣжалъ укрыться въ городъ (въ февралѣ 1435 г.). Наконецъ, пришла и ожидаемая отъ Кесаря помощь: Чехи подъ предводительствомъ Короля своего Сигизмунда Корибута, которому Кесарь сдѣлалъ видъ на Великое Княжество Литовское. Свидригелло собралъ не мало и своего войска, усилившагося отрядами изъ Москвы, Твери, отъ Татаръ Казанскихъ и Крестоносцевъ. Съ такими весьма значительными силами, состоявшими подъ главнымъ начальствомъ Корибута, двинулся онъ изъ подъ Витебска, около 15 августа 1435 г. Сигизмундъ тоже приготовился къ войнѣ, имѣя подъ знаменами восемь тысячъ Польской конницы; войскомъ командывалъ сынъ его Михаилъ. Оба войска отъ Вилькомира пошли по двумъ противоположнымъ берегамъ рѣки Святой и остановились тамъ, гдѣ въ нее впадаетъ р. Викторія. Корибутъ, присмотрѣвшись войску Литовскому, не предвѣщалъ ничего добраго, совѣтывалъ избѣжать сраженія; но Крестоносцы отвергли всякую мысль объ отступленіи. Случилось то, что предвидѣлъ Корибутъ: коль скоро началъ онъ отдвигать войска отъ рѣки для того, чтобы приобрѣсти болѣе мѣста для сраженія, Литовцы, скучавшіе бездѣйствіемъ, принявъ это за знакъ робости и отступленія, быстро переправившись чрезъ рѣку, стремительно ударили на непріятеля и, послѣ кровопролитнаго боя, почти уничтожили его. При этомъ страшномъ пораженіи убитъ, въ числѣ прочихъ, братъ Мстиславскаго Князя Юрія Ярославъ Лингвиніевичъ, родившійся въ Копорѣ въ 1411 г.; братъ его Семень, Даніилъ Семеновичъ Олышанскій,

Михаилъ Львовичъ Вяземскій, Ярославъ Тверскій, Магистръ Ливонскій и множество доблестныхъ рыцарей и мужей. Главный вождь Корибутъ смертельно раненый взятъ въ плѣнъ; число убитыхъ съ обѣихъ сторонъ простиралось до 50,000. Самъ Свидригелло бѣжалъ въ Полоцкъ. Черезъ три недѣли пришелъ Сигизмундовъ сынъ лишать его и послѣдняго достоянiя. Княжество Смоленское покорилось добровольно, и заплатило контрибуцію; тоже сдѣлала Орша со всѣмъ своимъ уѣздомъ т. е. Могилевомъ и нѣкоторыми другими городами, и княжество Витебское. За Свидригелломъ остались лишь замки Полоцкъ и Витебскъ, упорно защищавшіе почти до самаго лѣта 1456 г. Наконецъ, потерявъ и эту опору, Свидригелло бѣжалъ на Волынь и нашелъ убѣжище въ Луцкѣ, по милости племянника своего великодушнаго Короля Польскаго Владислава III ⁽¹⁸¹⁾.

XLVIII.

Подъ Вилькомиромъ рѣшилась судьба Свидригеллы и рѣшилась невозвратно; хотя и боролся онъ съ нею еще нѣкоторое время. Бывшіе его друзья и союзники Крестоносцы, не только оставили его во дни несчастiя; но еще попрекали его политическими ошибками. Однако Императоръ, хотя впрочемъ для приличiя только, оказывалъ вниманіе къ злосчастной судьбѣ этого Князя и не терзалъ упреками его большого сердца. Еще долгое время и надежда не покидала души Свидригеллы; даже самъ Императоръ утѣшалъ его несбыточною мечтою, что еще добрый

Богъ улучшить судьбу его и осуществить его надежды. Великодушный Король Польскій съ своей стороны оказалъ еще болѣе вниманія злополучному Свидригеллу; но, съ другой стороны, имѣлъ онъ врага непримиримаго въ могущественномъ Князѣ Литовскомъ Сигизмундѣ, рыскавшемъ на жизнь его и слѣдившимъ за каждымъ его шагомъ. Потому, не считая себя вполне безопаснымъ, Свидригелло вдругъ скрылся въ Валахію, гдѣ пребывалъ нѣкоторое время въ неизвѣстности. Это обстоятельство подало поводъ къ романтической выдумкѣ, будто бы Свидригелло былъ пастухомъ въ Валахіи ⁽¹⁸²⁾ — истая выдумка, ибо онъ жилъ въ Перемышлѣ съ дворомъ довольно значительнымъ, вспомошествоваемый щедротами Короля Польскаго, и откуда тоже бѣжалъ вскорѣ, замѣтивъ себя окруженнымъ шпионами Сигизмундовыми. Союзъ съ католиками, поставилъ его въ ложное, не естественное въ отношеніи къ самому себѣ положеніе. Поборникъ православія, но надѣявшійся всего лишь отъ Крестоносцевъ и Императора, долженъ былъ протворяться расположеннымъ къ униі — положеніе доведшее его наконецъ до безчеловѣчнаго злодѣянія. Такъ, въ 1435 г., въ самую критическую минуту жизни своей, участь которой надѣялся онъ улучшить при помощи католиковъ, сжегъ онъ живаго въ Витебскѣ Кіевскаго митрополита Герасима, ревнителя Православія, единственно для того, чтобы не показать себя противникомъ униі въ глазахъ Императора и Крестоносцевъ его тогдашнихъ союзниковъ ⁽¹⁸³⁾. Еще разъ улыбнулась судьба Свидригеллу послѣ смерти Сигизмундовой, и онъ могъ бы быть Вели-

кимъ Княземъ Литовскимъ , если бы сумѣлъ воспользоваться случаемъ. Последнее время провелъ онъ спокойно , пользуясь уваженіемъ и вниманіемъ своихъ племянниковъ и наконецъ , послѣ жизни, богатой приключеніями и преисполненной превратностей судьбы, Свидригелло , удрученный лѣтами и судьбою , скончался въ любимомъ имъ Луцкомъ замкѣ , предложенномъ ему вмѣстѣ съ областію великодушнымъ племянникомъ, Королемъ Польскимъ Владиславомъ III ⁽¹⁸⁴⁾.

LVIX.

Владѣя Литвою , Бѣлоруссіею и Малороссіею, Сигизмундъ Кейстутевичъ старался истребить изгнанныхъ имъ князей. Въ 1440 г. поймалъ въ Трокахъ Мстиславскаго Князя, явившагося изъ Новгорода , посадилъ его въ темницу и отчину его взялъ себѣ. Но въ томъ же году, въ недѣлю цвѣтоносную, Сигизмундъ убить въ своихъ покояхъ, какъ тираня безумный. На Литовскій престолъ возведенъ братъ короля Казиміръ. Тотчасъ по вступленіи на престолъ, Казиміръ освободилъ Юрія изъ темницы и возвратилъ ему Мстиславъ; но Юрій явилъ себя неблагодарнымъ и навлекъ праведный гнѣвъ Великаго Князя, вмѣшавшись въ дѣла Смоленскія. На мѣсто Смоленскаго намѣстника Яна Гастольда—нездолго до смерти Сигизмунда, вызваннаго въ Троки—назначенъ былъ Саковичъ. Какъ скоро пришла въ Смоленскъ вѣсть о смерти Сигизмунда, Саковичъ назначилъ присягу на вѣрность тому, кого паны Литовскіе изберутъ на престолъ Великокня-

жескій и объявилъ при томъ , что до того времени всѣ должны признавать его самого верховнымъ начальникомъ. Епископъ , бояре , граждане и ремесленники безъ всякаго прекословія выполнили присягу. Но скоро власть Саковича для многихъ сдѣлалась нестерпимою. Быть можетъ , онъ , потворствуя боярамъ , вмѣстѣ съ ними угнеталъ низшія сословія гражданъ ; ибо не много спустя , именно въ среду Пасхальной недѣли , въ городѣ произошло большое смятеніе : загудѣлъ сборный колоколъ и затѣмъ вооруженныя толпы Смоленскихъ ремесленниковъ начали расхаживать по улицамъ и грозить всякому , кто сохранить послушаніе Саковичу. Намѣстникъ созвалъ бояръ и , по совѣту ихъ , приказалъ своей стражѣ сѣсть на коней и разогнать мятежниковъ. Стража , положивъ многихъ на мѣстѣ , многихъ ранивъ , возстановила спокойствіе ; но не на долго. Ночью съ новою силою вспыхнулъ мятежъ и сдѣлался повсемѣстнымъ. Саковичу ничего болѣе не оставалось , какъ оставить городъ ; за нимъ послѣдовало все его семейство и многіе изъ бояръ ; народъ же избралъ себѣ воеводою Дорогобужскаго Князя Андрея Димитріевича. Бояре не согласились на этотъ выборъ и , чтобы положить конецъ смутамъ , нѣкоторые изъ нихъ поѣхали въ Видьну , гдѣ учинивъ присягу Казимиру , они принесли жалобу на своеволие гражданъ. Это устрасило ихъ ; но вмѣсто того , чтобы послѣдовать примѣру бояръ , они отдались въ покровительство Мстиславскому Князю Юрію , избравъ его своимъ господиномъ , въ надеждѣ найти въ немъ защиту отъ гнѣва Казимира. Юрій съ своимъ удѣломъ еще не да-

валъ присяги новонабранному Великому Князю, и принявъ предложеніе. Междутѣмъ Великокняжескій совѣтъ съ миромъ отпустилъ бояръ Смоленскихъ, обѣщавъ имъ всякую защиту и поручивъ имъ убѣдить Мстиславскаго Князя, не вмѣшиваться въ дѣла Смоленскія. Юрій не послушался; самовластно началъ разбирать жалобы гражданъ; многихъ бояръ казнилъ, другихъ заключилъ въ темницу, отдавъ имѣнія ихъ своимъ боярамъ. Этого мало: онъ возмутилъ противъ Казимира Полоцкое и Витебское княжество, и присоединилъ ихъ къ своему удѣлу. Подобное своеволие требовало достойнаго наказанія. Войско Сигизмундово явилось подъ Смоленскомъ; но, простоявъ тутъ три недѣли, ничего не успѣло, выжгло только монастыри и посады кругомъ города, и, захвативъ не много плѣнныхъ, воротилось обратно. Наконецъ, осенью 1441 г. двинулся съ войскомъ къ Смоленску и самъ Казиміръ; Юрій тайно бѣжалъ съ женою въ Москву; Смоленскъ, Витебскъ, Полоцкъ покорились и присягнули Казиміру. Въ это самое время Новгородцы, къ неудовольствію Великаго Князя Московскаго и въ угодность Казиміру, вызвали къ себѣ изъ Литвы, другаго Ольгердова, внука Іоанна Владиміровича, надѣливъ его пригородами; но скоро поссорились съ нимъ и съ Казиміромъ, выслали Іоанна въ Литву, и вторично призвали къ себѣ изъ Москвы Юрія Лингвиніевича.

LX.

Послѣ ослѣпленія, въ 1446 г., Великаго Князя Василия Васильевича Шемякою, братъ Великой Княгини Василий Ярославичъ Князь Боровскій, не желая послѣ такого злодѣянія оставаться въ Россіи, отѣхалъ въ Литву, и получилъ отъ Казимира въ удѣлъ, кромѣ другихъ городовъ, Гомель и Мстиславль. Но въ томъ же году Василий Ярославичъ оставилъ Литву, спѣша изъ Мстиславля съ войскомъ Литовскимъ на помощь Василию Темному, снова возведенному на престолъ, и остался княжить по прежнему въ Боровскѣ. Мстиславскій удѣлъ опять остался празднымъ. Междутѣмъ Юрій Лингвиніевичъ скучалъ въ Новгородѣ и тосковалъ по своей отчинѣ; тѣмъ болѣе, что Новгородцы не дали ему ничего кромѣ жалованья. Черезъ кума своего Троцкаго воеводу Яна Гастольда старался умилостивить Великаго Князя Литовскаго: Казимиръ простилъ Юрія и возвратилъ ему Мстиславль, Кричевъ и другіе города его удѣла. Впрочемъ, Юрій не оставлялъ пока и Новгорода. Объ остальной его жизни ничего не говорятъ лѣтописи; только еще разъ упоминается объ немъ въ письмѣ Великаго Магистра Нѣмецкаго къ Ливонскому, въ которомъ тотъ проситъ его свободно пропустить черезъ свои владѣнія *Герцога* Новгородскаго Юрія Лингвиніевича, намѣревающагося ѣхать въ Вильнакъ, въ 1447 г., и въ отвѣтномъ письмѣ Магистра Ливонскаго, соглашающагося пропустить Князя Юрія Лингвиніевича черезъ Орденскія владѣнія,

но безъ многочисленной свиты. Изъ надписи на портретъ Юрія, хранящемся въ Онуфріевской церкви, видно, что онъ, въ 1453 г. былъ въ Мстиславѣ, подтвердилъ запись своего отца для этого храма, и еще кое что прибавилъ отъ себя. Ни мѣсто, ни время его кончины не извѣстны (185).

Впрочемъ, отношеніи внѣшней политики и Сигизмундово и Казимірово царствованіе прошло спокойно, то есть не было ни мира, ни войны; оба двора переговаривались о мирѣ, ограничивались спорами за границы. Псковитяне, съ своей стороны, для прекращенія споровъ по этому поводу, въ бытность Казиміра въ Витебскѣ, отправили къ нему пословъ съ просьбою о привиденіи границъ въ ясность. Хотя Король намѣренъ былъ даже лично заняться этимъ дѣломъ; однакоже все осталось по прежнему. Въ память спасенія Королевы Елисаветы отъ утопленія, 20 іюля въ день Пророка Іліи, Казиміръ велѣлъ построить въ Бѣлоруссіи нѣсколько церквей православныхъ на берегахъ рѣкъ Двины, Днѣпра и Сожа: въ Витебскѣ, Бѣшенковичахъ, Могилевѣ, Кричевѣ, Оршѣ и Чериковѣ (186), и подарилъ этимъ храмамъ во владѣніе перевозы. Словомъ, это время не изобильно событіями (187). Бѣлорусскій край отдыхалъ благодатною тишиною отъ прошедшихъ тревоженій. Казалось, воцарился давно желанный миръ; но то былъ не миръ, но лишь ложный призракъ его, тишина кратковременная, непродолжительное отдохновеніе двухъ соперниковъ могучихъ предъ грядущею вѣковою кровопролитною ихъ борьбою.

КНИГА СЕДЬМАЯ.

Борьба за Бѣлоруссію и Русь Литовскую.

Война Іоанна III съ Казиміромъ и Александромъ. — Велрошская битва. — Перемиріе. — Борьба Василя съ Сигизмундомъ. — Битва подъ Оршею. — Кон. Острожскій — Новая война. — Опустошеніе Бѣлоруссіи. — Глинскій. — Вторая битва подъ Оршею. — Переговоры о мирѣ. — Осада Полоцка. — Чудо. — Перемиріе. — Борьба Іоанна IV съ Сигизмундами, — Первое вторженіе Россіянъ въ Бѣлоруссію. — Второе; взятіе Гомеля. — Построеніе Себѣжа и Велижа. — Перемиріе.

LXI.

Россія, низвергнувъ иго Монголовъ, поуправившись и съ внутренними смутами, начали мало по малу окрѣпляться, и въ царствованіе Іоанна III является уже могущественною державою. Все измѣнилось: прежде почти незамѣтная, не внушавшая почти никакого страха врагамъ своимъ, теперь выступаетъ сильною на сцену политическихъ дѣйствій; возмужавъ, требуетъ того, что было отнято во дни сѣ младенчества. Первымъ неизбѣжнымъ слѣдствіемъ этого было столкновеніе съ Литвою, возвысившуюся во дни внутренняго неуройства

Россіи и разширившуюся на счетъ ея природныхъ владѣній. Потому, со времени Іоанна III начинается достопамятная война, война продолжавшаяся почти 150 лѣтъ, въ теченіе которыхъ Литва и Россія дрались на жизнь и смерть за Бѣлоруссію и область Сѣверскую; война, обратившая въ печальную пустыню большую часть этого края, спасеннаго раннимъ подданствомъ Литвѣ, могуществомъ Олгерда и Витольда отъ ига Монгольскаго.

Еще въ маѣ 1492 г. Великій Князь Іоаннъ III отправилъ въ Краковъ Беклемишева съ требованіемъ: возвратить нѣкоторые издревле Россійскіе города и въ числѣ ихъ Рогачевъ и Хлепенъ (Жлобинъ) въ нынѣшней Могилевской губерніи. Беклемишевъ засталъ Короля уже на смертномъ одрѣ. По смерти Казимира, послѣдовавшей 25 іюня 1492 г., когда въ Польшѣ спорили о новомъ королѣ, Литовцы избрали Великимъ Княземъ Александра, младшаго Казимірова сына. Іоаннъ воспользовался отдѣленіемъ Литвы и скоро открылись непріязненныя дѣйствія: нѣсколько Россійскихъ отрядовъ двинулось въ Литву; одинъ изъ нихъ взялъ Рогачевъ, принадлежавшій въ то время Ходкѣвичу, и отправилъ тамошняго намѣстника и множество жителей въ Москву (188).

Въ 1493 г. открылось гнусное злоумышленіе на жизнь Великаго Князя Московскаго. Князь Иванъ Лукомскій поклялся Казиміру убить или отравить врага его, и съ этою цѣлію вступилъ въ Россійскую службу. Кончина Казимира не отклонила убійцу отъ умысла; но не скромность его обнаружила тайную думу. Лукомскій взятъ подъ стражу; при немъ

найденъ ялъ, которымъ онъ хотѣлъ умертвить Іоанна; Лукомскаго сожгли въ кѣткѣ на берегу рѣки Москвы вмѣстѣ съ его единомышленникомъ, какимъ-то Матіасомъ.

Это происшествіе усилило вражду Іоанна къ дѣтямъ Казиміровымъ, и онъ тѣмъ дѣятельнѣе сталъ помышлять о возвращеніи древняго достояніи Россіи. Но, Александръ желалъ мира, для заключенія котораго, послѣ многихъ переговоровъ, явились въ Москву великіе Литовскіе послы. По этому миру, въ числѣ многихъ городовъ, уступленъ въ 1494 г. Россіи Мстиславль, въ которомъ вѣроятно не было тогда Князя; ибо Иванъ Юрьевичъ, какъ можно догадываться, скончался; а сынъ его Михаилъ Ивановичъ княжилъ въ Изяславлѣ или Ижеславлѣ. Наконецъ, помышляя объ упроченіи мира съ Россіею, Александръ въ этомъ же году сочетался бракомъ съ дочерью Іоанна Еленою, съ которою въ концѣ лѣта посѣтилъ здѣшній край. Но, и родственныя связи государей не даровали мира ихъ державамъ.

LXII.

Взаимныя неудовольствія тестя и зятя произвели наконецъ разрывъ явный. Въ Апрѣлѣ 1500 г., Король услышалъ о военныхъ приготовленіяхъ въ Россіи. Поводомъ къ этому служило притѣсненіе въ Литвѣ Православной вѣры, въ чемъ увѣрили Іоанна выходцы Литовскіе. Еще въ началѣ Іоаннова правленія, Иванъ Андреевичъ Можайскій и сынъ Шемякинъ Иванъ Димитріевичъ, враги Государя Московскаго, ушли въ Литву, гдѣ Казиміръ

далъ первому княжество Черниговское съ городомъ Гомелемъ, а второму Рыльскъ и Новгородъ-Сѣверскій. Но дѣти ихъ: Можайскаго Симеонъ и внукъ Шемякинъ Василій, забывъ вражду наслѣдственную, передались съ своими городами Іоанну. Они то и утвердили Великаго Князя въ мысли, объ угнетеніи православія въ Литвѣ. Справедливость этихъ навѣстовъ ничѣмъ не доказана; но дочь Іоаннова Елена, не смотря на самыя настоятельныя его просьбы и требованія, не имѣла у себя домовою православной церкви и была окружена одними католиками — что всего болѣе огорчало Великаго Князя, и заставило наконецъ объявить зятю войну.

Въ непродолжительное время Московское войско безъ кровопролитія заняло почти всю Русь Литовскую: отъ нынѣшней Калужской и Тульской губерніи до Кіевской; другая рать взяла Дорогобужъ. Александръ съ трепетомъ обнажилъ мечъ противъ своего могущественнаго тестя, и поручилъ главное начальство надъ войскомъ славному герою Князю Константину Острожскому ⁽¹⁸⁹⁾. Іюля 14 1500 г. произошла близъ Дорогобужа, на берегахъ рѣки Ведроши, самая несчастная для Литовцевъ битва: около восьми тысячъ ихъ легло на мѣстѣ, множество утонуло въ рѣкѣ; военачальникъ Константинъ, князья Друцкіе и много другихъ взяты въ плѣнъ. Самъ Александръ стоялъ съ войскомъ въ нынѣшнемъ Копыскомъ уѣздѣ надъ рѣкою Бабромъ. Сюда пришла къ нему вѣсть о пораженіи, отсюда перешелъ онъ сперва подъ мѣстечко Оболицы, а потомъ къ Полоцку, гдѣ простоялъ всю осень; Смоленскъ, Витебскъ, Орша были укрѣплены. Въ началѣ 1501 г.

Московское войско, подъ начальствомъ сына Іоаннова Димитрія, прозваннаго Жилка, обложила Смоленскъ. Александръ послалъ на помощь городу значительное войско, къ которому полъ Оршею присоединился отрядъ Татаръ заволжскихъ. Смоленскъ отстояли; отбивъ Москвитянъ, Литовскій Воевода Станиславъ Бѣлый, отославъ значительную часть своего войска къ Полоцку, съ остальнымъ остановился при мѣстечкѣ нынѣшняго Чаусовскаго уѣзда Горахъ. Междутѣмъ, пока онъ стоялъ тутъ въ бездѣйствіи, князь Симеонъ Можайскій напалъ на Мстиславъ. Къ счастью города Мстиславскій Князь Михаилъ Ивановичъ хорошо приготовился къ оборонѣ, удачно сдѣлавъ вылазку; но не могъ воспрепятствовать Россіянамъ опустошить околицы многолюдныя и богатыя (190).

LXIII.

Въ Москву пріѣхали послы отъ братьевъ Александровыхъ — Королей Владислава Венгерскаго и Альбрехта Польскаго — а за ними и чиновникъ Александровъ съ предложеніемъ мира. Іоаннъ не отвергалъ его и объявилъ, что будетъ ожидать великихъ пословъ Литовскихъ. Но въ это время, 25 іюня 1501 г., скончался Польскій Король Альбрехтъ, и Александръ — соединивъ на себя двѣ короны, Литовскую и Польскую — забылъ на время и о Литвѣ и о Россіи. Наскучивъ тщетнымъ ожиданіемъ пословъ Литовскихъ, Іоаннъ вторично послалъ сына своего Димитрія подъ Смоленскъ. Городъ опять отстояли, частію мужественною защи-

тою, частию хитростию: стѣны во многихъ мѣстахъ были уже пробиты; но Смоленскій воевода Николай Глѣбовичъ вступилъ съ князьями Шемяками, которыми Димитрій передалъ начальство, въ переговоры будто бы съ намѣреніемъ сдаться и выпросилъ отдыхъ на цѣлую ночь. Россіане, утомленные до крайности, согласились на то съ тѣмъ, чтобы всю ночь не слышно было въ стѣнахъ стука топора. Смоленцы сдержали слово; но и безъ топора, при помощи однихъ пилъ, исправили стѣны. Не видя ни успѣха, ни конца трудамъ своимъ, Московскіе воеводы отступили отъ Смоленска и пошли на Мстиславль, отъ котораго однако были отбиты княземъ Иваномъ Соломорецкимъ.

LXIV.

Когда Польша приготавлилась къ торжеству ко-
ронованія Александра, Іоаннъ Васильевичъ послалъ сына своего Василія и князя Симеона Ивановича, намѣстника Новгородскаго, съ войскомъ отборнымъ къ Западной Двинѣ; а князья: Симеонъ Бѣльскій, Василій Шемяка, Александръ Ростовскій и бояринъ Воронцовъ съ немалою также силою подступили къ Мстиславлю. Мстиславскій князь Михаилъ Ивановичъ съ воеводою Евстафіемъ Дашкевичемъ вышли имъ на встрѣчу — и 14 ноября 1501 г. произошла кровопролитная битва, въ которой пало и взято въ плѣнъ семь тысячъ Литовцевъ, и отнято не мало знаменъ. Но этимъ и кончилось: Москвитяне ничего не выиграли этою побѣдою, потому что должны были спѣшить на помощь своимъ

городамъ, нападеннымъ Крестоносцами. Однако же, въ іюлѣ 1502 г., Іоаннъ Васильевичъ опять отправилъ сына своего Димитрія подъ Смоленскъ съ огромнымъ войскомъ. Часть этого войска, напавъ нечаянно на Оршу, взяла ея, пожгла деревни до Мстиславля и увела въ плѣнъ нѣсколько тысячъ народа. Но скоро вся эта огромная рать, томимая голодомъ въ странѣ, ею же опустошенной, возвратилась въ Московскіе предѣлы.

LXV.

Александръ всячески старался покончить разорительную войну. Самъ Римскій первосвященникъ Александръ VI взялся быть посредникомъ, и въ 1503 г. пріѣхалъ въ Москву чиновникъ съ грамотою отъ Папы, который просилъ Великаго Князя, ради блага всего христіанства, примириться съ Королемъ и вмѣстѣ съ другими Государями воевать Порту; Іоаннъ дозволялъ послать королевскимъ пріѣхать въ Москву. Послы явились съ предложениемъ вѣчнаго мира на томъ условіи, чтобы Іоаннъ возвратилъ Королю всю его отчину, т. е. всѣ завоеванные имъ города въ Литвѣ. «Отчина королевская — сказалъ Іоаннъ — есть земля Польская и Литовская, а Русская наша. Что мы съ Божіею помощію у него взяли, того не отдадимъ.» Наконецъ, вмѣсто вѣчнаго мира, согласились на шестилѣтнее перемиріе срокомъ съ 25 марта 1503 г. и, только изъ особеннаго уваженія къ зятю, Іоаннъ возвратилъ Литвѣ нѣкоторыя волости, и въ числѣ ихъ слѣдующія въ Бѣлорусскомъ краѣ: Рудю, Щучью,

Ветлицы и Святые Озерища въ нынѣшней Витебской губерніи; Стрешинъ, Чечерскъ, Пропойскъ, Могилевъ, Мстиславль съ волостями, Кричевъ съ волостями — остались тоже за Литвою ⁽¹⁹¹⁾; за Россією же остались слѣдующія мѣста въ Рогачевскомъ и Гомельскомъ уѣздахъ нынѣшней Могилевской губерніи: Гомель съ волостями, Попова Гора, Телеши, Кошелево, Залѣсье, Свѣтиловичи, Федоровка и Уваровичи.

LXVI.

До истеченія срока перемирія скончались оба, и Великій Князь Іоаннъ и зять его Александръ ⁽¹⁹²⁾. Первому наследовалъ сынъ его Василій Іоанновичъ, а второму братъ, Сигизмундъ. Василій во всемъ слѣдовалъ отцовской политикѣ, не оставляя мысли о присоединеніи къ Россіи Литовско-Русскихъ городовъ. Жалуясь, что Литовцы тревожатъ набѣгами его владѣнія, онъ послалъ въ 1507 г. войско воевать Смоленскую область. Это войско, подъ предводительствомъ князей: Стародубскаго, Холмскаго, Микулинскаго и боярина Захарьевича, 14 сентября, вторгнулось въ предѣлы Литовскіе, дошло до Мстиславля, выжгло тамъ посады, не встрѣтивъ нигдѣ непріятеля; наконецъ встрѣтилось съ нимъ подъ Кричевомъ, вступило въ сраженіе и было разбито на голову. Въ тоже время пришелъ на помощь своимъ самъ Король съ войскомъ Польскимъ и Татарскимъ. Россіане поспѣшно удалились.

LXVII.

Въ 1508 г. знатный, сильный Литовскій вельможа князь Михайлъ Глинскій, оскорбленный Сигизмундомъ, передался Василю Іоанновичу и началъ воевать Литву, съ намѣреніемъ отторгнуть отъ нея всѣ древніе города Русскіе. По его настоятельнымъ просьбамъ Василій посылалъ сюда отряды за отрядами, которые заняли почти всю Бѣлоруссію. Князья Друцкіе и Мстиславскій князь Михайлъ Ивановичъ поддались Россіянамъ добровольно; но Орша оборонялась упорно. Изъ подъ Орши Глинскій пошелъ къ Минску; но тамъ услышалъ, что сильное войско Литовское, подъ начальствомъ Фирлея, приближается къ Могилеву, а въ слѣдъ за нимъ идетъ и самъ Король съ войскомъ Польскимъ. Глинскій оставилъ Минскъ и чрезъ Борисовъ пошелъ къ Оршѣ, куда прибыло новое Россійское войско подъ предводительствомъ боярина Захарьевича и князя Щени; сюда же пришла и королевская армія, устранившая стройностію и многочисленностію своею воеводъ Московскихъ. Снявъ поспѣшно осаду, они перешли Днѣпръ подъ самымъ городомъ; обложивъ конницею лѣвый берегъ рѣки, расположились станомъ за милю отъ города въ удобномъ мѣстѣ. Самъ Король, 13 іюля, сталъ подъ Оршею въ виду непріятеля, и тотчасъ приказалъ искать переправы чрезъ Днѣпръ. Россіяне соединились на пунктѣ, на которомъ ожидали нападенія; междутѣмъ королевская конница — переправившись вплавъ въ двухъ мѣстахъ, нѣсколько ниже — ударила

•

на Русскихъ, которые въ это время всѣ занимались обѣдомъ. Въ главномъ Русскомъ станѣ ударили тревогу и тѣмъ отвлекли съ позиціи свой отрядъ, защищавшій переправу противъ самой Ориши. По наведеннымъ мостамъ Король переправилъ все свое войско на другой берегъ. Россіяне очутились между двумя огнями, дрались цѣлый день; но на другой, вмѣстѣ съ Глинскимъ, оставили свой станъ и, простоявъ семь дней въ Дубровнѣ, пошли къ Кричеву и Мстиславу, откуда, едва успѣвъ разорить нѣсколько селъ, должны были спѣшить въ Россію: Король, вступивъ въ Смоленскъ, отрядилъ войско къ предѣламъ Московскимъ (193).

LXVIII.

Не ослабляясь успѣхомъ и желая успокоить свою державу, Сигизмундъ снова предложилъ миръ Василію, принявшему его не смотря на то, что Глинскій, хвалясь многочисленностію друзей въ Литвѣ, убѣждалъ продолжать войну. Написали договоръ, такъ называемаго, вѣчнаго мира. Василій и Сигизмундъ, именуясь братьями и сватами, обязались жить въ любви и мирѣ, доброжелательствовать и помогать другъ другу противъ всякаго непріятеля; впрочемъ, кромѣ такихъ случаевъ, гдѣ будетъ *невозможно* исполнить этого условія. Глинскій — лишенный всей своей обширной вотчины — со всѣми ближними друзьями, между которыми былъ и князь Друцкій Андрей, выѣхалъ изъ Литвы въ Россію. Въ этомъ же 1508 г. возвратился въ Литву знаменитый плѣнникъ князь Константинъ

Острожскій, за нимъ прибылъ въ Друцкъ съ двумястами воиновъ Литовскій воевода Евстафій Дашкевичъ, передавшійся Царю Московскому въ 1501 г. Тогда же случилось нападеніе Перекопскихъ Татаръ на Литву. Значительная часть ихъ напала на Друцкъ и была прогнана Константиномъ Острожскимъ, имѣвшимъ около этого города готовое войско.

LXIX.

Не долго продолжался вѣчный миръ, явились случаи, въ которыхъ *невозможно* было исполнить его условій, и Литва опять увидѣла въ своихъ предѣлахъ Московскія войска. Въ іюлѣ 1513 г., самъ Государь выступилъ съ войскомъ изъ Москвы, отправивъ впередъ къ Смоленску боярина князя Рѣпню и окольногочаго Сабурова. Хотя намѣстникъ Смоленскій Юрій Солмогубъ и былъ разбитъ ими, со всѣмъ тѣмъ осада Смоленска была до того неудачна, что войско Московское должно было отступить съ урономъ. Россіяне хвалились лишь опустошеніемъ земли непріятельской вокругъ Полоцка, куда ходилъ изъ Великихъ Лукъ князь Василій Шуйскій.

Литовцы уже перестали бояться сильныхъ ополченій Московскихъ и думали, что завоеванія Россіянъ были единственно счастіемъ Іоанновымъ; надлежало увѣрить и непріятелей и своихъ въ неизмѣнномъ могуществѣ Россіи, страхомъ уменьшить силу первыхъ, бодростію увеличить мужество своихъ. Потому, вторично, самъ предводительствуя войскомъ, Василій Іоанновичъ 29 іюля 1514 г. осадилъ Смоленскъ — и этотъ знаменитый городъ, сто

десять лѣтъ находившійся подъ властію Литвы, навсегда возвращенъ Россіи. Михаилъ Глинскій былъ главнымъ дѣятелемъ при взятіи Смоленска и потому думалъ, что, изъ благодарности за услуги, отдадутъ ему этотъ городъ во владѣніе. Василій не сдѣлалъ этого и смѣялся надъ безмѣрнымъ честолюбіемъ Глинскаго; а раздраженный Глинскій, уже опытный въ измѣнѣ, замыслилъ новую.

LXX.

Государь, не медля долго, отрядилъ войско къ Мстиславлю. Тамошній Князь Михаилъ Ивановичъ, не имѣя силъ противиться, выѣхалъ на встрѣчу войску Московскому, принесъ присягу Василю и возвратился въ свою отчину, милостиво имъ одаренный. Это было 7 августа, а 13 того же мѣсяца добровольно поддалися Россіи города: Кричевъ и Дубровна. Литва, кажется, спокойно смотрѣла на успѣхи Россіянъ. Оставивъ часть войска въ Смоленскѣ, остальные отряды Василій Іоанновичъ послалъ къ Борисову, къ Минску; а самъ возвратился въ Дорогобужъ. Михаилъ Глинскій стоялъ съ отрядомъ близъ Орши, откуда тайно предложилъ Сигизмунду свои услуги, изъявилъ раскаяніе, обѣщалъ загладить прошедшее. Король увѣрилъ Глинскаго въ милости. Согласились, чтобы Литовское войско, какъ можно поспѣшнѣе шло къ Днѣпру: Глинскій ручался за побѣду. Король, оставшись въ Борисовѣ съ 4,000, остальное войско съ Константиномъ Острожскимъ послалъ къ Оршѣ. Глинскій, узнавъ объ этомъ, ночью сѣлъ на коня и бѣжалъ

изъ Русскаго стана; но не далеко отъѣхалъ. Одинъ изъ его слугъ извѣстилъ князя Булгакова-Голлицу о бѣгствѣ измѣнника. Воевода въ ту же минуту поскакалъ за нимъ съ легкою конницею вобгонъ, пересѣкъ дорогу и ждалъ въ лѣсу. Глинскій ѣхалъ впереди; за нимъ, за версту, толпа слугъ вооруженныхъ; ихъ и господина поймали и представили въ Дорогобужѣ Великому Князю. Глинскій не могъ и не хотѣлъ заператься, при немъ были письма Сигизмундовы, окованный цѣпами отвезенъ былъ въ Москву. Государь приказалъ Булгакову и Челядинину итти на встрѣчу Королевскому войску. Скоро встрѣтились съ собою передовые отряды Россiянъ и Литовцевъ; 27 августа самъ гетманъ Острожскій два раза встрѣчался съ войскомъ Московскимъ и оба раза одержалъ побѣду; въ то же время и надъ рѣкою Бобромъ была встрѣча счастливая для Литовцевъ; а Янъ Сапѣга съ отрядомъ Польской конницы, разбилъ близъ Орши, надъ рѣкою Одровой, три полка Россiянъ ⁽¹⁹⁴⁾. Московскіе воеводы, смущенные неудачами и не знавшіе о числѣ Литовскаго войска, почли за лучшее уступить непріятелю правый берегъ Днѣпра, переправились чрезъ него между Оршею и Дубровною, и расположились станомъ близъ Орши, опираясь лѣвымъ крыломъ о рѣчку Кропивну, при устьѣ ея въ Днѣпръ. Нѣсколько дней оба войска, раздѣленные лишь одною рѣкою, стояли въ бездѣйствіи, наблюдая другъ за другомъ. Россiяне старались выказать огромность своихъ силъ; Острожскій, напротивъ, скрывалъ свои, показывалъ видъ будто боится боя, даже предлагалъ Московскимъ воеводамъ разойтись

безъ него. Усыпивъ такимъ образомъ бдительность непріятеля, гетманъ тайно приготовилъ переправу чрезъ Днѣпръ, въ двухъ миляхъ отъ своего стана. Среди ночи 16,000 Литовской конницы благополучно переправились чрезъ рѣку впасть, за конницею двинулись, по приготовленной уже переправѣ, польскія хоругви Тенчинскаго, Пилецкаго, Кмиты, Зборовскаго, Мышковскаго и наконецъ конница подъ предводительствомъ Яна Свѣрчевскаго. Когда въ Русскомъ станѣ узнали, что уже половина непріятельской конницы на этой сторонѣ Днѣпра, воеводы совѣтовали не медля ударить на нее; но гордый бояринъ Челядининъ отвѣчалъ: «мнѣ мало половины, жду ихъ всѣхъ и тогда однимъ разомъ управлюсь съ ними» и за эту самонадѣянность воеводы Россія заплатила стыдомъ и кровію! Въ 9 часовъ утра, 8 сентября, Острожскій, избравъ выгодную позицію, выстроилъ свое войско въ боевой порядокъ. Челядининъ построилъ своихъ въ три линіи, растянувъ ихъ на большомъ пространствѣ и подавши оба крыла впередъ, съ намѣреніемъ зайти непріятелю стылу. Булгаковъ, выпавъ съ праваго крыла съ конницею, стремительно ударилъ на лѣвый флангъ Литовской (198). Атакка была отражена; однакожъ и Булгаковъ спокойно и стройно отступалъ къ своимъ линіямъ, пока не подлетѣлъ отрядъ Польской конницы, который, напавъ съ фланга на отступающихъ, принудилъ ихъ къ быстрому бѣгству. Гнавшаяся за Булгаковымъ Польская конница, замѣтивъ покушеніе Россіянъ къ новому нападенію, остановилась и когда къ ней подоспѣла своя пѣхота, то, раздавшись на право и лѣво, приняла ее въ средину.

Россійскіе полки допущенные на выстрѣлъ ружейный, попали подъ сильный огонь, смѣшались и разстроились. Острожскій, не давая имъ времени оправиться, атаковалъ ихъ кавалерію. Опрокинутые на этомъ мѣстѣ, Россіяне занесли на себѣ побѣдителей на другую линію арміи. Сюда прибыли на помощь гетману Зборовскій съ своею конницею и Шишовскій съ хоругвями гусаръ, которымъ удалось прорваться и чрезъ эту вторую линію. Когда это происходило въ центрѣ и на лѣвомъ крылѣ, на правомъ Литовская конница сдѣлала притворное отступленіе и увлекла за собою Московскую, съ которою, какъ несравненно превосходившею ее числомъ, не могла вступить въ открытій бой. Вся масса Московской конница вдалась въ погоню, потерявъ стройность и порядокъ и — когда воображала, что побѣда на ея сторонѣ — Литовцы навели ее на сильнѣйшій батарейный огонь, а сами зашли ей втылъ. Смятенные Россіяне начали отступленіе и, напирая отъ праваго крыла къ лѣвому, втѣснили его въ болотистую рѣку Кропивну. Челядининъ еще стоялъ всторонѣ съ отборнымъ войскомъ, не трогаясь съ мѣста и, когда покушался ударить втылъ непріятелю, самъ былъ атакованъ Свѣрчевскимъ, предводительствовавшимъ наемною Богемскою конницею. И тутъ не устояли Россіяне, и бѣжали въ ближайшій лѣсъ. Такимъ образомъ 80,000 рать Московская, по винѣ неискускаго начальника, была разгромлена тридцатью пятью тысячами Литовцевъ, еще никогда не одерживавшими такой славной побѣды надъ Россіянами, которыхъ гнали, рѣзали, топили въ Днѣпрѣ и Кропивнѣ; тѣлами усылали все

пространство между Оршею и Дубровною; плѣнили Булгакова, Челядинина и шесть другихъ воеводъ, 37 князей, болѣе 1500 дворянъ и чиновниковъ; взяли обозъ, знамена, артиллерію. Россіяне лишились 30,000 воиновъ, ночь и лѣса скрыли остальныхъ. Сигизмундъ, внѣ себя отъ радости, думалъ, что отниметъ у Россіи не только Смоленскъ, но и всѣ прежнія ея завоеванія; но ошибся: эта побѣда не имѣла особенно важныхъ слѣдствій; Литовцы только заняли Дубровну, Мстиславль и Кричевъ, гдѣ жители снова присягнули Сигизмунду.

LXXI.

Война продолжалась. Въ 1516 г. Россіяне пользуясь раздоромъ Витебскаго Воеводы Кости съ тамошнею шляхтою, уѣхавшею съ жалобами на него къ Королю, напали на Витебскъ, опустошили его окрестности и сожгли его предмѣстіе. Наконецъ, при посредничествѣ Императора Максимилиана начались переговоры о мирѣ, въ 1517 г. пріѣхали въ Москву Литовскіе послы: Янъ Щитъ намѣстникъ Могилевскій и Богущъ государственный секретарь съ 70 дворянами. Но Василій, узнавъ что войско Сигизмундово вступило въ Московскіе предѣлы и что самъ Король находится въ Полоцкѣ съ запасною ратію, не впустилъ пословъ въ Москву и велѣлъ жить имъ пока въ Дорогомиловѣ. Это нападеніе было лишь местію. За нѣсколько времени предъ симъ Псковскій воевода Андрей Сабуровъ измѣннически ограбилъ Рославль. Въ отмщеніе за это герой Сигизмундовъ хотѣлъ взять Опочку и въ

то время, когда осаждалъ этотъ городъ, Федоръ Оболенскій—Телепневъ и Иванъ Лятцкій, въ трехъ верстахъ отъ Константинова стана, разбили на голову 14,000 Литовцевъ. Послѣ этого и самъ Константинъ принужденъ былъ поспѣшно снять осаду, ушелъ даже не забравъ съ собою стѣнобитныхъ орудій. Узнавъ объ этой побѣдѣ, Василій дозволилъ посламъ Сигизмундовымъ явиться въ Москву. Дворъ Московскій требовалъ Кіева, Полоцка и Витебска; а Сигизмундъ Смоленска и земли Сѣверской. Потому, переговоры кончились ничѣмъ, война продолжалась.

LXXII.

Въ слѣдующемъ, 1518 г., съ наступленіемъ весны, Василій двинулъ воевать Литву сильную рать подъ начальствомъ намѣстниковъ Новгородскаго Василя, Псковскаго Ивана и князей Шуйскихъ. Экспедиція эта явилась въ маѣ подъ стѣнами Полоцка, противъ котораго, вскорѣ воздвиглись грозныя батареи. Осажденные защищались мужественно, дѣлая частыя вылазки; въ станѣ же осаждающихъ оказался сильный недостатокъ въ продовольствіи, такъ что за шапку сухарей платили алтынъ и болѣе. Шуйскіе рѣшились отправить за Двину для фуражировки отрядъ охотниковъ, которые, завладѣвъ судами, стоявшими подъ самою крѣпостію, благополучно переправились на лѣвый берегъ Двины, съ котораго болѣе уже не возвратились. Самъ воевода Полоцкій Петръ Гаштольд былъ на той сторонѣ, набиралъ войско въ помощь осажденному

городу; собравъ же нѣсколько хоругвей шляхты и соединившись съ Яномъ Боратынскимъ, вевшимъ 500 человекъ королевской конницы, съ этими силами онъ напалъ и уничтожилъ весь отрядъ охотниковъ Московскихъ. Однако же, судовъ на Двинѣ не оказалось: снесены онѣ были водою, или уничтожены Москвитянами? не извѣстно; словомъ, что Гаштольдъ, спѣшившій на помощь осажденному городу, прибывъ къ Двинѣ нашелся въ затруднительномъ положеніи за невозможностію переправы чрезъ рѣку, въ которой междутѣмъ вода сильно прибыва, глубина и быстрота теченія не подавала никакой возможности переправы вбродъ. Тщетно поселяне, собранные съ окрестностей, искали брода для этого двухтысячнаго кавалерійскаго отряда, стоявшаго надъ Двиною, въ двухъ миляхъ отъ города. Вдругъ, среди всеобщаго затрудненія, является нѣкой юный витязь въ свѣтломъ плащѣ, въ ясной бронѣ, на бѣломъ конѣ и молчаливымъ знакомъ приглашаетъ войско слѣдовать за нимъ: первый бросается въ глубокую и бурную рѣку — бродъ! Конница, благополучно достигнувъ противоположнаго берега, разбила 7000 отрядъ Московскаго войска, коего главныя силы, по причинѣ недостатка въ продовольствіи, уже удалились изъ подъ стѣнъ Полоцка. Но юнаго витязя уже не было. Благочестивое преданіе, основываясь на нѣкоторыхъ признакахъ, велитъ намъ вѣрить, что то былъ королевичъ Казиміръ, сынъ Короля, скончавшійся въ отрочествѣ, причисленный со временемъ Папою Леономъ X къ лику святыхъ, который во

лею Божією, вспомошествовалъ воинство своего отца ⁽¹³⁶⁾.

LXXIII.

Въ августъ 1519 г., Московскіе воеводы ходили изъ Стародуба опустошать самую Литву до Вильны; другіе же воеводы: Василій Годуновъ, Князь Елецкій, Засѣкинъ съ сильною татарскою конницею приступали къ Витебску, къ Полоцку, выжгли предмѣстія, убили множество людей; словомъ разоряли какъ могли и умѣли непріятельскую землю. Наконецъ — обѣ стороны, утомленныя рѣшились примириться — въ 1522 г. заключено перемиріе на пять лѣтъ, считая съ 25-го декабря этого года.

Однако же, перемиріе не помѣшало намѣстникамъ Московскимъ въ Усвятахъ, Великихъ Лукахъ и Стародубѣ жестоко опустошать окрестности Кричева, Чечерска и прочихъ мѣстъ пограничныхъ; на что неоднократно, но безуспѣшно, ѣздилъ въ Москву съ жалобою посолъ королевскій Станиславъ Довгирдъ. До истеченія срока перемирія скончался въ 1533 г. Василій Іоанновичъ. Надѣясь воспользоваться малолѣтствомъ преемника Васиіева сына его Іоанна IV, Сигизмундъ требовалъ отъ Россіи всѣхъ городовъ, отнятыхъ у него Васиіемъ и, получивъ отказъ, замыслилъ силою отнять всѣ Іоанновы и Васиіевы пріобрѣтенія въ Литвѣ. Узнавъ о непріятельскихъ дѣйствіяхъ Литовцевъ, Московская Боярская Дума, въ присутствіи юнаго царя и матери его правительницы Елены, требовала благословенія Митрополита на войну

съ Литвою; и Митрополитъ, обратясь къ державному младенцу, сказалъ:

«Государь! защити себя и насъ. Дѣйствуй мы будемъ молиться. Гибель зачинающему, а въ правдѣ Богъ помощникъ.»

LXXIV.

Московскіе полки, въ глубокую осень, 28 октября 1534 г., выступили изъ Москвы: то любимецъ Елены Телепневъ, командуя двумя сильными отрядами — состоявшими подъ начальствомъ лучшихъ военачальниковъ, Михаила Горбатаго и Никиты Оболенскаго — шелъ разорять Литовскія владѣнія. Отъ границъ Смоленска запылали села и города Литовскія: Дубровна, Орша, Друцкъ и Борисовъ; окрестности ихъ разорены огнемъ и мечемъ. Московское войско, не встрѣчая нигдѣ препятствій, миновавъ укрѣпленные города, простерло опустошенія на три мили отъ самой Вильны. Съ другой стороны, вторая рать Московская подъ начальствомъ князя Бориса Горбатаго, опустошивъ окрестности Полоцка, Витебска и Бреславля, соединилась подъ Молодечною съ Телепневымъ, пошевшимъ отсюда къ Двинѣ, оттуда къ Псковской границѣ, и только въ мартѣ 1535 г. вышелъ онъ наконецъ изъ Литовскихъ предѣловъ. Третья рать Московская, подъ начальствомъ Федора Телепнева, вышедъ изъ Стародуба, опустошила всю южную и юго-западную часть нынѣшней Могилевской губерніи, окрестности Могилева, Мозыря и Турова съ жестокостію, равною первымъ двумъ арміямъ, не уступавшимъ

въ лютости Татарамъ, съ тою лишь разницею, что гдѣ ни гдѣ уцѣлѣли церкви православныя и пощажены жители этого вѣроисповѣданія; болѣе 200,000 войска занято было однимъ лишь опустошеніемъ владѣній Литовскихъ, въ то время какъ Король, за непослушаніемъ шляхты, не могъ выставить и одной рати (197).

Въ этомъ же, 1535 г., прибѣжали изъ Вильны въ Москву люди Московскихъ выходцевъ князя Симеона Бѣльскаго и Лятцкаго: не хотѣвъ служить имъ, они пограбили казну своихъ господъ и донесли боярамъ московскимъ, что Сигизмундъ шлетъ сильную рать къ Смоленску. Надлежало предупредить врага. Полки были готовы. Главный воевода князь Василій Шуйскій съ Телепневымъ, вторично принявшимъ начальство надъ передовымъ отрядомъ, спѣшили встрѣтить непріятеля, котораго однако нигдѣ не увидѣли. Выжгли предмѣстіе Мстислава, взяли острогъ и, отославъ плѣнниковъ въ Москву, шли безпрепятственно далѣе. Однако же, и Сигизмундъ не тратилъ времени въ бездѣйствіи: давъ Россіянамъ волю свирѣпствовать въ восточныхъ предѣлахъ Литвы, онъ послалъ 40,000 воиновъ въ южныя російскія владѣнія и—междутѣмъ, какъ Шуйскій жегъ и разорялъ окрестности Кричева, Радомя, Могилева — войско Литовское шло къ Стародубу, а 15,000 Крымцевъ стремились къ берегамъ Оки. Литовцы приступили къ Гомелю. Тутъ начальствовалъ малодушный князь Оболенскій-Щепинъ, бѣжавшій съ войскомъ въ Москву, гдѣ за это ввергнули его въ темницу. Взявъ Гомель, Литовцы сожгли Почепъ и отступили къ Стародубу; а Шуй-

скій, предавъ огню всѣ мѣста около Княжичей, Шклова, Копыси, Орши, Дубровны, отступилъ къ Смоленску.

Во время этого похода, послѣ созженія Мстиславля, Телепневъ поручилъ воеводамъ Борису Горбатову и Михайлѣ Воронцову съ Новгородцами и Псковитянами завладѣть берегами Себѣжскаго озера и, основавъ тамъ крѣпость, соединиться съ нимъ. Воеводы, остановившись подъ Опочкою, отрядили туда Бутурлина, который 25-го іюля 1535 г., основалъ безпрепятственно на землѣ Литовской, на полуостровѣ Себѣжскаго озера, крѣпость *Иванъ-городъ* или *Новый Себѣжъ* — нынѣшній уѣздный городъ Витебской губерніи (198).

LXXV.

Не смотря на блестящіе подвиги гетмана Тарновскаго подъ Стародубомъ успѣхъ войны былъ на сторонѣ Россіи, и существованіе новой Себѣжской крѣпости утвердилось побѣдою. Сигизмундъ не могъ равнодушно смотрѣть на эту крѣпость въ своихъ предѣлахъ: велѣлъ Кіевскому намѣстнику Немирѣ взять ее во что бы то ни стало. Войско его изъ 20,000 Литовцевъ и Поляковъ обложило городъ.

Началась страшная пальба; земля дрожала, но стѣны были невредимы: худые пушкарі Литовскіе не сдѣлали почти ни одного мѣткаго выстрѣла. Россіяне сдѣлали удачную вылазку. Осаждающіе попятились на озеро, коего ледъ съ трескомъ обломился подъ ногами ихъ. Воеводы Себѣжскіе: Князь Засѣкинъ и Тушинъ не дали имъ опомниться: ударили,

смали, топили несчастныхъ Литовцевъ; взяли ихъ знамена, пушки и едва не всѣхъ истребили. Нѣмира на борзомъ конѣ усакалъ отъ плѣна, чтобы донести старцу Сигизмунду о гибели его войска. Правительница Елена, въ память этого блестящаго успѣха, велѣла соорудить церковь Живоначальной Троицы въ Себѣжѣ.

Литва находилась въ затруднительномъ положеніи: война истощила казну и войско, а дворянство не хотѣло содѣйствовать Королю къ продолженію оной. Удрученный неудачами и вѣкомъ Сигизмундъ уступилъ Литовскій престолъ сыну своему Сигизмунду-Августу; самъ же остался при Польшѣ. Съ другой стороны, война стала дорого и Россіи, и Телепневъ — хотя и основалъ еще двѣ крѣпости въ 1536 г. на землѣ Литовской: Заволочье въ Ржевскомъ и Велижѣ ⁽¹⁸⁹⁾ въ Торопецкомъ уѣздѣ; однако же видя тожезначительное истощеніе силъ и казны и узнавъ, что воевода Полоцкій Янъ Глѣбовичъ имѣлъ уже подъ рукою довольно сильное войско — тоже думалъ о мирѣ.

Сигизмундъ отправилъ воеводу Полоцкаго Яна Глѣбовича, старосту Мельницкаго Никодима Цѣхановецкаго и писаря Николая Андрушевича, прибывшихъ въ Москву 14 января 1837 г., съ 400 дворянъ знатныхъ и слугъ. Слѣдуя обыкновенію, обѣ стороны требовали невозможнаго: Литовцы Новгорода и Смоленска; Россіяне Кіева и всей Бѣлоруссіи; наконецъ, рѣшились заключить только перемиріе на пять лѣтъ. Условились, чтобы Россія владѣла новыми крѣпостями Себѣжемъ и Заволочьемъ; а Литва Гомелемъ. Кромѣ того, Россія

взяла себѣ въ нынѣшнемъ Рогачевскомъ уѣздѣ волость Долійскую съ селами Чечерскими и Кричевскими, Залѣсье, Бабичи, Свѣтиловичи, Голодно, Скорбовичи и Липечи. Перемиріе было возобновлено въ 1542 г., на семь лѣтъ, и потомъ еще разъ въ 1549 г., при преемникѣ Сигизмудовомъ Августѣ на прежнихъ условіяхъ.

Перемиріе кончилось войною за Ливонію, которую и Россія и Польша считали своею.

КНИГА ОСЬМАЯ.

Борьба за Ливонію.

Паденіе Ордена. — Соединеніе Ливоніи съ Литвою и Польшею. — Вторженіе Россіянъ въ Бѣлоруссію. — Взятіе Полоцка. — Переговоры о мирѣ. — Пораженіе: Шуйскаго подъ Чашниками, Оболенскаго подъ Оршею. — Опустошеніе Бѣлоруссин. — Перемѣна въ Іоаннѣ. — Бѣгство Курбскаго. — Осада Полоцка. — Переговоры о мирѣ. — Построеніе замковъ около Полоцка. — Успѣхи Витебскаго воеводы Паца. — Подвиги Сангушки. — Взятіе Уллы. — Осада Витебска. — Смерть Сигизмунда. — Перемиріе. — Борьба Іоанна съ Баторіемъ. — Московское войско вторгается въ Ливонію. — Первый походъ Баторіевъ на Полоцкъ. — Осада и взятіе его. — Покореніе сосѣдственныхъ замковъ. — Второй походъ: на Великія Луки. — Военный совѣтъ въ Чашникахъ. — Покореніе Велижа и Усвятъ. — Осада В. Лукъ. — Покореніе Невеля и Заволочья. — Болѣзнь Короля въ Полоцкѣ. — Третій походъ: на Псковъ. — Перемиріе.

LXXVI.

Сигизмундъ-Августъ написалъ къ Іоанну, что долго и бесполезно убѣждавъ его оставить Ливонію въ покоѣ, онъ долженъ наконецъ прибѣгнуть къ оружію. Іоаннъ грозилъ тѣмъ же. Россіане съ огнемъ и мечемъ вторгнулись въ сѣверныя Ордена.

скія владѣнія. Орденъ погибалъ — и юный Кетлеръ, Магистръ Рыцарей Ливонскихъ, явившись лично въ Краковъ къ Королю, въ пламенныхъ выраженіяхъ изобразилъ бѣдствія Ливоніи, замысливъ Іоанновы и даже опасность для самой Польши, и склонилъ Августа къ дѣятельному участию въ войнѣ противъ Россіи. Въ 1559 г. подписанъ договоръ: Магистръ и Рижскій Архіепископъ, Орденъ и Духовенство, отдали Королю въ залогъ крѣпости: Маріенгаузенъ, Лубанъ, Аперадъ, Диснебургъ, Розиттенъ, Люценъ т. е. нынѣшніе Динабургскій, Люценскій и Рижскій уѣзды Витебской губерніи, съ условіемъ заплатить ему 700,000 гульденовъ по окончаніи войны; а Король обязался стоять всѣми силами за Ливонію, возстановить цѣлость ея владѣній и братски раздѣлить съ Орденомъ будущія завоеванія въ Россіи. Такъ началась между Россіею и Польшею эта знаменитая за Ливонію война, стоявшая такъ дорого обѣимъ державамъ.

Московское войско снова вторглось въ сѣверную Ливонію и — въ 1561 г., палъ знаменитый Орденъ Меченосцевъ. Кетлеръ прибылъ въ Вильну, въ присутствіи Короля и вельможъ Литовскихъ навѣки уничтожилось бытіе знаменитаго братства Меченосцевъ въ силу торжественнаго, клятвою утвержденнаго договора, по которому Сигизмундъ-Августъ былъ признанъ Государемъ Ливоніи, а Кетлеръ наслѣдственнымъ Герцогомъ Курляндіи, вассаломъ королевскимъ.

LXXVII.

Принявъ Ливонію, Король приобрѣлъ съ нею трехъ враговъ: Россію, Швецію и Данію — три державы, простиравшія къ ней права свои; Іоаннъ же рѣшился воевать не Ливонію, но самую Литву. Война открылась въ 1562 г.; но, не смотря на взаимныя угрозы, военныя дѣйствія съ обѣихъ сторонъ были слабы: Іоаннъ опасался Хана и держалъ полки въ южной Россіи; а Сигизмундъ, разставивъ войско по крѣпостямъ въ Ливоніи, имѣлъ въ полѣ только малые отряды, которые приступали къ Себѣжу, Опочкѣ, Невелю. Князь Петръ Серебрянный разбилъ Литовцевъ близъ Мстислава, Курбскій выжегъ предмѣстія Витебска; другіе воеводы изъ Смоленска, гдѣ начальствовалъ Царь Шигъ-Алей, ходили къ Дубровнѣ, Копысю, Шклову. Съ другой стороны Радзивиллъ, стоя близъ Орши, посылалъ отряды къ Смоленску, безъ успѣха осаждалъ Велижъ, но разорилъ всѣ окрестныя деревни и только подъ Невелемъ Поляки имѣли успѣхъ противъ Курбскаго ⁽²⁰⁰⁾. Болѣе жгли и грабили нежели сражались. Зима прекратила военныя дѣйствія, войско королевское отошло въ Литву на зимнія квартиры. Но Іоаннъ, замышляя нанести важный ударъ Литвѣ, воспользовался этимъ временемъ.

LXXVIII.

Въ началѣ зимы 1562 г., собрались полки въ Можайскѣ: самъ государь отправился туда въ декабрѣ,

а съ нимъ князь Курбскій, цари Казанскіе Александръ и Симеонъ, царевичи Ибакъ, Тохтамышъ, Бекбулатъ, Кайбула и сверхъ знатнѣйшихъ воеводъ двѣнадцать бояръ думныхъ, 5 окольныхихъ, 16 дьяковъ, воиновъ было, какъ увѣряють, 280,000, обозныхъ людей 80,900, а пушекъ 200 ⁽²⁰¹⁾. Это огромное ополченіе такъ внезапно вступило въ Литву, что Король находясь въ Польшѣ, не хотѣлъ вѣрить первой о томъ вѣсти. Іоаннъ, 31 января 1563 г., осадилъ Полоцкъ и 7 февраля взялъ укрѣпленія внѣшнія. Тутъ узнали, что 40,000 Литовскаго войска съ 20 орудіями идетъ отъ Минска: гетманъ Радзивиллъ предводительствовалъ ими, онъ далъ слово Королю спасти осажденный городъ; но встрѣтившись съ Московскими воеводами, князьями Юріемъ Рѣпнинымъ и Симеономъ Палицкимъ, не отважился на битву, хотѣлъ единственно тревожить Россіянъ и, не успѣвъ ничего сдѣлать: 15 февраля городъ былъ уже въ рукахъ Іоанновыхъ. Тамошній воевода Довойна услужилъ Царю своимъ неблаго-разуміемъ: впустилъ въ крѣпость 20,000 поселанъ, и, чрезъ нѣсколько дней выгнавъ ихъ, далъ случай Іоанну явить опасное въ такихъ случаяхъ великодушіе. Эти несчастные шли на вѣрную смерть, а были приняты въ Московскомъ станѣ какъ братья: изъ благодарности они указали Русскимъ множество хлѣба, зарытаго ими въ глубокихъ ямахъ, и тайно извѣстили гражданъ, что Царь есть отецъ всѣхъ единовѣрныхъ: побѣждая милуетъ ⁽²⁰²⁾. Междутѣмъ ядра сыпались въ городъ; стѣны падали и малодушный воевода, въ угодность жителямъ, спѣшилъ заключить выгодный договоръ съ непріателемъ сни-

сходительнымъ, который обѣщалъ свободу личную, неприкосновенность имущества, и — не сдержалъ слова. Полоцкъ славился промышленностію, торговлею, богатствомъ: Іоаннъ, взявъ казну государственную, взялъ и собственность знатныхъ, богатыхъ людей, дворянъ, купцовъ: золото, серебро, драгоценныя вещи; отправилъ въ Москву епископа, воеводу Полоцкаго ⁽²⁰³⁾, многихъ чиновниковъ королевскихъ, шляхту и гражданъ; велѣлъ разорить католическія церкви и крестить всѣхъ жидовъ, а непослушныхъ топить въ Двинѣ ⁽²⁰⁴⁾. Одни королевскіе иноземные воины могли хвалиться великодушіемъ побѣдителя: имъ дали нарядныя шубы и письменный милостивый пропускъ, въ которомъ Іоаннъ съ удовольствіемъ называлъ себя Великимъ Княземъ *Полоцкимъ*, приказывая своимъ Боярамъ, савовникамъ Россійскимъ, Черкесскимъ, Татарскимъ, Нѣмецкимъ, оказывать имъ въ пути защиту и вспоможеніе. Нѣсколько дней онъ праздновалъ это легкое, блестящее завоеваніе древняго княжества Славянскаго, наслѣдія достопамятной Гориславы, знаменитаго въ исторіи междоусобій Россіи и раннимъ подданствомъ Литвѣ спасеннаго отъ ига Монголовъ; послалъ всюду гонцевъ, чтобы Россіяне изъявили благодарность Небу за свою новую славу и писалъ къ первосвятителю Макарію: «се нынѣ исполнилось пророчество дивнаго Петра Митрополита, сказавшаго, что Москва вознесетъ руки свои на плечи враговъ ея.» ⁽²⁰⁵⁾.

LXXIX.

Сигизмундъ былъ въ страхѣ: многолюдный, укрѣпленный Полоцкъ считался главною твердынею Литвы; а воеводы Московскіе не теряя времени шли на Вильну, къ Мстиславлю, въ Самогитію, опустошая землю невозбранно: ибо Гетманъ бѣжалъ назадъ въ Минскъ. Въ этихъ обстоятельствахъ вельможи королевскіе писали къ боярамъ московскимъ, что послы ихъ готовы ѣхать въ Москву, если Россіи не остановятъ непріятельскія дѣйствія; а Царь, приказавъ отвѣтствовать, что пословъ ни сѣкутъ, ни рубятъ, далъ Литвѣ перемиріе на шесть мѣсяцевъ. Велѣвъ исправить укрѣпленія, отслуживъ молебень въ Софійскомъ храмѣ и ввѣривъ защиту города мужественному князю Петру Шуйскому, Іоаннъ 26-го февраля, выступилъ оттуда со всѣмъ войскомъ и распустилъ его въ Великихъ Лукахъ.

Перемиріе не мѣшало Россіянамъ и Литовцамъ нападать другъ на друга. Пословъ Сигизмундовыхъ долго ждали въ Москвѣ; наконецъ они пріѣхали, 5-го декабря 1563 года, и, слѣдуя обыкновенію, требовали Новгорода, Пскова, кромѣ всѣхъ завоеваній дѣда, отца Іоаннова и его собственныхъ; а бояре, также слѣдуя обыкновенію, отвѣтствовали, что Россія для мира надежнаго должна взять у Литвы не только Кіевъ, Волинію, Подолію, Рѣчицу, Шкловъ, Могилевъ, но и Вильну, которая, по словамъ ихъ, въ древнія времена принадлежала Русскимъ. Далѣе бояре говорили о несправдѣ Короля, не хотѣющаго именовать Іоанна Царемъ, и хотѣющаго быть госу-

даремъ Ливоніи , гдѣ еще въ XI вѣкѣ основанъ Ярославомъ Великимъ городъ Юрьевъ и гдѣ Александръ Невскій огнемъ и мечемъ казнилъ своихъ подданныхъ Нѣмцевъ за бунтъ и непослушаніе. Хотя съ обѣихъ сторонъ умѣрили требованіа , хотя бояре московскіе согласились уже не говорить о Вильнѣ , Подоліи , Волыни и дружелюбно уступали Сигизмунду Курляндію , желая единственно всей Полоцкой земли , чтобы заключить перемиріе на 10 или 15 лѣтъ ; однакоже послы Сигизмундовы не приняли этого условія не хотѣли утвердить за ними ни Полоцкой земли , ни Ливоніи и выѣхали изъ Москвы 9-го января.

LXXX.

Тогда воеводы московскіе немедленно выступили : Шуйскій изъ Полоцка , князя Серебрянные-Оболенскіе изъ Вязьмы , чтобы дѣйствовать противъ Литвы ; Государь велѣлъ имъ соединиться подъ Оршею , идти къ Минску , къ Новогрудку Литовскому ; назначилъ станы , предписалъ всѣ движенія . Но князь Петръ Шуйскій , завоеватель Дербита , славный и доблестію и человеколюбіемъ , какъ бы ослабленный рокомъ , явилъ удивительную неосторожность : шелъ безъ всякаго устройства , съ толпами невооруженными ; доспѣхи везли на саняхъ , впереди не было стражи ; никто не думалъ о непріятелѣ — а воевода Троцкій , Николай Радзивиллъ , съ дворомъ королевскимъ , съ лучшими полками Литовскими стоялъ подъ Минскомъ , имѣлъ вѣрныхъ лазутчиковъ , зналъ все — и не допустилъ соединитъ

ся Шуйскому съ Оболенскими. Быстро двинулся на встрѣчу — и вдругъ внезапно, въ январѣ 1564 года, въ нынѣшнемъ Липпельскомъ уѣздѣ Витебской губерніи подъ мѣстечкомъ Чашниками, на поляхъ Иванскихъ, въ мѣстахъ тѣсныхъ и лѣсныхъ напалъ на Россіянь. Не успѣвъ ни стать въ ряды, ни вооружиться, они малодушно устремились въ бѣгство, воеводы и воины. Несчастный Шуйскій заплатилъ жизнию за свою оплошность. Одни пишутъ, что онъ былъ застрѣленъ въ голову и найденъ мертвымъ въ колодезь ⁽²⁰⁶⁾; другіе, что крестьянинъ Литовскій изрубилъ его сѣкирою. Изъ людей знатныхъ пали еще два брата, князья Симеонъ и Федоръ Палецкіе. Литовцы взяли въ плѣнъ воеводу Захарія Плещеева-Овчину, князя Ивана Охлибинина и нѣсколько дѣтей боярскихъ, такъ, что изъ 20.000 пало не болѣе 200 воиновъ: всѣ другіе ушли въ Полоцкъ, оставивъ непріятелю обозъ и пушки. Тѣло Шуйскаго отвезли въ Вильну, а илѣнныхъ Россійскихъ представили больному Королю въ Варшавѣ: онъ велѣлъ служить молебны и дѣйствіемъ радости исцѣлился отъ недуга ⁽²⁰⁷⁾.

Междутѣмъ князь Петръ Серебрянный-Оболенскій, стоя подъ Оршею, ждалъ извѣстія отъ Шуйскаго и посылалъ разъѣзды для освѣдомленія о Литовцахъ. Въ то время прибылъ отъ Радзивилла гонецъ къ Филону Кмитѣ, старостѣ Оршанскому, съ извѣстіемъ о побѣдѣ. Кмитѣ любопытно было видѣть, что произойдетъ въ станѣ Серебряннаго, когда узнаютъ о судьбѣ Шуйскаго. Съ этою цѣлю, написавъ письмо къ старостѣ Дубровенскому, послалъ съ нимъ въ Дуброву гонца такою дорогою,

на которой ему непременно должно было встрѣтиться съ Россіянами. Въ письмѣ заключалось извѣстіе о побѣдѣ и предостереженіе, что бы староста Дубровенскій былъ всегда въ готовности на своемъ постѣ; ибо Радзивиллъ приближается къ Оршѣ, откуда со всѣми силами постарается рано утромъ, врасплохъ напасть на станъ Серебряннаго. Между тѣмъ, самъ Кмита съ воеводою Мстиславскимъ Юріемъ Остыкомъ, вышелъ изъ города и легкою конницею осадилъ лѣса, находившіеся вблизи Россійскаго стана. Хитрость удалась: гонецъ былъ пойманъ и представленъ князю Серебрянному. Узнавъ, что случилось, Россійскіе воеводы рѣшились немедленно оставить свой станъ и идти къ Смоленску. Замѣтивъ это движеніе, Кмита приказалъ показаться изъ за лѣса своимъ хоругвямъ. «Спасайся кто можетъ!» раздалось въ войскѣ отступающемъ, вообразившемъ, что самъ Радзивиллъ пришелъ сюда со всѣми силами. Но Радзивиллъ не хотѣлъ сражаться съ Россіянами; желалъ единственно, чтобы они вышли изъ королевскихъ владѣній. Цѣль эта достигнута; но Россіяне не оставили непріятеля безъ мести: пока дошли до Смоленска, они огнемъ и мечемъ опустошали все мѣста отъ Дубровны до Кричева, и увели въ плѣнъ множество земледѣльцевъ.

LXXXI.

Зима прекратила военныя дѣйствія, и только въ началѣ іюля 1564 года 13,000 отрядъ Россіянъ подъ начальствомъ Токмакова явился подъ Озеричемъ и осадилъ эту крѣпость, славившуюся въ то время сво-

ними непослѣдними укрѣпленіями. Начальникъ гарнизона успѣлъ однако же дать знать объ этомъ Витебскому воеводѣ Станиславу Пацу, который собравъ на скорую руку 2,000 войска, вручилъ надъ ними начальство Яну Снепороду, опытному воину. Токмаковъ провѣдавъ о приближеніи его, отправилъ артиллерію водою въ Невель и приготовился къ битвѣ, въ которой претерпѣвъ совершенное пораженіе, велѣлъ безчеловѣчно умертвить всѣхъ бывшихъ у него Литовскихъ плѣнниковъ. Со всѣмъ тѣмъ Токмаковъ — хотя и жестокій, но вмѣстѣ и отважный воинъ — замѣтивъ, что по удаленіи Снепорода въ Витебскъ, гарнизонъ съ радости предался невоздержанному веселію, позабывъ о всякой осторожности, напалъ на крѣпость, завладѣвъ которою, истребилъ весь тамошній гарнизонъ. Другой воевода Бутурлинъ изъ Смоленска съ дѣтьми боярскими, Мордовою и Татарами грабилъ и опустошалъ правый берегъ Днѣпра, въ нынѣшней Могилевской губерніи, волости Кричевскія, Мстиславскія и Радомльскія откука вывелъ 4800 плѣнныхъ обою пола, за что въ отмщеніе войско Литовское подъ начальствомъ Филона Кмиты, графа Горскаго и Лесневольскаго опустошило область Сѣверскую, разорило Краснополье и взяло богатую добычу — товары купцевъ азіатскихъ въ Почепѣ.

Неизвѣстно, чѣмъ бы кончилась эта война, подававшая мало надежды Сигизмунду; но въ Іоаннѣ уже произошла знаменитая перемѣна. Ужасъ, наведенный жестокостями его на всѣхъ Россіянъ, былъ причиною бѣгства нѣкоторыхъ знаменитыхъ его сподвижниковъ въ чужія земли. Въ числѣ ихъ

былъ и доблестный князь Андрей Владимірович Курбскій, бѣжавшій, отъ страха подвергнуться безчеловѣчной смерти, изъ Дерпта къ Сигизмунду, принявшему его съ радостію. Курбскій, могшій безъ угрызенія совѣсти искать убѣжища въ Литвѣ отъ незаслуженныхъ имъ гоненій, сдѣлалъ еще болѣе: присталъ къ врагамъ Россіи. Обласканный Сигизмундомъ, награжденный отъ него богатымъ помѣстьемъ Ковельскимъ, сдѣлался усерднымъ врагомъ Царя ⁽³⁰⁸⁾: совѣтовалъ какъ губить Москвитянъ, упрекалъ Короля слабостію въ войнѣ; убѣждалъ дѣйствовать смѣло, не жалѣть казны, чтобы возбудить противъ Россіи Хана и — скоро услышали въ Москвѣ, что 70,000 Литовцевъ, Поляковъ, Нѣмцевъ, Венгровъ, Волоховъ съ Радзивилломъ и Курбскимъ идутъ къ Полоцку, и что Девлетъ-Гирей съ 60,000 Крымцевъ громить Рязанскую область.

LXXXII.

Девлетъ-Гирей отразили, и все вниманіе Іоанново обратилось къ Полоцку. Сверхъ чаянія, войско Сигизмундово не имѣло успѣха. Радзивиллъ, вопреки совѣтамъ Курбскаго, расположился станомъ въ двухъ верстахъ отъ Полоцка, между Двиною и Полотою, не какъ нападающій, но какъ намѣривающійся только обороняться, и надѣялся взять городъ страхомъ или измѣною. Но воевода Полоцкій, князь Петръ Щенятевъ отвѣтствовалъ на ихъ предложенія выстрѣлами, а бывший царь Казанскій Симеонъ, князь Иванъ Пронскій, Петръ и Василій Оболенскіе-Серебрянные спѣшили изъ Великихъ

Лукъ зайти непріятелю втылъ: ибо Іоаннъ угадывая дѣйствіе совѣтовъ Курбскаго, заблаговременно усилилъ полки свои на этой границѣ. Радзивиллъ не имѣлъ довѣренности къ Курбскому, полагавшему ему хорошіе совѣты; но, вопреки его мнѣнію, опасался битвы, въ которой могъ быть между двумя огнями, стоялъ семнадцать дней праздно, терялъ людей отъ выстрѣловъ изъ крѣпости, и 4-го октября 1564 года перешелъ на Литовскую сторону Двины. Нерѣшительность Гетмана простерлась до того, что воеводы Московскіе взяли приступомъ Озерище, а славный побѣдитель Шуйскаго, не сдѣлавъ ни малѣйшаго движенія, чтобы спасти эту важную крѣпость.

Война продолжалась; однако показалась тягостною для обѣихъ сторонъ. Казалось, что Сигизмундъ искренно желалъ конца войны для него тягостной; казалось, что и Царь хотѣлъ отдохновенія. Великіе королевскіе послы пріѣхали въ Москву. Съ обѣихъ сторонъ изъявили рѣдкую уступчивость. Только для формы, по обыкновенію, повторили съ обѣихъ сторонъ прежнія требованія; Сигизмундъ уступалъ даже Полоцкъ и предлагалъ, чтобы въ Ливоніи каждый владѣлъ своею частію; чтобы общими силами изгнать оттуда Шведовъ; но Іоаннъ домогался почти всей Ливоніи, за что уступалъ Королю: Озерище, Дриссу, Лукомль, Курляндію. Послы стояли за Ригу, за Венденъ и наконецъ нѣкто изъ нихъ бросилъ мысль, что истинный, прочный миръ можетъ быть заключенъ самими Государями при личномъ свиданіи ихъ гдѣ нибудь на границѣ. Эта мысль сперва полюбилась Іоанну, избрали и мѣсто: Царю

надлежало пріѣхать въ Смоленскъ , а Королю въ Оршу, каждому съ 5000 благородныхъ воиновъ. Но послы не брали на себя условиться въ обрядахъ свиданія. Переговоры длились два мѣсяца , военныя дѣйствія пріостановились.

LXXXIII.

Военныя дѣйствія пріостановились ; однако же мирныя переговоры не помѣшали Іоанну тихо и мирно продолжать наступательныя мѣры, обнаружившія его планы на дальнѣйшія завоеванія въ Литвѣ. Такъ при озерѣ Усвятахъ и при устьѣ Улы въ Двину устроены крѣпости ; кромѣ того осенью, того же 1566 г. , устроена въ нынѣшнихъ Полоцкомъ и Лепельскомъ уѣздахъ крѣпость *Конецъ*, а въ декабрѣ крѣпость *Соколъ* при устьѣ Нешавы въ въ Дриссу, тоже въ Полоцкомъ уѣздѣ ⁽²⁰⁹⁾. Крѣпости заняты были сильными гарнизонами, опустошавшими время отъ времени окрестныя страны и пытавшимися завладѣть Литовскою сосѣдственною крѣпостью Воронцомъ. Король послалъ въ Москву Василя Заборовскаго спросить отъ его имени Царя: существуетъ ли перемиріе? Іоаннъ отвѣтствовалъ : «Усвяты и Ула принадлежатъ Россіи, о прочихъ крѣпостяхъ не знаю. Воронежъ Литовцы строили во время перемирія и потому войско мое хотѣло помѣшать этому.» Итакъ, надежда на миръ не осуществилась ⁽²¹⁰⁾, и Король , получивъ подобный отвѣтъ, съ своей стороны также приказалъ пограничнымъ старостамъ наѣзжать царскія владѣнія. Въ открывшихся вслѣдъ за этимъ нападеніяхъ,

отличился вособенности начальникъ придворнаго Витебскаго воеводы Паца войска Бирюля , который командуя сильнымъ отрядомъ казаковъ грабилъ и и опустошалъ съ перемѣннымъ счастіемъ пограничныя Смоленскія волости ⁽²¹¹⁾. Іоаннъ писалъ къ Сигизмунду жалуясь на грабительства и прося его сохранить перемиріе , извиняясь , что до сихъ поръ еще не могъ выслать пословъ , которые вскорѣ будутъ къ Королю.

Дѣйствительно, послы царскіе Колычевъ и Нагой, со свитою изъ 1200 человекъ, прибыли осенью къ Королю въ Гродно на сеймъ , и предложили для заключенія мира слѣдующія условія: 1) чтобы область Полоцкая со всѣми пригородами: Лепелемъ, Копцемъ, Дрыссою , Воронцомъ или Вороначемъ, Улою, Соколомъ остались за Россією ; 2) чтобы Двина служила границею владѣній обѣихъ державъ въ Ливоніи ; 3) чтобы Король именовалъ Іоанна: Полоцкимъ , Смоленскимъ и Ливонскимъ. Потому переговоры, по прежнему, кончились ничѣмъ и еще не успѣли послы царскіе выѣхать изъ Гродна, какъ, по повелѣнію Царя , отрядъ Россіянъ , въ 1567 г., выступивъ изъ Сѣверской области, опустошилъ на Украинѣ вотчину Острожскихъ. Вскорѣ послѣ этого главныя силы Іоанновы изъ Вязьмы, Дорогобужа двинулись къ Великимъ Лукамъ—то было войско противъ Ливоніи, шедшее съ намѣреніемъ завладѣть Люцею и Рѣжицею. Самъ Іоаннъ съ сыномъ находился при войскѣ, и, когда онъ стоялъ въ окрестностяхъ Мѣднаго, прибылъ къ нему посолъ королевскій Быковскій съ письмомъ отъ Короля, укорявшаго Іоанна въ расположеніи къ войнѣ

..

и пролитію крови христіанской. Іоаннъ съ своей стороны укорялъ въ томъ же Короля, отвергшаго его умѣренныя предложенія и, вопреки обычаю и народному праву, оковавъ Быковского въ цѣпи, отослалъ его въ Москву въ темницу, будто бы въ возмездіе неуваженія, оказаннаго посламъ Московскимъ, во время слѣдованія ихъ къ Королю въ Гродно. Іоаннъ всѣми силами хотѣлъ напереть на Ливонію; но вдругъ воинскій жаръ простылъ, встрѣтились препятствія непредвиденныя, дождливая осень, дурныя дороги, по которымъ не могли двигаться обозы и, 12 ноября 1567 г., Іоаннъ созвалъ военный совѣтъ въ Красный. Здѣсь—поразсудилъ о трудностяхъ похода и объ угрожающей опасности со стороны Короля, собравшаго подъ Радомъ кѣвичами огромное войско, съ которымъ намѣрился двинуться къ Полоцку и Великимъ Лукамъ — Царь согласился воздержаться отъ военныхъ дѣйствій, возвратился въ Москву, оставивъ войско въ Великихъ Лукахъ и Торопцѣ, и написалъ къ Сигизмунду извинительное письмо, конечно, не имѣвшее никакихъ послѣдствій. Хотя мокрая осень не дозволила двигаться и Литовскому войску, со всѣмъ тѣмъ Витебскій воевода Станиславъ Пацъ разорялъ Смоленскія волости, и въ началѣ декабря взялъ приступомъ Ситно, гдѣ погибло 300 человекъ гарнизона и гдѣ нашелъ онъ 120 орудій, много ядеръ и пороха, сложенныхъ здѣсь до будущаго года для Ливонской экспедиціи. Въ концѣ этого же мѣсяца разбилъ подъ Велижемъ на голову отрядъ Опричниковъ.

LXXXIV.

Съ наступленіемъ весны 1568 г. Витебскій воевода Пацъ возобновилъ свои набѣги. Предводительствуя своими казаками, жегъ деревни и разорялъ огнемъ и мечемъ волости въ уѣздахъ Велижскомъ, Усвятскомъ и Бѣлевскомъ; разбилъ Головина и взялъ въ неволю его самага, посланнаго Юнномъ съ опричниками непремѣнно привести Паца въ Москву окованнаго цѣпями. Весною князь Романъ Сангушко, Генераль-Поручикъ Королевскій, съ 1900 человекъ отличной конницы прибылъ подъ Чашники для наблюденія за войскомъ Московскимъ; ибо сдѣлалось уже извѣстнымъ, что Іоаннъ назначилъ Оршу сборнымъ мѣстомъ для своего войска. Сангушко, узнавъ о переправѣ чрезъ Днѣпръ 8000 отряда подъ начальствомъ Амурата и Палѣцкаго, вышелъ ночью съ необыкновенною быстротою изъ Чашникъ, предъ разсвѣтомъ снялъ весь пикетъ до единаго, напалъ врасплохъ на главный станъ, въ которомъ воины не успѣли даже взяться за оружіе. Часть войска истреблена, часть спаслась бѣгствомъ, Амуратъ и Палѣцкій были убиты. Отважный подвигъ до того ободрилъ не многочисленный отрядъ, что Сангушко, провѣдавъ о выходѣ Щербатова въ главѣ 6000 отряда и 3000 Татаръ подъ начальствомъ, Сегита изъ Улы къ Сушѣ — засѣлъ въ лѣсу при дорогѣ и — улучивъ время, когда войско расположилось къ отдыху — вышелъ изъ засады и истребилъ почти половину этой рати ⁽²¹²⁾.

Блестящіе подвиги Сангушки воодушевили Лит-

ву, Польшу и Короля, прибывшаго лично, въ 1568 году, въ Радомъ, гдѣ собралось хорошо обученнаго войска: по Русскимъ свѣдѣніямъ до 60,000, а по Польскимъ до 100,000. Но миролюбивый Король, уже страдавшій недугами разстроеннаго здоровья, имѣвшій намѣреніе даже лично предводительствовать этимъ войскомъ, кончилъ подвигъ свой двумѣсячными маневрами, и съ блестящимъ дворомъ возвратился въ Гродно, отправивъ Гетмана Яна Хадкевича подѣ Улу. Гарнизонъ этой крѣпости защищался съ необыкновеннымъ мужествомъ и стойкостью, тѣмъ болѣе что онъ постоянно усиливался свѣжими войсками, прибывавшими по Двинѣ на судахъ изъ Полоцка. Вскорѣ дѣла государственныя отозвали въ столицу Хадкевича, передавшаго начальство князю Сангушкѣ, который, по своему обыкновенію, прибѣгнувъ къ уловкамъ и военнымъ хитростямъ, показывая болѣе расположенія къ марашерству, нежели къ осадѣ. Въ это же самое время Филонъ Кмита Чернобыльскій подступилъ къ Смоленску и, выманивъ весь тамошній гарнизонъ въ поле, разбилъ его на голову; послѣ чего простеръ онъ опустошеніе почти до самой Вязьмы. Юрій Зиновичъ съ сыномъ опустошалъ окрестности Лепеля, занятаго Москвитянами, которыхъ отрядъ, старавшійся воспрепятствовать ему въ этомъ, разбилъ на голову. Между тѣмъ Сангушко продолжалъ притворяться безпечнымъ и допускалъ подкрѣпленія изъ Полоцка. Но замѣтивъ, что однажды гарнизонъ на радости предался неумѣренному пьянству съ новопривывшими—ночью сушею и на судахъ подвезъ войско къ крѣпости по Туровлянской дорогѣ — при-

пустилъ штурмъ къ крѣпости. Непріятель уже былъ на стѣнахъ, уже вырублены ворота, когда часовые едва только начали просыпаться. Среди величайшаго замѣшательства и темной ночи бѣжали Россіане по крѣпости, и наконецъ собрались нестройною толпою на площади. Отряды Минки, Оскерки, Бирули, Войны, Тышкѣвича, Лукомскаго и Соллогуба, переправившагося вплавь чрезъ Двину съ конницею, уже вломились въ крѣпость. Россіане не хотѣли сдаться, предпочитая смерть плѣну : много погибло ихъ въ рукопашномъ боѣ и рѣзніѣ жестокой, часть успѣла спастись бѣгствомъ, остальные 800 стрѣльцевъ, 300 дѣтей боярскихъ и два воеводы Вельяминовы были взяты въ плѣнъ. Подвиги Сангушки устрашили Іоанновыхъ воеводъ : Шереметева, Василія Бутурина и Юрія Сабурова, посланныхъ противъ него съ сильными отрядами, при которыхъ находилось и 6,000 Татаръ. Потому, желая его отвлечь отъ Улы, воеводы осадили Витебскъ, 27 сентября 1568 г., жители котораго узнавъ о жестокостяхъ Татаръ, скрылись въ замкъ. Туда бросили огонь, отъ котораго загорѣлся городъ; но воевода Пацъ сдѣлалъ вылазку и, отбивъ осаждающихъ, погасилъ огонь. Междутѣмъ воеводы узнали о паденіи Улы и движеніи Сангушки къ Витебску, сняли осаду, продолжавшуюся трое сутокъ, и ночью поспѣшно отступили, обезпокоиваемые стыла легкою конницею Паца. Печальныя извѣстія объ этихъ событіяхъ и слухи о неуспѣхѣ войны въ Ливоніи достигнувъ Іоанна, уже неистовавшаго въ Москвѣ, до того устрашили его, что онъ приказалъ духовенству молиться о спасеніи отечества отъ нашествія

Мусульманъ и Латинниковъ, отъ еритиковъ Ливонскихъ, поборниковъ безбожнаго Лютера ⁽²¹³⁾.

Наконецъ, Іоаннъ, уваживъ совѣтъ бояръ, согласился на мирные переговоры (1569 г.). Гонцы ѣздили изъ земли въ землю, и оба Государя согласились прекратить непріятельскія дѣйствія. Посламъ Литовскимъ надлежало быть въ Москву для заключенія мира, коего желали искренно обѣ стороны. Сигизмундъ, уже преклонный лѣтами, не имѣлъ наслѣдниковъ и, движимый истинною любовію къ отечеству, желалъ упрочить соединеніе Литвы съ Польшею; Іоаннъ же надѣялся быть его преемникомъ и — ошибся: на престолъ Польскій избранъ, въ 1576 году, Князь Седмиградскій Стефанъ Баторій.

LXXXV.

Судьба Ливоніи, разоренной и опустошенной Іоанномъ, сильно беспокоила Баторія. Въ первомъ письмѣ своемъ къ Іоанну, онъ предлагалъ ему рѣшить миролюбивымъ образомъ всѣ недоразумѣнія и распри, возникшія по этому поводу между двумя державами ⁽²¹⁴⁾. Царь отвѣчалъ: ожидаю для этого пословъ твоихъ въ Москву, и — пока Баторій занимался осадой Данцига — внезапно напалъ на Ливонію.

Угадывая характеръ своего противника, твердость, непреклонность Стефанову, не имѣя надежды достигнуть цѣли своей одними угрозами и склонить его къ тому, чтобы онъ добровольно уступилъ ему Ливонію — Іоаннъ рѣшился всѣми силами наступить на Шведскія и Польскія владѣнія въ этой зем-

лѣ. Іоаннъ весною съ обоими сыновьями прибылъ въ Новгородъ : тутъ и во Псковѣ собрались всѣ его огромныя ратныя силы, какихъ давно не видывала Россія ; 25-го іюля Царь вступилъ въ южную Ливонію, къ изумленію Поляковъ, которые тамъ господствовали, считая себя въ мирѣ съ Россією. Такъ началась эта знаменитая война Іоанна съ Баторіемъ.

Въ то время Польскимъ губернаторомъ Ливоніи былъ кастеланъ Виленскій Янъ Ходкевичъ. Крѣпости и замки заняты были не многочисленными гарнизонами, преимущественно Литовцами, позволявшими себѣ различныя безчинства въ странѣ, которой считались они покровителями. Раздраженные этимъ жители уже пламенно желали переменъ правленія, и Іоаннъ сумѣлъ искусно воспользоваться такимъ расположеніемъ умовъ. Еще не вступая въ Ливонію съ войною, послалъ туда герцога Магнуса, брата Датскаго короля Фридриха II, распустивъ предварительно слухъ о намѣреніи своемъ сдѣлать его феодальнымъ Герцогомъ Ливоніи въ верховной зависимости отъ Россіи въ такомъ случаѣ, еслибы Ливонцы добровольно покорились ему. Цѣль была достигнута: взволнованные этою молвою жители, уже тяготившіеся покровительствомъ Польши, вытѣснили королевскіе гарнизоны почти изъ всѣхъ замковъ и городовъ, собрались въ Венденъ, гдѣ былъ Магнусъ, превозгласили его Королемъ и принесли ему присягу на вѣрность.

Въ это самое время войско Московское вторглось въ Ливонію, которую заняло безъ сопротивленія: уже все было подготовлено Магнусомъ. Россіяне

заняли Мариенгаузъ, Розиттенъ (Рѣжицу), Люценъ, Лаудонъ, Динабургъ, Крейцбургъ, всю страну до самаго Аперата, милостиво обходясь съ жителями. Но, въ Аперадѣ — гдѣ напало множество сбѣжавшагося отъсюду народа — безчеловѣчно умертвили всѣхъ муштинъ взрослыхъ и способныхъ носить оружіе; а женъ и дѣвъ отдали на поруганіе Татарамъ. Изъ подъ Аперата Іоаннъ пошелъ къ Вендену; но шелъ уже предшествуемый крылатою молвою объ его безчеловѣчныхъ жестокостяхъ и врата этой крѣпости закрылись предъ нимъ. Правда, еще раскрылись онѣ, но мгновенно: вышелъ Магнусъ — покорный упалъ къ стопамъ Царскимъ, умоляя о милосердіи и пощадѣ для невинныхъ жителей Вендена, и — получилъ въ отвѣтъ пощечину. Ливонцы, предвидя судьбу свою, предпочли добровольную смерть подъ развалинами города, взорваннаго порохомъ въ глазахъ Іоанновыхъ. Завладѣвъ Румбергскимъ замкомъ, Іоаннъ владѣлъ уже всею Ливонією, исключая Риги и Ревеля, да еще нѣсколькихъ сосѣдственныхъ замковъ.

Возвращаясь въ Россію, Іоаннъ послалъ Стефану письмо, въ которомъ выводилъ свое происхожденіе отъ брата Кесаря Августа какого-то *Прусса*, будто бы когда-то владѣвшаго Мальборгомъ и Хойницами, доказывалъ посредствомъ этого свои права природныя на Ливонію ⁽²¹⁵⁾.

LXXXVI.

Побѣда была легкая, но не прочная; къ тому же жестокости Царя привели въ ужасъ жителей Ливо-

ніи. Не трудно было завоевать страну, обольщенную Магнусомъ. Любя дѣла великія и славу, но умѣя ждать времени и случая, Баторій, занятый осадой Данцига, какъ бы равнодушно видѣлъ успѣхи Іоанновы въ Ливоніи; безъ сомнѣнія зналъ, что не переговорами, а мечемъ должно рѣшить дѣло; однако писалъ Царю: удивляюсь твоему явному недружелюбію и предлагаю не лить крови, буде еще можно согласиться выгоды, честь, безопасность обѣихъ державъ. Послы Стефановы, воеводы Мазовецкій и Минскій, прибывъ въ Москву, въ январѣ 1578 г., торжественно объявили, что Король желаетъ жить въ мирѣ и дружбѣ съ Россіею. Начались переговоры: съ обѣихъ сторонъ предъявили устарѣлыя, прежнія неразрѣшимыя притязанія. Вѣчный миръ опять оказался невозможнымъ; согласились на перемиріе, даже не унявшее и кровопролитія.

Но, обстоятельства уже начали принимать дурной оборотъ къ досадѣ Іоанна и ко вреду Россіи. Въ Эстляндіи и Ливоніи Іоанново войско начало претерпѣвать частыя пораженія, и потеряло тамъ много городовъ, недавно взятыхъ ими. Хотя Король, занятый осадой Данцига, не могъ дѣятельно заняться судьбою Ливоніи; однако, въ этомъ году, успѣлъ по крайней мѣрѣ созвать Литовскую шляхту, надъ которою начальство поручено было Виленскому воеводѣ Николаю Радзивиллу, спасшему Зельбургъ и его окрестности отъ разоренія. Возвращены и Динабургъ и Венденъ. Пишутъ, что Литовцы употребили тутъ хитрость: Борисъ Сава и Вильгельмъ Платеръ, провѣдавъ что гарнизонъ въ Динабургѣ терпитъ недостатокъ въ продовольствіи, какъ

бы изъ человѣколюбія послали Московскимъ войнамъ провизію , а съ нею и бочку вина : разсчитывая , что гарнизонъ изъ радости предастся неумѣренному его потребленію . Дѣйствительно , расчетъ оправдался : ночью Поляки , приставивъ лѣстницы къ окопамъ , безпрепятственно ворвались въ крѣпость , и выгнали изъ нее пьяныхъ воиновъ , не могшихъ защищаться . Вендеюмъ завладѣлъ Дембинскій съ помощію поддѣльнаго отъ воротъ крѣпости ключа , сообщеннаго ему какимъ то слесаремъ . Ночью , припустивъ фальшивую атаку съ противоположной стороны , Дембинскій съ другою частію войска вошелъ чрезъ не защищенные ворота въ крѣпость ⁽²¹⁶⁾.

Магнусъ уже измѣнилъ Іоанну ⁽²¹⁷⁾; теперь онъ дѣйствительно подумалъ о мирѣ; послы Московскіе уже были въ Краковѣ съ отвѣтомъ на письмо Баторіево: Іоаннъ желалъ дружелюбно рѣшить распри . Но Баторій , смиривъ Данцигъ , уже готовилъ войну Россіи .

LXXXVII.

Этотъ знаменитый врагъ , изъясняя миролюбіе Россіи , въ тоже время предлагалъ Варшавскому Сейму необходимость утвердить оружіемъ безопасность государства . «Имѣемъ двухъ злыхъ непріятелей» сказалъ онъ Сейму «Крымцы жгутъ , Россіяне берутъ наши владѣнія . Итти ли на обоихъ вмѣстѣ? или съ кого начать?» Уже одно присутствіе великаго мужа воодушевило вельможъ и дворянство ревностію ко благу отечества . Сеймъ рѣшилъ : оста-

вить до времени въ покоѣ Крымцевъ, усмиреніе которыхъ вовлекло бы въ войну съ Султаномъ. «Государство Московское» сказали они «велико и сильно, тѣмъ славнѣе побѣда! Оно цвѣтетъ изобиліемъ природы и торговли: тѣмъ болѣе добычи!» Рѣшили единогласно воевать Россію; велѣли собирать многочисленное войско: обременили неслыханными дотошъ налогами владѣльцевъ и гражданъ: никто не противился: вооружались и платили. Благоразумный Стефанъ просилъ помощи отъ Султана и Папы, и сыпалъ въ казну собственное серебро и золото. Выслалъ пословъ Іоанновыхъ, Карпова и Головина, пріѣхавшихъ къ нему съ мирною грамотою и отправилъ къ Іоанну письмо краснорѣчивое, сухое, но умное, въ которомъ объявилъ, что идетъ на Россію, и — въ то же время узнали, что Баторій уже въ ея предѣлахъ ⁽²¹⁸⁾.

Честно объявивъ войну Россіи, Стефанъ повелѣлъ войскамъ собираться въ Свирѣ, куда, прибывъ въ началѣ іюня 1579 г., собралъ военный совѣтъ для обсужденія плана предстоящей компаніи. Литовскіе вельможи предлагали итти на Псковъ чрезъ Ливонію: богатство знаменитаго города обѣщало имъ и славу и добычу, которая могла бы покрыть военныя издержки; далѣе, война происходила бы въ самой землѣ непріятельской, а городъ неукрѣпленный или съ ветхими стѣнами ручался за легкость завоеванія его. Но, Король не находилъ благоразумнымъ провести войско чрезъ Ливонію — страну, разоренную долговременною и жестокою войною — подать этимъ поводъ къ новому вторженію въ нея непріятеля, и сдѣлать ее такимъ образомъ снова театромъ

войны и войны затруднительной, гдѣ непріятель — завладѣвъ нѣсколькими замками которыхъ было тутъ много — затруднилъ бы его осадою ихъ; наконецъ, отдалившись съ войскомъ въ Ливонію, Литовскія владѣнія, особенно приднѣпровскія, оставались бы беззащитными. Правда, былъ и другой путь на Псковъ: мимо Ливоніи, чрезъ земли Московскія; но въ такомъ случаѣ, втылу арміи, оставалось бы много непріятельскихъ крѣпостей, гарнизоны которыхъ затрудняли бы походъ, обезпечивая стѣлу; могли бы пресѣчь сообщенія съ страпою; недопустить подкрѣпленій, подвоза припасовъ; а въ случаѣ отступленія могли бы сдѣлать его бѣдственнымъ. Напротивъ того, завладѣвъ Полоцкомъ Король надѣялся достигнуть одного и другаго — освободить Ливонію и не удаляться отъ Литвы: Полоцкъ, расположенный надъ Двиною, составлялъ ключъ Ливоніи и самой Литвы; что это завоеваніе надежный щитъ для ихъ тѣла, откроетъ имъ Россію, утвердитъ безопасное съ Ригею посредствомъ Двины сообщеніе, доставитъ выгоды и для ратныхъ дѣйствій и для торговли; что Полоцкъ крѣпокъ, но тѣмъ славнѣе, тѣмъ желательнѣе взять его, для одобренія своихъ, для устрашенія непріятеля. Многіе не одобряли этого плана, находя Полоцкъ неприступнымъ, сильно укрѣпленнымъ и природою и искусствомъ; не находили благоразумнымъ подвергать всю компанію опасности нападеніемъ на крѣпость съ сильнымъ гарнизономъ и съ обильными во всемъ запасами; ибо неудачная осада повлекла бы за собою упадокъ духа въ народъ и войскъ. Но, Король остался непоколебимымъ. Из-

далъ, 12-го іюля, манифестъ къ войску, въ которомъ подробно изложилъ причины, заставившія его поднять оружіе на Царя Московскаго ⁽²¹⁹⁾; издалъ манифестъ и къ народу Россійскому, объявилъ, что извлекаетъ мечъ на Царя Московскаго, а не на мирныхъ жителей, которыхъ будетъ щадить и миловать; что, любя доблесть, гнушается варварствомъ; желаетъ побѣды, а не разоренія, не кровопролитія безполезнаго. Сказалъ и сдѣлалъ: никогда война не была для замедѣльцевъ и гражданъ тише, челоуѣколюбивѣе этой Баторіевой. Говорилъ какъ христіанинъ, дѣйствовалъ какъ политикъ ⁽²²⁰⁾.

LXXXVIII.

Отрядивъ впередъ къ Полоцку часть Литовскаго войска подъ начальствомъ Николая Радзивилла и сына его Кристофора и съ ними же еще часть Венгерскаго войска, подъ начальствомъ Каспера Бекеша, — самъ Король выѣхалъ изъ Свира въ Дисну. Войско Стефаново двинулось двумя колоннами: Польскія хоругви, подъ начальствомъ Гетмана Мѣлецкаго, приняли направленіе немного вправо отъ Полоцка, именно туда, гдѣ находились крѣпости Красный, Суша и Туровля, занятыя Россіянами; самъ же Король съ другою колонною шелъ прямо по направленію къ Диснѣ; авангардомъ его командовалъ князь Янушъ Збаражскій, воевода Брацлавскій. Безпрестанные дожди затрудняли до невѣроятности движеніе войска. Король неоднократно посылалъ изъ подъ собственныхъ экипажей лошадей для вытаскиванія орудій и обозныхъ тяжестей

изъ грязи необыкновенно глубокой. Только въ Диснѣ собралось уже все собственно коронное войско, которое во всемъ парадѣ представлено было здѣсь Гетманомъ Королю. Конница, покрытая латами и шлемами, вооружена была кавалерійскими пистолетами. Сюда же прибыли и всѣ остальные Литовскія хоругви; наконецъ сюда же прибыли Христофоръ Розражевскій и полковникъ Эрнестъ Вейгеръ съ наемными Нѣмецкими воинами, скрытно набранными въ Германіи. Вообще, войско было такъ стройно и вооружено такъ отлично, что, по признанію Гетмана Мѣлецкаго, никогда еще подобнаго войска не видала ни Литва, ни Польша. Войско Стефаново подобно Аннибалову, состояло изъ людей чуждыхъ другъ другу языкомъ, обычаемъ, вѣрою: Баторій умѣлъ дать ему единодушіе и соревнованіе. Произвелъ общій смотръ арміи въ Диснѣ, Стефанъ, въ торжественномъ присутствіи войска и Сенаторовъ, принялъ присягу на вѣрноподданство Литвѣ и Польшѣ отъ Герцога Курляндскаго Готарда Кетлера, утвержденнаго имъ потомственнымъ въ этомъ званіи (221).

Въ это время, часть Московскаго войска, стоявшаго подъ Псковомъ, вторглась въ Ливонію. Переправившись чрезъ Двину, подъ Кокенгаузенемъ, опустошило Зельбургскій уѣздъ, принадлежавшій Герцогу Курляндскому и вотчину Биржанскую Князя Радзивилла. Для прекращенія подобныхъ опустошеній въ Ливоніи, отправленъ туда съ небольшимъ отрядомъ войска кастеланъ Жмуйдскій Янъ Тальвошъ; а старостѣ Оршанскому Филону Кмитѣ предписано строго наблюдать за движеніемъ не-

пріятеля за Днѣпромъ , чтобы предупредить всякое нападеніе его оттуда на земли Литовскія ⁽²²²⁾.

Междутѣмъ , передовое войско , подъ начальствомъ Виленскаго воеводы , пришло къ Днѣвѣ , и по наведенному мосту переправилось на другую сторону безъ малѣйшаго препятствія со стороны Россіянъ , остававшихся , по непонятной причинѣ , въ бездѣйствіи при этомъ важномъ случаѣ . Страна была дика и пустынна : еще недавно населенная и обработанная , теперь являла она собою печальную картину запустѣнія , сплошную массу лѣса , поднимавшася на поляхъ и нивахъ со времени взятія Полоцка Іоанномъ . Впереди шли съ топорами отряды Венгровъ , просѣкавшихъ дороги для войска ⁽²²³⁾.

Наконецъ , Радзивиллъ сталъ въ виду Полоцка . По пути къ нему Венгры и Поляки завладѣли Ситною крѣпостью на Псковской дорогѣ ; а Казаки , подъ начальствомъ Франца Суки , взяли приступомъ замки Красный и Козьянъ . Самъ Король , послѣ выступленія изъ Дисны , на третій день былъ уже подъ Полоцкомъ , оставивъ вѣво Соколъ , осадю котораго не желалъ въ то время затрудняться . Россіане , желая устрашить Короля и войско , безжалостно умертвили Поляковъ и Литовцевъ , уже давно томившихся у нихъ въ неволѣ , и , привязавъ тѣла несчастныхъ къ бревнамъ , пустили ихъ по Двинѣ — расчетъ неблагоразумный , возбудившій не страхъ , но лишь жажду мести въ непріятелѣ . Король , переодѣвшись частнымъ лицомъ , выѣхалъ въ сопровожденіи Замойскаго и Бекеша , изъ стана для осмотра города и избранія мѣста для нападенія . Но , кажется , былъ примѣченъ : пущенное изъ крѣ-

пости ядро на-волось не попало въ него, убивъ лошадь подъ Замойскимъ, подвинувшимся на одинъ шагъ вслѣдъ за Королемъ.

LXXXIX.

Полоцкъ издревле славился своими укрѣпленіями, исправленными и распространенными въ 1561 г. Двѣ крѣпости или замка: верхній или острогъ и нижній или стрѣлецкій, обтекаемые Полотою и Двиною, соединенные мостомъ, воздвигнутые на крутыхъ высотахъ, служили защитою большому городу, сверхъ его глубокихъ рвовъ, деревянныхъ стѣнъ и башенъ. Такимъ образомъ, въ то время Полоцкъ состоялъ изъ трехъ частей: двухъ замковъ и Заполотья т. е. самаго города. Князь Василій Телятевскій начальствовалъ въ городѣ, Петръ Волинскій въ Острогѣ, Князь Дмитрій Щербатый и дьякъ Вревскій въ стрѣleckой крѣпости, имѣя довольно запасовъ и снарядовъ, много усердія и мужества, гораздо менѣе искусства, какъ сказано въ Разрядныхъ книгахъ ⁽²²⁴⁾.

Король нашелъ необходимымъ начать осаду со стороны верхняго замка, какъ самаго крѣпкаго и составлявшаго ключъ всей позиціи; завладѣвъ имъ — крѣпость и городъ не могли бы уже защищаться. Занятіе Заполотья — слабѣйшей части Полоцка, не обѣщало никакихъ выгодъ; къ тому же Полота затрудняла подступъ. Замойскій придерживался мнѣнія Короля; но, Бекешъ предлагалъ начать осаду именно съ этой части города; она первая начала высылать войска противъ осаждающихъ, она же

первая должно быть и взята; а если бы непріятель ушелъ оттуда въ верхній замокъ, то пострадалъ бы онъ тамъ уже отъ самой тѣсноты; къ тому же чрезъ Полоту, какъ она была въ то время, легко было перебродиться и пѣшему. Когда такимъ образомъ разсуждали, Нѣмецкіе воины — только что прибывшіе, не ожидая предварительныхъ распоряженій, переправившись чрезъ Полоту — шумно заняли мѣсто впереди обоихъ замковъ, и расположились лагеремъ. Король опасаясь, чтобы изъ соперничества между войнами различныхъ націй, составлявшихъ его войско, не возникли раздоры, согласился начать осаду съ той стороны, гдѣ расположился Бекешъ съ Венграми.

Порядокъ въ расположеніи осаднаго войска былъ слѣдующій: Венгры стояли лагеремъ надъ самою Двиною, противу Заполотья; вдоль праваго берега Полоты расположено было Литовское войско, подъ начальствомъ Николая Радзивилла и сына его Кристофора; за Полотою, между ею и озеромъ, находился обозъ Королевскій, стройно расположенный. Тутъ были сенаторы, дворъ королевскій и большая часть Польской конницы. Среди королевскаго обоза тянулись тремя правильными рядами шатры сенаторовъ, которыхъ близость къ королевской палаткѣ соразмѣрялась съ мѣстомъ, занимаемымъ каждымъ въ сенатѣ.

XC.

Осада началась въ началѣ августа со стороны Заполотья: Россіяне не надѣясь удержаться въ этой

части города, зажгли ее и удалились въ верхній замокъ. Осаждающій довелъ подкопы уже до самой Полоты, дѣйствуя въ тоже время изъ орудій по стѣнамъ крѣпости и замка.

Но, осада дѣйствительно оказалась невѣроятно трудною. Отъ безпрестанно лившихъ дождей нельзя было найти сухаго мѣста даже въ королевской палаткѣ, рѣка Полота сдѣлалась необыкновенно глубокою; подкопы затопились, залились водою; каменные ядра (²²⁵) дурно дѣйствовали на относительно тонкія деревянныя стѣны замка, не останавливаясь въ нихъ, но пробивая на вылетъ; обозы съ хлѣбомъ тонули въ грязи, лошади падали отъ изнуренія и голода, и самое войско чувствовало недостатокъ въ продовольствіи, добываемомъ изъ за пятидесяти и болѣе миль — и Іоаннъ не воспользовался подобными обстоятельствами, при которыхъ можно было бы еще спасти осажденный городъ.

Кромѣ войскъ, отраженныхъ Іоанномъ въ Курляндію для безопаснаго губительства, въ Корелію и землю Ижерскую, Іоаннъ имѣлъ еще столько войска, что могъ бы смѣло идти на Вильну и Варшаву. Встревоженный извѣстіемъ о нечаянной осадѣ Полоцка, онъ велѣлъ Шеину, Князюмъ Лыкову и Палѣцкому, Кривоборскому съ дружинами Дѣтей Болгарскихъ и Домскихъ казаковъ свѣстить къ этому городу, вступить въ него хитростію или силою; а въ случаѣ невозможности, занять крѣпость Соколъ, тревожить непріятеля, мѣшать его сообщенію съ Литвою, въ ожиданіи прибытія главной Московской рати. Шеинъ приблизился къ Ваторіеву стану: не дерзнулъ на битву и занялъ Соколъ, распустивъ

слухъ, что самъ Іоаннъ будетъ тамъ скоро съ войскомъ сильнымъ. Но Король не устранился, чувствовалъ единственно необходимость рѣшить судьбу осады.

Видя слабое дѣйствіе бойницъ, Король предложилъ удалцамъ взойти на высоту крѣпости и зажечь ея стѣну, обѣщая имъ славу и золото. Долго трудились надъ этимъ охотники изъ Венгровъ, Литовцевъ и Поляковъ. Наконецъ, для успѣха ихъ смѣлости, какъ бы нарочно, сдѣлалось ясное сухое время: съ пылающими факелами устремились они къ стѣнамъ... многіе пали мертвые, нѣкоторые достигли цѣли и... вскорѣ вспыхнула незначительная часть стѣны, которая горѣла весь день и ночь, не смотря на усилія Россіянъ потушить пожаръ. Сдѣлался какъ бы проломъ въ стѣнѣ.

Давно уже древній Полоцкъ славился изобиліемъ торговымъ, сокровищами несмѣтными своихъ храмовъ. Далеко слылъ этимъ Полоцкъ, зналъ объ этомъ непріятель, рѣшившійся — во чтобы то ни стало — взять городъ приступомъ, дабы только имѣть право на разграбленіе его. Венгры — жадность которыхъ изощрена была этимъ вособенности — тайно отъ Короля и начальниковъ, условились между собою въ эту же ночь ворваться въ городъ чрезъ отверстіе, еще пылавшее. Дѣйствительно, задумано и сдѣлано. Въ полночь — коль скоро все улеглось и успокоилось въ осадномъ станѣ — Венгры подвались, подкрались и бросились чрезъ пылающее отверстіе въ замокъ и — сверхъ чаянія — встрѣчены были ужаснымъ залпомъ изъ орудій: Россіянъ — какъ бы предвидя это нападеніе

со стороны настойчиваго и смѣлаго врага — поспѣшно соорудили батарею противъ горѣвшаго отверстія. Среди ночи сдѣлалась всеобщая тревога. Осыпаемые ядрами и головнями, Венгры, сквозь огонь пылавшихъ стѣнъ ломились и — вломились въ крѣпость; но Россіяне отчаянно стали грудью, рѣзались, вытѣснили непріятеля: онъ возвратился усиленный толпами Нѣмцевъ, Поляковъ, и снова уступилъ остервененію и отчаянію Россіянъ.

Самъ Король, забывъ личную опасность, находился въ этой кровопролитной битвѣ, чтобы возстановить порядокъ, удержать, соединить отступавшихъ. Часъ былъ рѣшительный. Если бы Шейнъ, Князь Лыковъ, Палѣцкій ударили на нихъ, то могли бы спасти крѣпость и честь Россіи. Они видѣли пожаръ, слышали самую битву, громкій кликъ осажденныхъ — побѣдителей въ эту минуту, кликъ призывный къ своимъ братьямъ Сокольскимъ. Но прозорливый Баторій занялъ дорогу, выслалъ свѣжее войско къ Дриссѣ, чтобы остановить Россіянъ въ случаѣ ихъ движенія къ Полоцку. Въ то же время Донскіе Казаки измѣнили Московскимъ воеводамъ въ Соколѣ: самовольно ушли во свояси, къ извиненію Шеина и его товарищей. Стефанъ ждалъ весь день, всю ночь опаснаго ихъ нападенія; успокоился и спѣшилъ загладить неудачу.

Отбивъ приступъ, Россіяне угасили пожаръ въ крѣпости: непріятель сдѣлалъ новыя бойницы, новыя окопы, приблизился къ стѣнамъ, отчасти уже разрушеннымъ, и калеными ядрами опять зажегъ башни. Еще нѣсколько дней упорствовали осажденные; едва могли дышать отъ дыма и жара; падали

отъ ядеръ Литовскихъ, отъ усталости, непрестанно гася огонь; ждали помощи, освобожденія; наконецъ, утративъ надежду и бодрость, просили переговоровъ. Сперва Воеводы и Архіепископъ Кипріяиъ не хотѣли о томъ слышать, говоря: «Страшима не злобы Стефановой, но гнѣва Царскаго!» Въ отчаяніи великодушномъ они думали взорвать крѣпость, чтобы погребсти себя въ ея развалинахъ. Но слабый духомъ Петръ Вольнскій и Стрѣльцы не дали имъ исполнить этого намѣренія ⁽²²⁶⁾, и предложили условія Стефану, который — изъ уваженія ли къ оказанной ими храбрости, или не желая длить время — согласился отпустить и сановниковъ и рядовыхъ въ Россію съ семействами, съ имуществомъ; а желающимъ вступить къ нему въ службу обѣщалъ великія милости. Воеводы, не хотѣвъ участвовать въ этомъ договорѣ, заперлись вмѣстѣ съ Архіепископомъ въ древней церкви Софійской, откуда силою извлекли и представили ихъ Баторію, смиренныхъ безъ уничиженія. Историкъ-очевидецъ пишетъ, что Россіяне живо чувствуя великодушіе и человеколюбіе Короля, никакъ однакожь не захотѣли служить ему; что почти всѣ, ожидая не минуемой казни отъ гнѣва Царя, съ твердостію шли на оную и не внимали льстивымъ обѣщаніямъ Стефановымъ — «доказательство удивительное любви къ отечеству!» прибавляетъ этотъ историкъ. Велѣвъ очистить крѣпость, наполненную трупами, Король въѣхалъ въ нее торжественно; объявилъ Полоцкъ Литовскимъ воеводствомъ ⁽²²⁷⁾.

ХСІ.

Такъ палъ знаменитый Полоцкъ, и этотъ древній городъ, удѣлъ племени Владимірова и Рогнеѣдина, легко взятый, безславно утраченный Іоанномъ, бывъ восемнадцать лѣтъ областію Государства Московскаго, сдѣлался вновь собственностію Литвы до царствованія Екатерины второй.

Не легко обошлось завоеваніе Полоцка, трудности осады были неимовѣрны. Осажденные явили удивительную отвагу: бревнами и каменьями, которыхъ у нихъ вездѣ было множество, жестоко разили со стѣнъ врага, отважившагося къ нимъ приблизиться. Съ изумительнымъ безстрашіемъ тушили пожары: воины и жители — безъ различія пола и возраста — стекались туда отовсюду, не смотря на то, что осаждающій сосредоточивалъ въ тѣ мѣста губительный огонь своихъ орудій, причемъ вособенности гибло множество народа. Въ виду врага сильнаго и искуснаго спускались по веревкамъ со стѣнъ крѣпости за водою и подавали ее въ сосудахъ въ крѣпость, гдѣ заливали ею огонь; и хотя же смѣлые почти неизбежно платили жизнью за подвигъ самоотверженія, но каждый разъ также живые заступали мѣсто мертвыхъ. Вособенности затруднителенъ былъ подвозъ провіанта, о подвозѣ котораго изъ Вильны, за 50 миль, нечего было и думать. Приобрѣтеніе его возможно было только со стороны Дисны; но весь край, болѣе нежели на 50 верстъ во всѣ стороны отъ Полоцка, представлялъ печальный видъ разоренія, сплошную лѣсистую

пустыню на мѣстахъ, нѣкогда обработанныхъ. Къ тому же, подвозу его сверху и снизу по Двинѣ много препятствовали Московскіе гарнизоны замковъ Туровля и Суши; а съ четвертой стороны, страна къ Пскову и Лукамъ, тоже представляла болѣе нежели на 25 миль сплошную пустыню лѣсовъ, возникшихъ со времени покоренія Іоанномъ Полоцка. Наконецъ, ко всему этому присоединилось необыкновенно дождливое время: дороги стали непроходимыми, Полота сдѣлалась необыкновенно широкою и глубокою, и все огромное пространство вокругъ Полоцка покрыто было остовами гнѣющихъ лошадей, павшихъ отъ голода и изнурительной, превышавшей силы ихъ работы. Цѣны на съѣстные припасы и фуражъ, возвышаясь постепенно, достигли необыкновеннаго размѣра: за корецъ (40 гарцевъ) овса платили по 10 талеровъ и еще достать его было невозможно. Каленыя ядра, рѣшавшія въ то время судьбу осады крѣпостей, преимущественно деревянныхъ, не производили ожидаемаго дѣйствія на относительно тонкія Полоцкаго замка стѣны, пробиваемыя ими на вылетъ. Едва наконецъ удалось охотникамъ, вызваннымъ за огромныя награды, зажечь замковую стѣну факелами (228).

Король явилъ себя милостивымъ и великодушнымъ къ побѣжденнымъ. Назначилъ отряды для прикрытія Россіянъ, оставившихъ замокъ, для защиты ихъ на случай какого либо нападенія со стороны озлобленныхъ на нихъ Венгровъ и Нѣмцевъ. Выходящимъ Россіянамъ указаны два пути: одинъ велъ въ службу Королевскую, другой — въ отече-

ство; избрать одинъ изъ нихъ зависѣло отъ доброй воли каждаго, никто не замѣтилъ и тѣни принужденія. Но — не смотря на все уваженіе къ герайскимъ доблестямъ Стефановымъ, не смотря на всю милость имъ оказанную и благодарность за нее ими живо чувствуемую — къ чести Россіянъ, почти всѣ они пожелали возвратиться въ отечество; хотя и знали, что тамъ ожидаетъ ихъ казнь и муки. Самъ Король лично наблюдалъ за тѣмъ, чтобы плѣнные Россіяне не потерпѣли какихъ либо обидъ отъ его воиновъ; замѣтивъ, что одинъ воинъ началъ грабить выходившихъ изъ крѣпости, самъ Стефанъ ударилъ невеликодушнаго булавою — обстоятельство снискавшее ему величайшую любовь и удивленіе со стороны Россіянъ. Впрочемъ, Король не безъ основанія принималъ подобныя предосторожности: войско его готовило мсть Россіянамъ за умерщвленіе и безчеловѣчное истязаніе плѣнныхъ, Нѣмцевъ вособенности.

ХСII.

По выступленіи гарнизона, началось разграбленіе Полоцка. Давно уже древній городъ слылъ богатствомъ жителей и несмѣтными сокровищами храма Софійскаго: богатство ризъ его иконъ изъ серебра и золота, осыпанныхъ драгоцѣнными камнями, раздражало алчность осаждающихъ, Венгровъ вособенности. Потому-то, они — во чтобы ни стало — старались завладѣть замкомъ штурмомъ, чтобы только имѣть право на разграбленіе его. Не давали пощады добровольно сдававшимся, дабы тѣмъ

устрашить осажденных и заставить ихъ, покинувъ всякую мысль добровольной сдачи, защищаться до послѣдняго часа. Но, къ великому ихъ прискорбію, добыча далеко не соответствовала ожиданіямъ, такъ сильно и такъ долго изощрявшимъ ихъ алчность. Всѣ сокровища уже давно вывезены были въ Россію. Зато, съ тѣмъ большимъ неистовствомъ войско предавалось грабежу: все, чего только нельзя было взять съ собою, вонны рвали, били, жгли и ломали. Но всего прискорбнѣе то, что во время этого разграбленія погибло богатѣйшее книгохранилище, содержавшее въ себѣ драгоценныя лѣтописи и рукописныя писанія Св. отецъ, переведенныя съ Греческаго, какъ говорятъ, сс. Кирилломъ и Меѳодіемъ. Какая участь постигла эти сокровища письменности, кто завладѣлъ ими и куда они дѣвались? Нѣкоторые полагаютъ, что въ это же время погибъ и подлинникъ Кривско-Полоцкой лѣтописи едва ли кому извѣстной ⁽²²⁹⁾.

Отъ дѣлъ военныхъ Король обратилъ вниманіе на дѣла гражданскія и вѣры. Сколько по великодушію, столько же изъ расчетовъ политики, имѣя въ виду дальнѣйшія завоеванія, Стефанъ, не только ни въ чемъ не стѣснялъ жителей православнаго закона; напротивъ, грамотою увѣрилъ народъ и духовенство въ неизмѣнномъ своемъ для нихъ покровительствѣ. Витебскій владыка остался по прежнему и Полоцкимъ. Для католиковъ же повелѣлъ строить огромную великолѣпную церковь, которую отдалъ своимъ любимцамъ іезуитамъ, обязаннымъ прежде всего стараться объ улучшеніи нравовъ жителей, у которыхъ необыкновенное суевѣріе соединялось съ

..

распутствомъ — свѣдѣніе злосчастной судьбы этого края. Укрѣпленія Полоцка возобновлены по собственному Стефанову плану. Возстановилъ въ лицѣ Николая Дорогостайскаго должность Полоцкаго воеводы, которая, со времени покоренія Полоцка Іоанномъ, относилась къ незначительному Задвинскому пространству, существовала болѣе по имени, нежели на дѣлѣ. Хотя же, еще Сигизмундъ-Августъ надѣлилъ шляхту, лишившуюся съ паденіемъ Полоцка своихъ имѣній, помѣстьями въ другихъ областяхъ до времени обратнаго возвращенія Полоцка; совсѣмъ тѣмъ великодушный Король, возвращая имъ прежнее состояніе, продлилъ срокъ владѣнія другими еще на шесть лѣтъ, въ теченіе которыхъ они обязаны были привести въ порядокъ и устроить собственные.

ХСІІІ.

Для окончательнаго покоренія страны оставалось еще завладѣть сосѣдственными съ Полоцкомъ замками: Соколомъ, Туровлею и Сушею, изъ которыхъ первые два вособенности беспокоили Короля. Соколъ лежалъ на пути къ Пскову, откуда могъ быть подкрѣпляемъ постоянно. Владѣя же Туровлею, расположенною надъ Двиною, Россіяне могли громить окрестную страну. Къ Соколу отпращиванъ гетманъ Мѣлецкій съ Польскою пѣхотою и конницею и наемными Нѣмцами; къ Туровлѣ Староста Ульмскій Лукомскій и Мартинъ Куржъ съ казаками. Туровлею завладѣли безъ выстрѣла: уже нѣсколько дней какъ замолкли пушки подъ Полоц-

комъ и гарнизонъ догадывался объ участи, постигшей его; потому, коль скоро завидѣлъ приближающихся казаковъ, гарнизонъ объятый паническимъ страхомъ, поспѣшно удаллся изъ крѣпости противуположными воротами, оставивъ на произволъ судьбы воеводъ своихъ, не могшихъ удержать воню отъ постыднаго поступка. Теперь оставалось лишь завладѣть Соколомъ: съ паденіемъ его Суша, послѣдняя бывшая во власти Россіянъ крѣпость, оставшись одна на землѣ Литовской, принуждена была бы покориться добровольно.

Междутѣмъ Мѣлецкій шелъ съ войскомъ къ Соколу походомъ тягостнымъ, по причинѣ дурныхъ дорогъ и трудности подвоза продовольствія. Артиллерию Король послалъ Двиною до самой Дриссы, откуда по рѣкѣ Дриссѣ ее тянули вверхъ до самого Сокола. На плотяхъ, изъ крѣпкихъ брусевъ, осадное войско въ виду крѣпости переправилось чрезъ Дриссу и облегло Соколъ. Что же Россіане? На малѣйшаго движенія чтобы воспрепятствовать этому; они ограничились лишь посылкою нѣсколькихъ конныхъ отрядовъ, которые, показываясь изрѣдка въ отдаленіи, думали устрашить непріателя великимъ воплемъ и крикомъ. Ко всему этому Сокольскій гарнизонъ присоединилъ и удивительную оплошность: превосходя непріателя числомъ, зная объ его усталости и претерпѣваемомъ имъ во всемъ лишеніи отъ недостатка лошадей, не напалъ на него, вдругъ, но отложилъ вылазку до слѣдующаго дня; междутѣмъ какъ осаждающій, не теряя ни минуты времени, безнаказанно приближался подкопами уже къ самой крѣпости. Московскіе воеводы надѣялись

провести ночь спойно; случилось иначе. Начальникъ осадной артиллеріи Доброславскій, желая лишь только для примѣра испытать дѣйствіе каменныхъ ядеръ на сосновыя сухія крѣпостныя стѣны, пустилъ въ нихъ три ядра: показался дымъ и стѣна загорѣлась; но мѣста первыхъ двухъ ядеръ, попавшихъ довольно высоко, были замѣчаны гарнизономъ и пожаръ потушенъ; между тѣмъ какъ третіе, завязшее при самомъ основаніи, осталось не замѣченнымъ, и вскорѣ стѣна вспыхнула пламенемъ, распространившимся во всѣ стороны. Гетманъ, на всякій случай, чтобы только имѣть войско въ готовности, велѣлъ протрубить тревогу; но гарнизонъ, уже смятенный пожаромъ, принявъ это за сигналъ къ штурму, началъ уходить всѣми воротами изъ замка. Шереметевъ, замысливъ съ частью конницы бѣжать въ Псковъ, попался въ плѣнъ со всѣмъ отрядомъ князю Збаражскому. Бѣжавшіе съ другой стороны съ Шейномъ наткнулись на Нѣмцевъ, которые будучи озлоблены на Россіянъ за истязанія Нѣмецкихъ плѣнныхъ въ Полоцкѣ, изрубили всѣхъ до единого. Оставшіеся въ замкѣ просили пощады; но когда изступленные Нѣмцы, ворвавшись въ него, начали безчеловѣчно убивать всѣхъ безъ различія, то, движимые отчаянною рѣшимостію, Россіане опустили желѣзную рѣшетку надъ воротами, и такимъ образомъ пресѣкли всякую возможность къ отступленію, какъ самимъ себѣ такъ и врагу невеликодушному. Началась ужасная рѣзня, среди ночи, пламени и дыма и — 500 Нѣмцевъ погибло почти въ одно мгновеніе. Между тѣмъ, Поляки разломавъ рѣшетку, ворвались въ крѣпость:

часть ея защитниковъ погибла въ рукопашной битвѣ, часть — въ пламени и дымѣ, остальные спаслись плѣномъ. Ничего не могло быть ужаснѣе этой битвы: крѣпостная площадь представляла возмущающую груду тѣлъ воиновъ обѣихъ сторонъ, столпившихся для послѣдняго боя на этомъ небольшомъ пространствѣ.

Московское войско, узнавъ о паденіи Полоцка и гибели гарнизона въ Соколѣ, отошло отъ Пскова въ глубину Россіи. Іоаннъ послалъ къ воеводамъ въ Сушѣ письма, въ которыхъ, оставивъ обычную свою суровость, писалъ имъ: такъ какъ съ надеженіемъ, но неоповѣдимой волѣ Всевышняго, Полоцка и Сокола, они остаются теперь безъ всякой надежды на помощь и окружены со всѣхъ сторонъ непріателемъ, то — не желая подвергать мужества ихъ бесполезному испытанію — приказываетъ имъ, уничтоживъ всѣ военные снаряды и закопавъ святые иконы въ землю, чтобы надъ ними не издѣвались еретики, стараться какъ можно поспѣшнѣе возвратиться въ отечество; не потому, чтобы онъ сомнѣвался въ ихъ преданности и мужествѣ, но потому, что не желаетъ ставить ихъ участь въ зависимость отъ слѣпаго счастья, а жизнь ихъ на жертву врагу жестокому. По несчастію, письма перехвачены и Мѣлецкій, не медля ни сколько, предложилъ гарнизону сдаться: обезоруженные воины получили позволеніе возвратиться въ отечество.

XCIV.

Въ это время Россія не была спокойна и съ другихъ сторонъ: князь Константинъ Острожскій съ своимъ сыномъ и Михайлою Вишневецкимъ опустошили Сѣверскую область до Стародуба и Почепца; а Оршанскій староста Филонъ Кмита разоралъ Смоленскій край, гдѣ обратилъ въ пепель болѣе 2000 дворовъ мирныхъ земледѣльцевъ.

Распорядившись всѣмъ лично, расположивъ войско на зимнихъ квартирахъ, Король выѣхалъ въ Дисну, куда имѣя въ виду будущую компанію, велѣлъ свозить артиллерію. Отсюда написалъ къ Царю письмо, извѣщая его объ успѣхахъ, увѣчивавшихъ его оружіе въ войнѣ, которой и причину и бѣдствія Король приписывалъ единственно Іоанну, его страсти къ войнѣ и кровопролитію и обидамъ ему нанесеннымъ. Изъ Дисны Стефанъ отплылъ Двиною въ Друю и оттуда сухопутью прибылъ въ Вильну, гдѣ былъ встрѣченъ съ триумфомъ; а въ концѣ этого года, уже въ Варшавѣ, во время сейма, получилъ извѣстіе о покореніи Нещерды, послѣдняго замка, тоже близъ Полоцка.

XCV.

Теперь Іоаннъ непритворно желалъ мира, оба Государя размѣнялись гонцами и Баторій для заключенія мира назначилъ только пять недѣль срока. Уже знатные сановники царскіе, Стольникъ Иванъ Сицкій, Думный Дворянинъ Пивовъ и Дьякъ Пете-

линь ѣхали въ Вильну, когда узнали въ Москвѣ, что Баторій идетъ войною на Россію. «Назначенный срокъ минулъ» писалъ онъ къ Царю «ты долженъ отдать Литвѣ Новгородъ, Псковъ и Луни со всѣми областями Витебскими и Полоцкими, также всю Ливонію, если желаешь мира.» Такъ началась вторая война Баторія съ Іоанномъ. Непріятель шелъ болотами и лѣсами дремучими, гдѣ 150 лѣтъ не ходило войско; гдѣ только Витовъ, въ 1428 г., умѣлъ открыть себѣ путь къ областямъ Новгородскимъ и гдѣ нѣкоторые мѣста еще назывались его именемъ ⁽²³⁰⁾. Баторій, подобно Витовту, просѣкалъ лѣса, дѣлалъ гати, мосты, плоты; сражался съ неимовѣрными трудностями.

ХСVI.

Замышляя походъ на Великія Луки, Король приказалъ войскамъ собираться въ Чашники ⁽²³¹⁾, расположенныя надъ р. Уллою, находящіяся въ одинаково равномъ разстояніи какъ отъ Великихъ Лукъ, такъ и отъ Смоленска; а потому, въ Москвѣ находились въ недоумѣніи на счетъ намѣреній Стефановыхъ.

Оба Государя обмѣнивались гонцами; Іоаннъ убѣждалъ Стефана не начинать военныхъ дѣйствій, изъясняя готовность на миръ, для заключенія котораго Царь рѣшался, даже вопреки принятому и освященному временемъ обычаю между обоими дворами, прислать своихъ пословъ въ Вильну, вмѣсто того, чтобы ожидать королевскихъ въ Москву, куда Король, ни подъ какимъ видомъ, не соглашался по-

слать своихъ , такъ какъ онѣ видѣли только однѣ оскорбленія со стороны Іоанна. Но Стефанъ, не вѣря искренности Іоанновой и хорошо понимая, что за-вязывая переговоры, онѣ желаетъ лишь этимъ выиграть время , отвѣчалъ разъ на всегда: приму по-словъ тамъ, гдѣ они встрѣтять меня.

Въ Чашникахъ Король собралъ военный совѣтъ. Мнѣнія раздѣлились на три: одни предлагали Псковъ, другіе Смоленскъ, третіе Великія Луки. Доказатель-ства въ пользу и противъ перваго мнѣнія были тѣже, что и въ прошедшемъ году. Въ пользу вто-раго представляли славу завоеванія многолюднаго и сильнаго города; къ тому же справедливымъ на-ходили возратить то, что было отнято и, наконецъ, что съ паденіемъ Смоленска покорилась бы и вся обширная земля Сѣверская. Предлагавшіе Великія Луки возражали, что походъ на Смоленскъ отда-лъ бы армию и отъ Двины и отъ Ливоніи, облада-ніе которой было цѣлю настоящей войны; что нѣтъ никакого сравненія между многолюдной Ливоніей и относительно пустынной землей Сѣверской, что лучше владѣть первой, приближенной къ морю, примыкающей къ образованному западу и потому представляющей по своему географическому поло-женію столько выгодъ для мореплаванія и торговли; — нежели второй, лишенной всѣхъ этихъ выгодъ. Наконецъ, завладѣніе Великими Луками въ страте-гическомъ отношеніи представляло еще ту выгоду, что отъ этого открывалась бы свобода для дѣйствій на всѣ стороны противъ непріятеля, опустошать его владѣнія и — какъ разстояніе ихъ равно одинаково отъ Смоленска и Пскова, то — науступательныя

дѣйствія его могли бы быть предупреждены: захотѣлъ ли бы онъ чрезъ Смоленскъ вторгнуться въ Литву, или чрезъ Псковъ въ Ливонію. Склоняясь къ послѣднему мнѣнію, но удерживая его при себѣ втайнѣ, Король стягивалъ войска къ Чашникамъ; въ письмахъ же къ Царю титуловалъ себя Смоленскимъ, какъ бы и въ самомъ дѣлѣ намѣревался возвратить этотъ городъ Польшѣ. Предъ выступленіемъ въ походъ, Король произвелъ общій смотръ войску, которое — дефилируя небольшими отрядами и хоругвями, и прохода вытянутымъ строемъ чрезъ узкій мостъ — явило великолѣпное зрѣлище. Историкъ Стефановъ съ пышнымъ краснорѣчіемъ восхваляетъ его войско, въ которомъ, не только молодые люди знаменитаго происхожденія, но даже Сенаторы, уже убѣжденные сѣдинами и государственные сановники, уже давно оставившіе военное поприще, увлеченные славою на концѣ дней своихъ снова стали подъ знаменами Марса, и служили въ конницѣ на ряду съ простыми всадниками. Если вѣрить Стрыйковскому, то всего войска у Стефана было 50,000. Не смотря еще на два письма Іоанновы, содержанія подобнаго прежнимъ, Король — осмотрѣвъ Улу и Леппель — приказалъ войскамъ походъ къ Витебску.

ХСVII.

Велижъ надъ Двиною и Усвяты надъ рѣкою и озеромъ того же имени были первые укрѣпленные замки, лежавшіе на избранномъ пути Стефаномъ. Рѣшившись владѣть всѣмъ теченіемъ Двины, Ко-

роль послать къ Велику Замойскаго съ Поляками, присоединивъ къ нему часть Венгровъ и Нѣмцевъ, подъ начальствомъ Надворнаго Маршала Короля Датскаго Юрія Фаренсбаха, прибывшаго къ Стефану отъ своего Короля. Отправивъ изъ Витебска артиллерію и большую часть обозныхъ тяжестей Двиною, раздѣливъ войско на три отряда, Замойскій пошелъ къ *Сурожу*, въ самое лучшее время, къ концу лѣта и началу осени, когда поля мирныхъ земледѣльцевъ красовались уже золотистою жатвою, которую, въ этомъ злосчастномъ краѣ — вѣковомъ ратномъ полѣ — не всегда пожиналъ тотъ, кто бросалъ сѣмена въ землю. Переправившись по наведенному мосту чрезъ р. Касплю войско благополучно достигло Сурожа. То былъ послѣдній пограничный замокъ Литовскій, построенный въ царствованіе Сигизмунда Августа, Витебскимъ воеводою княземъ Стефаномъ Збаражскимъ дабы воспрепятствовать Россіянамъ завладѣть устьями рѣкъ Каспи и Усвяты, впадающихъ въ Двину. За Сурожомъ страна, на нѣсколько миль, лежала подъ темными сосновыми лѣсами, поднявшимися на поляхъ по волѣ Россіянъ, любившихъ въ то время такимъ образомъ обеспечивать свои предѣлы и окружать пограничныя крѣпости подобными пустынями. Изъ Сурожа подлежало два пути къ Велику: одинъ за Двиною — онъ заставилъ бы войско переправляться чрезъ нее подъ самымъ Велижемъ; другой чрезъ темный, густой сосновый лѣсъ. Замойскій избралъ послѣдній: впереди пошли рабочія команды, рубившія просѣку для войска — работа, сопряженная съ неимоверными трудностями: нужно было срублен-

ный, уже толстоствольный, лѣсъ еще оттаскивать всторону; еще быть можетъ труднѣе было гатить болота и пропасты фашиною, вести дорогу чрезъ топи, строить длинные мосты и дѣлать безконечные накаты. При всемъ томъ, войско въ первый день прошло пять миль; во второй же, встрѣтивъ отъ деревни Верховья огромное болото, пронло только двѣ съ половиной мили; но на третій день явились еще новыя препятствія, увеличивавшіяся по мѣрѣ приближенія къ Велижу: въ лѣсахъ были безконечныя завалы и засѣвки, такъ что трудно было пройти и пѣшему человѣку. Едва уже къ ночи войско успѣло выбраться изъ лѣса въ виду самаго Велижа, гарнизонъ котораго, впустивъ жителей въ замокъ, привѣтствовалъ непріятеля пожаромъ города.

Въ то время Велижъ былъ довольно обширнымъ замкомъ, съ девятью башнями, обнесенный высокою и толстою деревянною стѣною, съ востока и юга обтекаемый Двиною, съ прочихъ сторонъ защищенный глубокими рвами. Въ иное время, раньше, замокъ могъ бы съ успѣхомъ выдержать долговременную осаду; но теперь, весь построенный изъ дерева могъ ли устоять противъ артиллеріи, употреблявшей каленные ядра? Хотя же, со времени взятія Стефаномъ Полоцка, Русскимъ и не было безъизвѣстно разрушительное дѣйствіе ихъ и гарнизонъ Велижа, съ намѣреніемъ сопротивляться ему, даже обложилъ деревянные замковыя стѣны дерномъ; но исполнилъ это такъ дурно и такъ не искусно, что этимъ лишь ускорилъ гибель свою. Дерновый слой былъ такой посредственной

толщины, что ядра — потерявъ въ немъ часть силы отъ этого уже не пробивали самой стѣны, но — останавливаясь въ самой срединѣ ея толщи оказывали еще болѣе разрушительное на нихъ дѣйствіе; междутѣмъ какъ возможность тушенія огня уменьшилась. Послѣ нѣсколькихъ выстрѣловъ калеными ядрами въ двухъ башняхъ показался дымъ, вспыхнулъ огонь и гарнизону не оставалось ничего болѣе, какъ только покориться и сдать крѣпость, которая почти неповрежденная, съ значительными запасами снарядовъ и провіанта, досталась непріятелю.

ХСVIII.

Новый гонецъ Царскій нашелъ Стефана въ Витебскѣ. Іоаннъ, извѣщая о выѣздѣ своихъ пословъ, просилъ увѣдомить его объ условіяхъ возможнаго мира, вывести войска изъ предѣловъ Московскаго государства и заключеніе, приводя тексты изъ священнаго писанія, убѣждалъ Стефана оставить свое упрямство. Послѣ прежнихъ, ни къ чему ни привевшихъ переговоровъ, Баторій отвѣчалъ на это приказомъ войску: переправиться чрезъ Двину по тремъ наведеннымъ мостамъ, въ виду гонца Царскаго.

Походъ на Великія Луки былъ затруднителенъ чрезъ страну, которая, начиная отъ предѣловъ Литовскихъ, покрыта была на 30 миль лѣсомъ и болотами. Усвяты покорились Стефану безъ сопротивленія, да и что могъ бы сдѣлать ея слабый, не многочисленный гарнизонъ арміи, предводимой са-

нимъ Королемъ? отъ Усвятъ Баторій шелъ къ Лукамъ, встрѣчая на пути тѣже препятствія, что и прежде: лѣса, болота и топи. Вскорѣ однакоже Королевское войско, оставивъ лѣса за собою, вытупило въ страну ровную, открытую, гдѣ разбивъ нѣсколько передовыхъ отрядовъ Нагайскихъ Татаръ, безпрепятственно пошло къ Великимъ Лукамъ.

Великолуцкій замокъ съ нѣсколькими башнями расположенъ былъ на возвышенномъ мѣстѣ, облитомъ съ трехъ сторонъ озеромъ, а съ четвертой р. Ловатю, между которою и озеромъ оставалась лишь узкая полоса земли. Замокъ обнесенъ былъ до того высокимъ валомъ, что изъ за него едва только выказывались кресты на церквяхъ. Въ стѣнахъ, обложенныхъ такимъ высокимъ и толстымъ въ одинадцать футовъ валомъ, сильный гарнизонъ, состоявшій подъ главнымъ начальствомъ Оболенскаго-Лыкова, могъ наконецъ не бояться и каменныхъ ядеръ. Къ тому же, въ Торонцѣ стоялъ значительный отрядъ Московскаго войска подъ начальствомъ Князя Хилкова, посланнаго Іоанномъ подать помощь, смотря по обстоятельствамъ, Лукамъ или Смоленску. На другой день прибыли и послы Іоанновы, едва рѣшившіеся выѣхать изъ Сурожа — послѣдняго пограничнаго Литовскаго замка — для представленія, вопреки вѣковому обычаю, вноземному Государю, вторгшемуся съ войною въ ихъ предѣлы ⁽²³²⁾. Начиная и прекращая переговоры о мирѣ, они пробыли безотлучно при Баторіѣ всю продолжавшуюся этого года.

Укрѣпленія замка въ самомъ дѣлѣ не общали

успѣшнаго исхода осады. Къ тому же, Литовскіе Сенаторы равно боялись какъ неудачи такъ и успѣха: если бы замокъ и взятъ былъ, то вся тяжесть охраненія его пала бы исключительно на самую Литву. Но, уже не время было думать объ этомъ и Баторій повелъ правильную осаду. За невозможностію зажечь калеными ядрами на стѣнѣ, ни башенъ, обложенныхъ необыкновенно толстымъ слоемъ дерна, изъ окоповъ направили выстрѣлы по бланкамъ, на которыхъ лежали крѣпостныя орудія. Орудія сбиты, ядра зажгли дерево, вспыхнулъ пожаръ; но достигнувъ до мѣста, гдѣ начинался толстый слой дерна, огонь прекратился самъ собою. Оставалось одно средство: обнажить гдѣ нибудь стѣну для дѣйствія по ней калеными ядрами. Ночью, переправившись чрезъ узкую часть озера, Венгры провели подъ самую стѣну мину; взведенная въ полдень развѣтала часть вала по воздуху и обнажила часть стѣны, которую и зажгли вскорѣ. Пламень обнялъ одну изъ башенъ; всѣ успія Россіянъ потушить пожаръ остались тщетными — огонь пылалъ до самой ночи; но зато, къ отчаянію осаждающихъ, къ утру прекратился самъ собою: толстый дерновый слой мѣшалъ дальнѣйшему его распространенію. Наконецъ, случай открылъ слабую сторону крѣпости, укрѣпленной сильно, но не искусно. Когда замѣтили, что гарнизонъ, для отраженія приступа къ передовой башнѣ, не могъ дѣйствовать не только перекрестными артиллерійскими выстрѣлами съ контрфорсовъ, но даже и ружейнымъ огнемъ; то тогда оказалось, что можно было безнаказанно сорвать дернъ съ этой башни —

которая на другой день и предстала обнаженною въ одномъ мѣстѣ по фасу. Чрезъ найденное въ ней окно вброшено внутрь башни огромное количество горючихъ снарядовъ и, не смотря на отчаянныя усилія Россiянъ, на другой день клубы чернаго дыма обнаружили несомнѣнные признаки уже тлѣвшаго, ничѣмъ не угасимаго пожара, вспыхнувшего ночью съ ужасною силою. Первою его добычею была Спасская церковь, ближайшая къ башнѣ; потомъ, пожаръ, распространяясь по деревяннымъ бланкамъ, свирѣпо обхватилъ ближайшіе дома. Король предложилъ гарнизону сдаться для спасенія отъ лютой смерти. Но, мужественные Россiяне, не взирая на свое несчастье, соглашаясь на предложенія Короля еще предлагали и свои условія, которыя никакъ не могли быть приняты побѣдителями, не имѣвшими въ этомъ надобности. Замойскій послалъ объяснить имъ всю неумѣстность ихъ требованій, что въ отчаянномъ, подобномъ ихъ положеніи, они не могутъ и не имѣютъ права предлагать никакихъ условій, что добровольная сдача предложена имъ лишь по человеколюбію. Междутѣмъ, обозная чернь, побуждаемая жадною добычею, стала толпами собираться у Замловаго вала. Видъ этой черни, обозной сволочи — не участвовавшей ни въ трудахъ, ни въ опасностяхъ осады — начавшей уже толпами вѣбаться на стѣны крѣпости, привелъ въ изступленіе Венгровъ, давно уже питавшихъ жадную мщенія противъ Россiянъ за жестокости ихъ съ нѣмцами въ Полоцкѣ; жадную, не сыщевшую ни въ Полоцкѣ, ни въ Сушѣ, ни въ Усватахъ, ни въ Велижѣ, откуда самъ Король

увольнилъ Россіянь. Венгры бросились въ замокъ. Къ счастью, Замоискій еще заблаговременно послалъ прикрытіе для воеводъ и прочихъ, спасавшихся изъ крѣпости: огонь быстро приближался къ пороховому погребу и — вскорѣ послѣдовалъ ужаснѣйшій взрывъ, разметавшій по воздуху всѣхъ и все, что только было въ крѣпости (6 сентября). Велѣвъ погresti мертвыхъ, Король составилъ планъ укрѣпленій Великихъ Лукъ, и поручилъ исполненіе его Итальянцу Рудольфинъ. И теперь главною причиною неудачи Россіянь было нерѣшительность и неускуство ихъ воеводъ. Такъ Московское войско, стоявшее подъ начальствомъ Хилкова у Торопца, не только не сдѣлало ни малѣйшаго движенія, дабы хотя потревожить осаждающихъ; но еще малодушно разсѣялось при встрѣчѣ съ легкимъ отрядомъ Королевскаго войска въ виду самого Торопца.

XCIX.

Еще изъ Усвятъ Стефанъ послалъ Полоцкаго воеводу Николая Дорогостайскаго къ Невелю, расположенному надъ озеромъ, обливающимъ его съ трехъ сторонъ. Неопытное войско, никогда не участвовавшее въ осадѣ крѣпостей, дѣйствовало крайне неуспѣшно; ибо не умѣя избрать приличнаго мѣста, вздумало начать осаду съ той стороны, съ которой именно замокъ защищенъ былъ наиболѣе; но тому же тамошній гарнизонъ, частыми вылазками наносилъ осаждавшимъ чувствительныя потери. Осада длилась и осаждающіе обратились на-

конецъ и сами въ осажденныхъ среди собственныхъ окоповъ. По всѣмъ соображеніямъ, Король не могъ оставить этого замка въ рукахъ Россіянъ. Пославъ сперва на помощь Литовцамъ 500 чело-вѣкъ изъ Чернаго полка, потомъ отправилъ туда же Яна Борнамиссу съ Венграми и наконецъ даже самого Замойскаго, узнавшаго уже на походѣ о покореніи Невеля. Борнамисса, прибывъ на мѣсто, сперва наступательными дѣйствіями принудилъ гарнизонъ заключиться въ замкъ; потомъ, приблизившись къ нему окопами, зажегъ его калеными ядрами. Коль скоро показался пожаръ, то гарнизонъ, не взирая на сопротивленіе своихъ воеводъ, положилъ оружіе. Огонь поспѣшно потушенъ и замокъ неповрежденный, со всѣми запасами, достался побѣдителямъ.

Для удержанія за собою покоренной страны, Стефану оставалось еще завладѣть двумя сосѣдственными замками Торонцемъ и Заволочьемъ, по крайней мѣрѣ послѣднимъ. Охраненіе Велижа, Усвятъ и Великихъ Лукъ предвѣщало огромныя трудности, тѣмъ болѣе, что Московскіе гарнизоны въ Торонцѣ и Заволочѣ, не только могли бы лишить ихъ всякаго продовольствія; но, еще болѣе, получивъ подкрѣпленіе изъ Россіи, могли бы снова завладѣть ими. Къ тому же, поселяне оказывали явные признаки непріязни къ побѣдителямъ. Вособенности живо беспокоило Короля Заволочье, которое, находясь на пути къ Пскову, служило бы большею помѣхою для будущаго, предполагаемаго Баторіемъ на Псковъ, похода. Междутѣмъ, завладѣніе Заволочьемъ казалось если не невозможнымъ,

то весьма сомнительнымъ: сильный замокъ, съ многочисленнымъ гарнизономъ, построенъ былъ на островѣ среди озера; къ тому же съ Октябремъ наступила мокрая и холодная осень. Потому, Король, выѣзжая въ Невель и посылая къ Заволочью Замойскаго, предоставилъ собственному его усмотрѣнію: осадить замокъ, или, по соображенію трудностей, возвратиться назадъ.

Вслѣдъ за королемъ поѣхали въ Невель и послы Іоанновы, находившіеся при немъ безотлучно со дня прибытія. Въ ожиданіи извѣстій отъ Замойскаго, Стефанъ придержался нѣкоторое время въ Невелѣ, куда наконецъ возвратились изъ Москвы съ письмами и инструкціями отъ Іоанна гонцы королевскій и посольскій, посланные въ Москву изъ подъ Великихъ Лукъ. Царь писалъ Баторію, что видя его рѣшительное намѣреніе владѣть Ливонією, считаетъ нужнымъ пояснить ему свои древнія природныя права на нее, и доказывалъ ихъ тѣмъ, что происходя по прямой линіи отъ Святослава Мстиславича, назывававшагося до принятія христіанства *Юргоми*, и основавшаго въ сѣверной Ливоніи городъ *Юрьевъ*, переименованный Нѣмцами въ Дерптъ, онъ имѣетъ всѣ права на обладаніе всею Ливонією. Условія для заключенія мира предлагалъ слѣдующія: дозволяя Баторію совмѣстно съ нимъ носить титулъ Ливонскаго, уступалъ ему четыре замка, изъ которыхъ важнѣйшіи Кокенгаузенъ; лишь бы только Король возвратилъ, въ замѣнъ ихъ, съ своей стороны, Великія Луки, Велижъ и Невель. Послы, получившіе особую инструкцію, просили Короля о дозволеніи вести пере-

говоры съ Сенаторами. Совѣщались три дня; Боаре уступали еще нѣсколько замковъ, исключая Динабурга; наконецъ объявили, что инструкціи ихъ истощены. Имъ позволено слѣдовать за Королемъ въ ожиданіи новыхъ изъ Москвы ⁽²³³⁾.

С.

Междутѣмъ, Замойскій чрезъ страну открытую и ровную пришелъ къ Заволочью, лежащему на пути изъ Великихъ Лукъ къ Пскову. Самый городъ сожженъ Русскими еще во время похода Баторіева на Великія Луки, остался только одинъ замокъ сильно укрѣпленный, построенный среди озера на островѣ и сообщавшійся съ городомъ посредствомъ моста, тоже уничтоженнаго. Осадное войско расположилось на полуостровѣ, въ виду котораго высился всѣмъ фасомъ сильный замокъ, съ тремя башнями, обнесенный двойною стѣною, занятый сильнымъ гарнизономъ, подъ начальствомъ мужественнаго Сабурова. Возвевъ противъ башенъ замка батареи, Замойскій приказалъ сдѣлать плотъ, на которомъ, переправилъ войско на замковый островъ. Венгры съ обычною горячностью бросились на приступъ, вырубивъ топорами первую стѣну, бросились ко второй и — вопреки приказанію Замойскаго: палить отсюда по амбразурамъ — начали рубить и ее также. Гарнизонъ смѣло вылазкою отбилъ ихъ съ чувствительнымъ урономъ. Со всѣмъ тѣмъ, Замойскій, донося обо всемъ откровенно Королю, увѣрялъ его въ успѣшномъ исходѣ осады.

Стефанъ, отправивъ въ помощь ему 900 Польской

конницы и 1000 Венгерской пѣхоты, выѣхалъ изъ Невели въ Полоцкъ, гдѣ, сраженный страшною болѣзнію ⁽³²⁴⁾ — которая перешевъ изъ Азіи въ Европу, опустошила Францію и Италію, откуда занесена была въ Литву и Польшу — заболѣлъ опасно.

Не смотря на все — на мужество гарнизона, на неприступность замка, на позднее осеннее время — паденіе Заволочья было неизбѣжно. Войско, видѣвшее однѣ побѣды, не думало объ отступленіи. Плоть расширенъ вавое и удлинень тоже, устроены лодки и направленъ новый съ двухъ сторонъ приступъ на замокъ, котораго междутѣмъ громили изъ всѣхъ орудій по фасу. Гарнизонъ, послѣ самой упорной защиты, сдалъ замокъ Замоискому, могшему не безъ основанія гордиться покореніемъ неприступной крѣпости. Занявъ ее Венгерскимъ войскомъ, Замоискій возвратился въ Литву — чѣмъ и заключились военныя дѣйствія 1580 года. Войско изнемогало отъ трудовъ; самъ Король лежалъ больной въ Полоцкѣ, и еще съ блѣднымъ лицомъ явился на сеймъ Варшавскій.

СІ.

1831-й годъ.

Россія казалась слабою, почти безоружною, имѣла до восьмидесяти становъ воинскихъ, наполненныхъ снарядами и людьми ратными, имѣла сверхъ того многочисленныя воинства полевые, готовыя устремиться на битву! Воеводы, смятенные нерѣшительностію Царя, сами опасались дѣйствовать рѣшительно, посылали отряды для наблюденія, для за-

щиты границъ, и только однажды дерзнули вступить въ непріятельскую землю: князя Михаилъ Котыревъ Ростовскій, Димитрій Хворостининъ, Щербатой, Туренинъ, Бутурлинъ, соединясь въ Можайскѣ, ходили къ Дубровиѣ, Оршѣ, Шклову (Чклову), Могилеву, Радомлю; выжгли уѣзды и посады этихъ городовъ, разбили Литовцевъ подъ стѣнами Шклова, гдѣ въ самыхъ воротахъ палъ мужественный воевода Бутурлинъ, и привели въ Смоленскъ множество плѣнниковъ: Іоаннъ далъ имъ золотыя медали; но не ободрился въ духѣ.

СII.

Послѣ сейма Король выѣхалъ въ Гродно, гдѣ встрѣтилъ его гонецъ царскій съ письмомъ отъ Іоанна, извѣщавшаго о выѣздѣ къ нему великихъ пословъ, которые въ самомъ дѣлѣ скоро прибыли. Бояре уступали уже всю Ливонію, удерживая лишь Нарву, Нейшлось, Нейгаусъ, Адсву и всю Полоцкую область. Но Король — соглашась возвратить Россіи всѣ прошлогоднія завоеванія, кромѣ Велижа и Себѣжа — послѣдній или уступить Польшѣ или срыть, въ послѣднемъ случаѣ Король съ своей стороны обязывался срыть Дриссу — требовалъ отъ Іоанна еще 400,000 злотыхъ за военныя издержки; о чемъ дозволилъ посламъ писать къ Царю.

Изъ Гродна Стефанъ выѣхалъ въ Дисну, гдѣ только впервые узналъ о нападеніи Московскихъ воеводъ на Могилевскій край; изъ Дисны прибылъ въ Полоцкъ, куда возвратился и гонецъ королевскій съ отвѣтомъ изъ Москвы. Послѣднее письмо

царское совѣтъ не походило на прежнія. Изъявивъ сожалѣніе, что Король не принялъ условій, предложенныхъ ему въ Невелѣ, Іоаннъ отказывалъ ему въ дальнѣйшихъ съ своей стороны уступкахъ. Напрасно выставляешь — писалъ Царь — издержки на взятіи Заволочья: развѣ я просилъ тебя объ этомъ? Какихъ требуешь отъ меня денегъ, вспомни: развѣ я твой данникъ? Царь не соглашался ни на срытіе Себѣжа; ибо кто могъ бы воспрепятствовать Королю со временемъ возстановить замокъ Дриссу? Іоаннъ злился за неприславіе къ нему пословъ королевскихъ, за что и съ своей стороны общалъ никогда не присылать своихъ. Укоряя Стефана за злохитростное созженіе Сокола какими-то огненными ядрами и въ лицемѣрной ласковости съ плѣнными, Іоаннъ выставлялъ нечеловѣческую жестокость и изувѣрство Стефаново, не щадѣвшую даже и мертвыхъ ⁽²³⁵⁾; наконецъ поносилъ въ выраженіяхъ не совѣтъ изысканныхъ, честь и личныя достоинства Стефановы.

Король приказалъ войску выступить изъ Витебска въ походъ на Псковъ. Завладѣвъ по пути Островомъ, войско Стефаново безпрепятственно пошло къ Пскову, и начало эту знаменитую осаду.

Въ теченіе ея начались переговоры о мирѣ, прерываемые неоднократно — чрезмѣрными требованіями съ одной и неуступчивостію съ другой стороны — и снова возобновляемые. Наконецъ, въ браннымъ станѣ Баторія, заключено было десятилѣтнее перемиріе, отъ 6-го января 1582 г., по которому послы Іоанновы, Елецкій и Олферьевъ, отказались отъ Ливоніи, уступили я Полоцкъ съ Вели-

жемъ; а Баторій согласился не требовать отъ Іоанна вознагражденія за военныя издержки, и между прочимъ возвратилъ Іоанну Великія Луки, Заволочье, Невель, Себѣжъ, Холмъ, Островъ, Красный, Изборскъ, Гдовъ и всѣ другіе, занятые имъ Псковскіе пригороды. Такъ кончилась эта война трехлѣтняя, не столь кровопролитная, сколь несчастная для Россіи.

СІІІ.

Не смотря на перемиріе нападенія и грабежи еще продолжались долгое время. Литовскіе воеводы силою занимали мѣста въ уѣздахъ Торопецкомъ, Луцкомъ, Велижскомъ; не было ясныхъ границъ между обѣими державами; обижали, безчестили Московскихъ чиновниковъ. Стефанъ въ ласковыхъ сношеніяхъ съ Царемъ, то находилъ жалобы его справедливыми — обязываясь немедленно унять дерзость Литовскихъ чиновниковъ — то винилъ Россіянъ, оправдывая своихъ — и принудилъ Іоанна послать на границу въ сентябрѣ 1583 г., 2000 Дѣтей Боярскихъ и стрѣльцевъ, чтобы защитить ея жителей отъ дальнѣйшихъ утѣсненій Витебскаго воеводы Паца, который даже основалъ новую крѣпость въ предѣлахъ Россійскихъ.

КНИГА ДЕВЯТАЯ.

Борьба за Малороссію.

Постепенное угнетеніе Православія въ Литвѣ. — Унія. — Убіеніе въ Витебскѣ Архіепископа Іосафата Кунцевича. Унія въ Малороссіи. — Хмѣльницкій волнуеъ Литву и Бѣлоруссію. — Усмиреніе. — Поддавство Малороссіи. — Борьба Алексѣя съ Казиміромъ. — Первый походъ: взятіе Смоленска, покореніе Бѣлоруссіи. — Второй походъ: покореніе Литвы, взятіе Вильны. — Король Шведскій вторгается въ Польшу. — Виленскій договоръ. — Третій походъ. — Оливскій договоръ. — Успѣхи Польши. — Подвиги Польскихъ полководцевъ. — Мѣстничество губить Московскихъ воеводъ. — Война продолжается. — Миръ.

CIV.

Война кончилась; но не одна только вѣковая, неуставившая война терзала этотъ злополучный край; настала война другаго рода — преслѣдованіе за вѣру, не менѣе тяжкое для жителей и края.

Уже со времени Городельскаго, въ 1432 г., при Ягеллѣ Сейма, успѣхи православія встрѣтили сильныя препятствія; въ XVII же столѣтіи открылось и явное его преслѣдованіе. Ягелло — поклявшійся не только язычниковъ обратить къ католицизму, но

и православныхъ привести къ единству съ Римскою церковію — первый назвалъ ихъ схизматиками ⁽²³⁶⁾; а Витольдъ даже церкви Православныя называлъ синагогами ⁽²³⁷⁾.

Въ 1436 г. учрежденъ *Трибуналъ Святой Инквизиціи* съ правомъ отыскивать и карать въ Литвѣ еретиковъ и отщепенцевъ ⁽²³⁸⁾. Однакоже, еще не было явнаго преслѣдованія православныхъ; хотя въ концѣ XV столѣтія и обнаружались припадки нетерпимости въ Литовскомъ Княжествѣ: Бернардины, для обращенія православныхъ, разсѣялись по всей Литвы и Іосифъ Солтанъ, возведенный изъ Смоленскаго Архіепископа въ санъ Кіевскаго Митрополита, унитъ ревностный — еще въ 1476 г. совершившій посольство отъ имени духовенства Русско-Литовскаго къ Папѣ Сиксту V ⁽²³⁹⁾ — уже начиналъ тревожить церковь греческую. Преслѣдованія усилились вособенности со времени вступленія на престолъ Польскій Сигизмунда III въ 1587 г., который, по свидѣтельству самихъ историковъ Польскихъ, не отличался христіанскою вѣротерпимостію ⁽²⁴⁰⁾. Наконецъ, въ 1595 году, совершилась и знаменитая Унія: Кіевскій митрополитъ и пять епископовъ, въ томъ числѣ Полоцкій Архіепископъ Германъ, подчинили себя Папѣ. Съ этаго времени началось явное преслѣдованіе православныхъ, не столько католиками, сколько духовными уніятами.

Бывъ дѣломъ не многихъ лицъ, руководимыхъ личными видами, унія въ самомъ началѣ находила приверженцевъ только въ такихъ лицахъ, которые, подобно Рагозѣ, Терлецкому и Поцѣю, искали мірскихъ выгодъ. Православный народъ ропталъ явно

на такую неслыханную новость. Езуиты однакожъ не унывали ⁽²⁴¹⁾. Руководимый совѣтами ихъ и слѣпою привязанностію къ Римскому двору, Сигизмундъ III спѣшилъ довершить начатое дѣло : онъ принялъ за правило не дозволить посвященія въ митрополиты и епископы людей, отвергавшихъ унію ; отдавалъ уніатамъ богатѣйшіе монастыри и приходы ; оказывалъ имъ при всякомъ случаѣ явное доброжелательство, притѣсняя православныхъ ; возводилъ на степени государственныхъ сановниковъ преимущественно послѣдователей уніи. Неминуемымъ слѣдствіемъ такой политики были непримиримая ненависть обѣихъ партій ; одна старалась уничтожить другую : ибо вмѣстѣ существовать не могли. Уніаты, дѣйствуя въ духѣ Езуитовъ , для собственной безопасности , еще болѣе изъ видовъ корыстолюбія , всѣми средствами старались умножать число своихъ послѣдователей, и — находя въ судахъ гражданскихъ , епископскихъ , на сеймахъ , въ сенатѣ , въ Королѣ , усердныхъ покровителей — преступали нерѣдко предѣлы справедливости. Ненависть ихъ преимущественно устремлялась на служителей церкви, недоступныхъ соблазну : всѣ непоколемые въ православіи подвергались всякаго рода оскорбленіямъ ; съ безчестіемъ были изгоняемы изъ приходовъ , по ложнымъ доносамъ предавались суду , и нерѣдко оканчивали жизнь въ оковахъ. Цѣлые округа оставались безъ священниковъ ; церкви были заперты или разрушены ; нѣкоторые обращены въ шинки , въ конюшни ; мертвыхъ некому было отпѣвать ; младенцевъ крестить. При такихъ насильственныхъ мѣрахъ распространилась унія ⁽²⁴²⁾.

CV.

Въ 1618 году, въ санъ архіепископа Полоцкаго владыки Витебскаго и Мстиславскаго возведенъ былъ Іосафатъ Кунцевичъ, отличавшійся истинно фанатическою приверженностію къ уніи. Движимый презрѣннымъ усердіемъ къ ней, началъ жестоко преслѣдовать православныхъ, возбуждалъ на нихъ вельможъ Литовскихъ, и наконецъ забылся до того, что осмѣлился увѣщевать самого Короля закрыть церкви православныя, а жителей этого исповѣданія, какъ злыхъ и неисправимыхъ еретиковъ, топить, рѣзать, вѣшать, жечь на кострѣ. Отвѣтъ ему канцлера Литовскаго Льва Сапѣги, отъ 12 Марта 1622 года, лучше всего обнаруживаетъ и духъ уніи и положеніе православныхъ ⁽²⁴²⁾. Православные храмы въ Полоцкѣ, Витебскѣ, Оршѣ, Могилевѣ были закрыты. Жители, доведенные наконецъ до отчаянія безбожными гоненіями Іосафата, начали обнаруживать сперва нетерпѣніе, а послѣ и сопротивление, къ чему еще болѣе подстрекнуло ихъ слѣдующее обстоятельство. Патріархъ Іерусалимскій Теофилъ, бывшій въ то время въ Россіи, посвятилъ отъ себя на Полоцкую архіепископію Герасимовича — извѣстнаго впоследствии подъ именемъ Милетія Смотрицкаго — который, явившись 3 марта 1621 года въ Витебскую Ратушу съ подложнымъ, какъ думаютъ, письмомъ королевскимъ къ гражданамъ Витебскимъ, громогласно обвинилъ Іосафата въ апостазіи. Теперь граждане Витебскіе дерзко отказались отъ всякаго повиновенія Кунцевичу; со-

ставили актъ , передавшій церкви и священниковъ Милетію Смотрицкому , котораго признали своимъ истиннымъ пастыремъ. Витебской воевода Николай Завиша поспѣшилъ въ городъ , чтобы возстановить порядокъ , и когда собралъ судъ въ Ратушѣ надъ мятежными жителями , то послѣдніе съ воплемъ угрозы бросили свои шапки въ кучу предъ ратушею въ знакъ непослушанія , и въ слѣдъ за этимъ обнаружилось явное возстаніе. Хотя же оно и подавлено было мѣрами энергическими , хотя церкви снова были возвращены Кунцевичу , со всѣмъ тѣмъ не прекращалось явное неповиновеніе ему : жители не ходили въ храмы уніятскіе и , въ 1623 году , построили для частныхъ сборищъ два балагана — одинъ на Заручевѣ , другой на лѣвомъ берегу Двины противъ Пречистенской церкви и дома Владыки. Тамъ собирались по ночамъ граждане , оттуда слышались ихъ грозные вопли противъ гонителя ихъ вѣры. Наконецъ , неповиновеніе обратилось въ явное возмущеніе и кончилось убійствомъ : 12 ноября 1623 года — то было воскресенье — когда Кунцевичъ , въ 8 часовъ утра , возвратился съ заутрени въ домъ свой , находившійся тутъ же возлѣ Пречистенской церкви , толпы разъяреннаго народа , въ нѣсколько тысячъ человекъ , съ яростнымъ воплемъ устремились на домъ владыки , окружили его , обложили соломой и зажгли ; самаго же Кунцевича умертвили ударомъ топора въ голову. Изступленная чернь позволила себѣ всякія безчинства и поруганія надъ тѣломъ Владыки : влчили его по двору , сорвавъ съ него одежду , обнажили тѣло , на которомъ осталась лишь одна власяница ; потомъ сбросивъ его съ го-

ры Пречисенской и положивъ въ лодку, вывезли тѣло по Двинѣ за городъ, въ двухъ или трехъ верстахъ ниже котораго — привязавъ къ шеѣ, ногамъ и рукамъ тяжелые камни—сбросили его на дно Двины. Какъ бы ни былъ жестокъ Кунцевичъ—но своеволие, бунтъ и наконецъ такое злодѣяніе не могло быть оставлено безъ примѣрнаго наказанія, и Король, немедленно нарядилъ въ Витебскъ комиссію, изъ: воеводы Виленскаго и старосты Могилевскаго Льва Сапѣги, кастелана Мстиславскаго Христофора Друцкаго-Соколинскаго, референдарія и писаря Великаго Княжества Литовскаго Александра Корвина-Гонсѣвскаго; старосты Оршанскаго, Черейскаго и Пропойскаго Богдана Сапѣги и наконецъ Витебскаго воеводы Николая Завишы. Изъ протокола этой комиссіи—хранящагося въ Витебскомъ Городовомъ Магистратѣ—видно, что еще въ 1621 году составилъ противъ Юсафата заговоръ, въ которомъ приняли участіе даже жители Орши, Могилева, Полоцка и самой Вильны; члены Городоваго Совѣта также участвовали въ немъ. Душею же заговора были: писарь Гурко, священникъ Каменецъ, бургомистры Наумъ Волкъ и Семень Ныша и особенности нѣкто Петръ Васильевъ Полочанинъ. Коммисія, падя менѣе виновныхъ, осудила 75 человекъ на смертную казнь, изъ котырыхъ болѣе 50 успѣли гдѣ-то на время скрыться. Витебскъ лишенъ права Магдебургскаго и всѣхъ вообще правъ и преимуществъ, дарованныхъ его жителямъ; городъ подчиненъ воеводскому, военному управленію; снятъ и вѣчевой колоколъ — знакъ преимуществъ и свободы города, говорятъ — неутѣшно ры-

даваго при этомъ; ратуша обращена въ кабакъ; соборную Пречистинскую церковь, при которой совершено было преступленіе, велѣлъ сломать и вмѣсто ея для уніатовъ выстроить въ большомъ размѣрѣ и болѣе великолѣпную на счетъ гражданъ Витебска; на колокольніѣ ея повѣшенъ большой колоколъ — сплавленный изъ бывшихъ колоколовъ прежней церкви и вѣчеваго, взятаго, изъ Ратуши — а на немъ надпись свидѣлствуетъ предъ потомствомъ о преступленіи гражданъ Витебскихъ, которые всячески старались заслужить прощеніе и, за сраженіе подъ Кошевичами противъ Казаковъ, были прощены Владиславомъ IV, возвратившимъ имъ прежнія права и преимущества.

CVI.

Алексѣй Михайловичъ — подобно Димитрію Донскому, Іоанну III, Іоанну Грозному — старался возстановить землю Русскую въ древнихъ ея предѣлахъ, сосредоточить ее въ одно цѣлое и кончить вѣковой споръ Россіи съ Польшею за Литовское Княжество для блага обѣихъ державъ⁽²⁴⁴⁾. Поводомъ къ войнѣ послужила Малороссія, гдѣ Сигизмундъ III насильственнымъ образомъ и мѣрами жестокими началъ вводить унію. Бѣлоруссія, Волынь и Галиція безмолвно сносили страданія по этому поводу, не находя средствъ къ сверженію ига; но Малороссія не стерпѣла своихъ бѣдствій: она имѣла ревностныхъ защитниковъ своей вѣры, своихъ уставовъ, въ собственныхъ сынахъ, въ казакахъ.

Признавъ своимъ покровителемъ Польскаго Короля, Казаки не требовали отъ Рѣчи Посполитой ничего, кромѣ свободы бить невѣрныхъ и неприкосновенности уставовъ, дарованныхъ имъ Баторіемъ. Сигизмундъ III вздумалъ отнять у нихъ и то и другое. Въмѣсто того, чтобы пользоваться мужествомъ Казаковъ, и образовать изъ нихъ оплотъ для Польши отъ вторженія Крымскихъ Татаръ, Сигизмундъ видѣлъ въ нихъ только виновниковъ вражды Польши съ Крымомъ. Въ самомъ дѣлѣ, считая, подобно рыцарямъ среднихъ вѣковъ, войну съ невѣрными главною цѣлью всѣхъ мыслей и желаній, витеззи Малороссійскіе стекались въ Запорожье, не давали покоя ни Туркамъ, ни Татарамъ и отважными поисками въ Черномъ морѣ накликав на Польшу месть самого Султана, коего она страшилась, какъ опаснѣйшаго непріятеля. Но принятые Королемъ мѣры къ обузданію воинственныхъ дѣтей Малороссіи только раздражили ихъ: Сигизмундъ хотѣлъ лишить ихъ того, чѣмъ болѣе всего они дорожили: воли и вѣры. Притисненія начались уже съ 1589 года и когда они лишь еще болѣе раздражили казаковъ, то Король, дѣйствуя вопреки здравой политикѣ, вознамѣрился ввести въ Малороссію Унію, по мнѣнію его лучшее средство къ обузданію Казаковъ. По волѣ его, Станиславъ Жолкѣвскій съ многочисленнымъ Польскимъ войскомъ вступилъ въ Малороссію, требуя, чтобы Казаки обязались присягою въ повиновеніи коронному Гетману и признали Папу со всѣми постановленіями Брестскаго собора. Всеобщій ропотъ Малороссіи былъ отвѣтомъ воззванію Уніатовъ. Ка-

заки превозгласили своимъ гетманомъ храбраго Наливайку, встрѣтили Жолкѣвскаго близъ Чигирина, разбили, опустошили Волюнь и Бѣлорусію ⁽²⁴⁵⁾.

СVII.

1648-й годъ.

Въ началѣ царствованія Алексѣя Михайловича, бѣдствія Малороссіи достигли крайняго предѣла. Она не стерпѣла — Хмѣльницкій, лично оскорбленный Польскими вельможами, поднялъ оружіе противъ Польши и — чтобы развлечь ея силы — началъ волновать сосѣдственныя области Литвы и Бѣлоруссіи, приглашая народъ тамошній, равно угнетенный, принять участіе въ борьбѣ съ общимъ угнетителемъ. Антонъ Небаба, родомъ изъ Корыстышева, первый началъ поднимать поселянъ и горожанъ противъ Польскаго правительства. Вскорѣ къ нему присоединились два другіе такіе же предводители, Напаличъ и Хвесько (Федоръ); собравъ въ короткое время до 30,000 вооруженныхъ людей, завладѣли Стародубомъ, Гомелемъ, Лоевомъ и Брагиномъ, которыхъ жители православные сами добровольно отдали имъ эти города. При первомъ извѣстіи о вспыхнувшемъ возстаніи, больной Гетманъ Литовскій Радзивиллъ послалъ нѣсколько хоругвей : Гостѣвскаго, Волловича, Невяровича и другихъ противъ инсургентовъ, и — настигнувъ ихъ за Припетью — разбили на голову. Пинскъ, отказавшійся выдать казацкихъ предводителей, взятъ

былъ приступомъ, и уничтоженъ вмѣстѣ съ жителями (246).

Волненіе утихло — но не надолго; оно вспыхнуло еще съ большою силою при первомъ извѣстіи о пораженіи Польскаго войска подъ Пилавцами. Народъ замѣтно вооружался, и значительныя силы инсургентовъ пытались было завладѣть укрѣпленными городами Слуцкомъ — вотчиною Радзивилловъ и Быховомъ — вотчиною Сапѣговъ; послѣдній успѣлъ отстоять тамошній управитель Сосновскій; а Лука Ельскій отбилъ отъ Слуцка казацкаго полковника Гладкаго, присланнаго Хмѣльницкимъ для предводительствованія возстаніемъ, человѣка искуснаго въ военномъ дѣлѣ, успѣвшаго въ короткое время изъ нестройной толпы инсургентовъ образовать довольно изрядное войско.

Дѣла принимали болѣе и болѣе грозный видъ; прибытіе самого Гетмана Радзивилла, опытнаго и знаменитаго полководца, воодушевило королевское войско, успѣвшее къ осени возвратить Чернобыль, Городокъ, Могилевъ и прочія города за Днѣпромъ и Березиною, занятые инсургентами. Но Рѣчица и Мозырь защищались до послѣдней крайности. Не смотря на несчастную участь жителей Мозыря, отвергшихъ всепрощеніе и истребленныхъ до единого, не смотря на позорную казнь казацкаго полковника Михненко, защищавшаго этотъ городъ, жители Бабруйска, предводительствуемые тоже казацкимъ полковникомъ Подубичемъ, вторично подняли знамя возстанія. Но, устрашенные прибытіемъ самаго Гетмана и получивъ отъ него завѣщеніе во всепрощеніи, согласились выдать казацкихъ

начальниковъ и всѣхъ предводителей возстанія, которые, избѣгая позорной казни, добровольно погибли въ пламени собственныхъ жилищъ, ими же зажженныхъ ⁽²¹⁷⁾.

CVIII.

1649-й годъ.

Однако, возстаніе не унималось; при помощи агентовъ Хмѣльницкаго, посылавшаго ихъ во множествѣ, оно проявлялось съ обыкновенною силою во многихъ мѣстахъ. Хмѣльницкій, готовясь продолжать борьбу съ Польшею, высылалъ въ Литву и Бѣлоруссію и агентовъ и казаковъ. Какъ сильно волновался народъ въ то время — то объ этомъ свидѣлствуютъ наивныя слова одного безыменнаго современнаго лѣтописца — который — удивлялся тому, что въ то время, когда правительство едва могло найти для себя воиновъ, стоявшихъ ему дорого — говорить: а инсургенты напротивъ, не получая ни жалованья, ни провіанта, добровольно собираются огромными массами, не терпятъ ни въ чемъ недостатка и еще шумятъ *какъ мыши въ чужомъ хлѣбѣ* ⁽²⁴⁸⁾.

Предупреждая возстаніе, гетманъ расположилъ свое войско около Днѣпра на зимнія квартиры. Это не понравилось Хмѣльницкому, отрядившему противъ него полковника Голоту, успѣвшаго оттѣснить Литовскія хоругви отъ Припети за правый берегъ Днѣпра. Но этимъ и кончились подвиги Голоты: вскорѣ окруженный Госѣвскимъ погибъ съ

7,000 войска на одномъ островѣ среди болотъ Припяти.

Современный лѣтописецъ наивно уподобляетъ возстаніе гидрѣ, у которой вмѣсто одной отрубленной головы вырастаетъ нѣсколько новыхъ; такъ и на мѣсто Голоты явилось много другихъ, присланныхъ Хмѣльницкимъ, подѣ начальствомъ Кржековского и Подобайлы. Не оставаясь долго между Припятью и Днѣпромъ — въ странѣ съ равною жестокостію опустошенной Казаками и Поляками — Кржековский съ 14,000 войска направился въ Литву; но, разбитый на голову Радзивилломъ подѣ Лоевомъ, отошелъ къ Днѣпру и, въ ожиданіи помощи отъ Подобайлы, засѣлъ среди болотъ неприступныхъ. Наконецъ, не утомимо обезпокоиваемый непріателемъ, вступилъ съ нимъ въ рѣшительную битву, въ которой погибъ онъ со всѣмъ своимъ войскомъ. Подобная же участь постигла и Подобайлу, везшаго на байдакахъ по Днѣпру до 12,000 войска, которое вмѣстѣ съ нимъ истреблено среди окоповъ, подѣ защитою которыхъ высадился на берегъ. «Посчастливилъ Господь — говоритъ Лѣтописецъ — въ этомъ году Литовскому войску, истребившему болѣе 30,000 инсургентовъ (!)» ⁽²⁴⁹⁾.

Наконецъ Зборовскій договоръ — по которому Польша обязалась уничтожить унию въ Малороссіи, выгнать оттуда Евреевъ и выслатъ Езуитовъ, уравнять права православныхъ съ католиками, возвратить прежнія права и преимущество Казакамъ — умиралъ на нѣкоторое время Малороссію. Границы, опредѣленныя этимъ договоромъ включили въ себя и значительную часть нынѣшней Могилевской гу-

берніи именно: по Дитѣпру до Быхова, оттуда въ р. Сожь и Сожью до уѣзда Смоленскаго (¹²⁰). Гетману Радзивиллу — въ награду за его услуги, оказанныя имъ въ эту войну Рѣчи Посполитой — Сеймъ пожаловалъ въ вѣчное и потомственное владѣніе Невель и Себѣжъ съ волостями.

CIX.

1654-й годъ.

Счастіе уже начало измѣнять дѣлу Малороссіи; Хмѣльницкій, претерпѣвъ неоднократныя пораженія и не видя возможности устоять противъ Польши собственными силами, просилъ Алексѣя Михайловича принять Малороссію въ свое подданство. Еще въ началѣ его царствованія, жители Малороссіи, доведенные до отчаянія безбожными гоненіями Польскихъ магнатовъ, умоляли Царя принять ихъ въ свое подданство. Но Царь, уважая святость договоровъ, внявъ и справедливымъ мольбамъ Хмѣльницкаго на первый разъ согласился лишь быть посредникомъ: Хмѣльницкому совѣтовалъ примириться съ Польшею; Казиміру, чрезъ торжественное посольство, объявилъ, что онъ согласенъ забыть личныя обиды, въ коихъ онъ не получилъ удовлетворенія, если Польское правительство дастъ миръ Малороссіи. Но, получивъ въ отвѣтъ одни лишь упреки Польскихъ сенаторовъ, Царь не хотѣлъ долѣе медлить и принялъ Малороссію въ подданство, въ 1654 г.; но право владѣть ею надлежало еще утвердить оружіемъ.

Алексѣй Михайловичъ, предупреждая враговъ,

спѣшилъ нанести Польшѣ рѣшительный ударъ. Многочисленное войско, болѣе 200,000, вступило въ земли подвластныя Казимиру, четырьмя арміями: главныя силы, подъ личнымъ начальствомъ государя, двинулись къ Смоленску, бояринъ Шереметевъ устремился на Литовско-Русскіе города по Двинѣ т. е. въ нынѣшнюю Витебскую губернію; князь Трубецкой на Могилевъ и всю его нынѣшнюю губернію; Казаки на города Сѣверскіе.

СХ.

Устрашенные Поляки не хотѣли вѣрить слухамъ о вторженіи Россіянъ въ Литовскіе предѣлы, считали баснею вѣсти объ этомъ. Царское войско обложило 27-го мая, Смоленскъ, куда прибылъ и наказной гетманъ Золоторенко. Комендантомъ города былъ Филиппъ Обуховичъ, человекъ неспособный и незнакомый съ военнымъ дѣломъ; 2,000 войска подъ начальствомъ Вильгельма Корфа составляли гарнизонъ самой крѣпости, сверхъ 4,000 шляхты. Россіяне, подъ руководствомъ иностранныхъ инженеровъ, начали вѣсти траншеи и дѣлать редуты, которые, не смотря на смѣлыя вылазки осажденныхъ, сдѣлались выше городскихъ стѣнъ, отчего дѣйствіе артиллеріи сдѣлалось еще болѣе разрушительнымъ: запылали магазины, казармы и дома; гарнизонъ быстро уменьшался и среди всякихъ немовѣрныхъ трудностей жестокой осады огромными силами непріятеля, началъ упадать духомъ. Одинъ изъ городскихъ пушкарей, оставивъ жену и дѣтей, передался Россіянамъ и передалъ имъ тайну, что,

возлѣ воротъ надъ Днѣпромъ, вода подмыла стѣну, которую поэтому легко развалить. Потому, 6-го іюля передъ самымъ свѣтомъ, припущенъ штурмъ къ городу, вособенности къ Михайловскимъ воротамъ, которыми едва не завладѣли Казаки; но, зажженная осажденными, мина разметала ихъ по воздуху. Со всѣмъ тѣмъ паденіе Смоленска было неизбежно: траншеи болѣе и болѣе стѣсняли городъ, а неискusstvenный Обуховичъ запретилъ вылазки, чтобы избѣжать траты людей. Тщетно ропталъ гарнизонъ, что неспособный воевода, не понимающій военного дѣла, погубить и городъ и войско. Такъ и случилось, 29-го сентября, малодушный Обуховичъ, не смотря на сопротивленіе Корфа, сдалъ городъ на капитуляцію.

Въ слѣдъ за взятіемъ Смоленска, общимъ потокомъ побѣды, говоритъ историкъ того времени, увлечены были: Витебскъ, Полоцкъ, Быховъ, Орша Шкловъ, Могилевъ, Невель, Рѣчица, Мозырь, Гомель и Мстиславль ⁽²⁸¹⁾. Жители послѣдняго почти все до единого были истреблены жестокимъ Трубецкимъ; потому еще до настоящаго времени Мстиславцы слывуть въ народѣ *недосѣлками*. Тщетно Литовскій Гетманъ Радзивиллъ старался удержать быстрое стремленіе Россіянъ: хотя и успѣлъ разбить Черкасскаго подъ Шкловомъ, но за то самъ пораженный подъ Рогачевомъ (Шепотовичами) едва успѣлъ уйти отъ рукъ Трубецкаго, удалился къ Нѣману, оставивъ все пространство между Березиною и Дѣсною во власти Россіянъ; въ Варшавѣ прежде узнали о его пораженіи, нежели о побѣдѣ.

СХІ.

Казаки, которыхъ не умѣла сберечь для себя Польша, принимали теперь дѣятельное участіе въ завоеваніи ея. Послѣ покоренія Смоленска, Золоторенко выступилъ въ Бѣлоруссію, переправился чрезъ Сожъ и осадилъ Гомель. Этотъ городъ принадлежалъ прежде Малороссіи; въ немъ находился отрядъ Казаковъ подъ начальствомъ сотника Аванасія Зниченка; Поляки отняли городъ, Казаковъ истребили до единого, и заняли Гомель сильнымъ гарнизономъ, защищавшимся, упорно противъ всѣхъ силъ Золоторенки. Гетманъ сперва подступилъ къ замку, стоявшему на высокомъ, почти неприступномъ холмѣ, защищенному оврагомъ и рѣкою. Обложеніе нѣсколькихъ дней было безуспѣшно; идти на приступъ казалось безуміемъ и вѣрною гибелью. Необходимо нужно было прибѣгнуть къ другимъ средствамъ. Золоторенко встанулъ на Спасскую церковь нѣсколько мортиръ и пушекъ; бомбы и ядра полетѣли внутрь замка, наполнившагося пламенемъ. Поляки рѣшились сдѣлать вылазку и зажечь Спасскую церковь; или пасть смертію храбрыхъ. Ворота замка растворились: густою колонною рѣшительно и смѣло двинулись осажденные на городъ; но вскорѣ окруженные многочисленнымъ врагомъ, погибли всѣ въ рукопашномъ боѣ.

Изъ Гомеля Золоторенко выступилъ къ Быхову, также отнятому у Казаковъ. Размѣстивъ войско въ окрестныхъ селеніяхъ, посылалъ ежедневно отряды для наблюденія за городомъ. Ночью, въ праздникъ

трехъ королей (6-го января), когда Поляки, послѣ молитвы пировали, Золоторенко приступилъ къ замку Быховскому. Оттепель, случившаяся въ то время, ему благопріятствовала: снѣговые намѣты подъ стѣнами облегчили доступъ внутрь замка. Завладѣвъ имъ, Казаки открыли пальбу по городу. Вытѣсненный изъ замка гарнизонъ, соединившись съ отрядомъ, находившимся въ городѣ, пытался было возвратить замокъ, но безуспѣшно; оставилъ Быховъ съ намѣреніемъ пробраться въ Литву, по Минской дорогѣ. Но окруженный Казаками, жившими по деревнямъ, послѣ долговременной и мужественной защиты, сдался въ плѣнъ, и былъ отправленъ къ Царю.

Словомъ, самый блестящій успѣхъ былъ слѣдствіемъ мѣръ принятыхъ Алексѣемъ Михайловичемъ: войска его, скорѣе чѣмъ въ полгода овладѣли всѣмъ нынѣшнимъ Бѣлорусскимъ краемъ и значительною частію Литовскаго княжества. Города Литовскіе, не имѣя ни средствъ ни охоты защищаться славались ему большею частію добровольно.

СХІІ.

1664-й годъ.

Междутѣмъ Польша обратила на себя оружіе другаго врага, не менѣе опаснаго, Карла X, мстившаго Казимиру за удержаніе имъ титула короля Шведскаго. Въ одинъ походъ онъ завоевалъ всѣ Польскія области на лѣвомъ берегу Вислы.

Польша была въ оцѣпненіи: пользоваясь слабо-

стию ея Русскія войска , снова вторглись въ Литовскія владѣнія и, разбивъ Литовскую армію подъ начальствомъ Раздзивилла въ мартѣ на Березинѣ, заняли безъ боя Минскъ , Ковно , Пинскъ , Гродно , Вильно и почти все Литовское княжество ; между тѣмъ Хмѣльницкій съ царскимъ воеводою Бутурлинымъ опустошилъ Польшу и Галицію до самаго Люблина.

Такимъ образомъ завоевана была вся Бѣлоруссія и большая часть Литовскаго княжества: взято до 200 городовъ, мѣстечекъ и укрѣпленныхъ замковъ. Витебскъ, Полоцкъ, Минскъ, Вязьма , Дорогобужъ, Бѣлый, Рославль, Мстиславль, Могилевъ, Чечерскъ, Шкловъ, Пропойскъ заплатили контрибуцію. Алексѣй Михайловичъ свѣдавъ объ окончательномъ покореніи Бѣлоруссіи принялъ титулъ : *вселя Великія, Малыя и Бѣлыя Россіи Самодержца* ⁽²⁵²⁾.

Оставя гарнизоны по крѣпостямъ и стражъ по границамъ , Хованскій и Золоторенко пошли на зимовье въ средину Бѣлоруссіи. Золоторенко проходилъ чрезъ Старый Быховъ. Органистъ Томашъ, засѣвъ на колокольнѣ какой то церкви , далъ выстрѣлъ изъ ружья и — безбоязненный предводитель казаковъ, любимецъ счастья и Хмѣльницкаго, упалъ мертвый , пораженный какою то таинственною пулею невидимаго врага: она была серебрянная. Органиста схватили , взяли на допросъ : онъ сознался, что его къ этому подговорили ксендзы католическіе; они дали ему пулю, отлитую изъ серебра священной чаши , пулю освященную , носящую на себѣ таинственныя слова и заклинанія и посулили царство небесное, награду мученическую; а дѣтамъ его вос-

питаніе въ школѣ езуитской. Дѣйствительно, на пулѣ найдены начертанія словъ Латинскихъ. Золоторенко повезли въ Корсунь, на его родину. Въ тамошней церкви, вмѣ же построенной, началось погребеніе. Но едва приступили къ послѣднему обряду, громовой ударъ зажегъ церковь: люди бросились къ выходу, духовенство за ними; всѣ столпились у дверей; множество посѣтителей задохлось и погибло. Тѣло Золоторенки съ священствомъ и многочисленнымъ народомъ, осталось добычею пламени. Преданіе — вселенное народу, какъ думаютъ, Римскимъ духовенствомъ—говоритъ, что онъ былъ *характерикъ*, имѣлъ на войнѣ силу необычайную и за услуги, оказанныя ему отъ ада, взять адомъ съ полнымъ торжествомъ дѣвольскимъ ⁽²⁵³⁾.

Послѣ взятія Вильна, жители Литовскаго княжества скрывались въ дремучихъ лѣсахъ и неприступныхъ болотахъ. Но войско Московское не пошло далѣе, его удержали успѣхи Шведовъ въ Польшѣ и подданство Литвы Карлу X. Радзивиллъ, не смотря на сопротивленіе многихъ благомыслящихъ вельможей, предалъ Литву Швеціи, а губернаторъ Ливоніи де-ла-Гарди принялъ ее отъ имени Короля Шведскаго, на тѣхже условіяхъ, на которыхъ Литва соединена была съ Польшею. «Удивится потомство» говоритъ современный историкъ ⁽²⁵⁴⁾. «Когда узнаетъ объ этомъ позорномъ поступкѣ — поступкѣ, совершенномъ только четырьмя вельможами. Еще бы не такъ было больно, если бы на это рѣшилась угнетенная чернь, простой народъ; или, если бы Литву предала Шведамъ мелкая и бѣдная шляхта; но виновниками этого безпримѣрно

постыднаго поступка былъ Разивилъ, Радзѣвскій, Грузинскій и Опалинскій—воеводы и сенаторы, обладавшіе несмѣтными богатствами. Шведы, принимая подданство Литвы, обязались очистить владѣнія ея отъ Россіянъ; однако же Москва не переставала воевать, хотя нѣсколько и пріостановилось ея побѣдоносное стремленіе. Для чего было призывать Шведовъ, когда Литовское войско гораздо превышало Шведское? Въ Литвѣ было только 3000 Шведовъ, а Литовцевъ 30,000; а было бы ихъ и несравненно болѣе, если бы горделивый Радзивилъ, всегда лишь только спорившій съ Королемъ и замышлявшій стать выше его, не презиралъ простымъ народомъ, и призвалъ его къ оружію. Ну, какъ не скорбѣть о томъ, что добрый Король справедливою казнію давно уже не повергъ во прахъ гордаго чела Радзивиллова (255).

СХІІІ.

1856-й годъ.

Междутѣмъ Поляки, наскучивъ желѣзнымъ игомъ Шведовъ, опомнились и упросили Короля возвратиться въ отечество. Злополучный Янъ Казиміръ — среди обстоятельствъ, грозившихъ порабощеніемъ его королевству — обратился къ великодушію Россійскаго Монарха, къ которому отправилъ маршала Оршанскаго Петра Галиньскаго. «Мы приведены — писалъ онъ къ Алексѣю Михайловичу — до скорбной участи оплакивать жестокою, постигшую насъ судьбу и бѣдствія, ниспосланныя на насъ небомъ. Такое двухлѣтнее пролітіе крови христіанской,

низпроверженіе алтарей, поруганіе святиль, разграбленіе монастырей, сносимъ мы съ глубокою горестію, относя все это къ несповѣдимымъ судьбамъ Провидѣнія, дарующаго власть и силу и низпроверяющаго въ мгновеніе могущество народовъ. Мы не думаемъ, чтобы Ваше Царское Величество, по доброй волѣ подняли на насъ оружіе; нѣтъ, мы приписываемъ это наущенію хитраго сосѣда нашего Короля Шведскаго и еще нѣкоторыхъ недовольныхъ нашихъ подданныхъ.» Наконецъ, при посредничествѣ Фердинанда III, заключенъ былъ уполномоченными отъ обѣихъ сторонъ трактатъ слѣдующаго содержанія: 1. Признать Царя Алексѣя Михайловича Королемъ Польскимъ при жизни Казимира, по смерти коего Русскому Государю вступить на Польскій престолъ: 2. Бѣлоруссію и Малороссію присоединить къ Московскому государству; 3. Послѣдователямъ православной и римской вѣры въ упомянутыхъ областяхъ предоставить свободу богослуженія; 4. Унію искоренить; 5. Россіи и Польшѣ до окончательнаго соединенія, безъ общаго согласія, не заключать мира, не вступать въ войну съ сосѣдами.

Искренно вѣря торжественнымъ обѣщаніямъ Казимира и Польскихъ сенаторовъ, Алексѣй Михайловичъ спѣшилъ избавить Польшу отъ Карла и, оставивъ малочисленные отряды въ Литвѣ, обратилъ побѣдоносныя войска свои на Лифляндію. Динабургъ, Кокенгаузенъ, Дерптъ и другіе города, кромѣ Риги, сдались ему. Междутѣмъ, война съ Даніею отвлекла Карла отъ Польши, а Курфюрстъ Бранденбургскій примирился съ Казиміромъ.

Казиміръ, послѣ жестокихъ пораженій, при всеобщемъ неустройствѣ Королевства, такъ возненавидѣлъ заботы правленія, что помышлялъ единственно о сложеніи съ себя тягостной короны, и желалъ искренно дружбы Россійскаго Государя. Со всѣмъ тѣмъ, Виленскій договоръ послужилъ лишь поводомъ къ войнѣ новой между двумя державами. Съ одной стороны — Польша, еще не оправившаяся отъ тягостной войны, мало думала о Виленскомъ договорѣ; съ другой — Алексѣй Михайловичъ требовалъ безусловнаго исполненія его условій. Открылись неудовольствія, и Сеймъ нисколько не скрывалъ своего сожалѣнія о потерѣ Бѣлоруссіи и Малороссіи. Алексѣй Михайловичъ, объявивъ войну Швеціи для спасенія Польши, теперь предвидя разрывъ съ нею, спѣшилъ примириться съ Карломъ въ Виліесерѣ въ 1658 г. Вновь началась утомительная осмилѣтняя борьба, ознаменованная побѣдами Польскихъ вождей, неудачами Русскихъ воеводъ, но заключившаяся выгоднымъ для Россіи миромъ. Главную роль въ этой войнѣ играла Малороссія, которая переходя изъ рукъ въ руки поддерживала войну между двумя государствами.

СХІV.

Въ 1659-мъ году три сильныя Русскія арміи вторглись въ Польскія владѣнія: Украину, Литву и резервная въ Бѣлоруссію, подъ начальствомъ Трубецкаго, Долгорукова, Хованскаго и Ромадановскаго. Разбивъ и взявъ въ плѣнъ Госѣвскаго, Московскіе

воеводы безъ боя завладѣли Минскомъ, Троками, самымъ Вильномъ и наконецъ Брестомъ.

Казалось, что сама судьба принесла въ жертву для спасенія Польши жизнь Карла X: *неукротимый почилъ для мира* ⁽²⁵⁶⁾ и Швеція примирилась, въ 1660 году, съ Польшею Оливскимъ миромъ, по которому за Польшею, изъ всей Ливоніи, остались только четыре замка: Динабургъ, Розиттенъ (Рѣжица), Люценъ и Мариенгаузъ — страна извѣстная въ послѣдствіи подъ именемъ воеводства или княжества Лифляндскаго, Польской Лифляндіи, состоящей нынѣ изъ трехъ уѣздовъ Витебской губерніи: Динабургскаго, Люцинскаго и Рѣжицкаго.

Междутѣмъ Хованскій, командуя 30,000 отрядомъ, подвигался побѣдоносно болѣе и болѣе въ глубину Польши, уже грозилъ самой Варшавѣ; но встрѣченный подъ Полонкою, близъ Сланима, былъ разбитъ Чарнецкимъ на голову и, потерявъ весь обозъ и 15,000 убитыми, едва спасся бѣгствомъ ⁽²⁵⁷⁾.

Разбивъ Хованскаго, Чарнецкій и Сапѣга пошли къ Могилеву, въ которомъ командовалъ храбрый, но жестокий Московскій воевода Морозовъ ⁽²⁵⁸⁾. Слухъ о приближеніи на помощь Могилеву Долгорукова, заставилъ снять безуспѣшную осаду этого города и поспѣшить на встрѣчу новой рати. Но Долгоруковъ явилъ удивительную и неспособность и робость: заключился въ окопахъ между Пронеею и Басею предъ Чарнецкимъ, не имѣвшимъ и половины его рати, и совсѣмъ тѣмъ однакоже успѣвшимъ четыре недѣли продержать Долгорукова въ осадномъ положеніи; только слухъ о приближеніи Козаковъ и Хованскаго съ новою ратію заставилъ его

оставить Долгорукова въ покоѣ, и спѣшить на встрѣчу Хованскому, не рѣшившемуся однако же на битву, и ушедшему въ Полоцкъ ⁽³⁵⁰⁾.

Малороссія, переходя изъ рукъ въ руки, поддерживала войну между обѣими державами. Казалось споръ будетъ безконеченъ. Въ первые годы перевѣсъ былъ на сторонѣ Польши. Безопасная отъ Швеціи, дружная съ Крымомъ, она устремляла всѣ свои силы на Россію и одержала многія знаменитыя побѣды. Русскія войска, стоявшія въ Литвѣ, на Волынѣ и въ Украинѣ, были разбиваемы по частямъ. Виною неудачъ было мѣстничество воеводъ, ихъ неспособность и истощеніе государства немощными усиліями въ первой войнѣ съ Польшею. Царскіе воеводы, по расчетамъ родословнымъ, питая взаимную зависть, дѣйствуя безъ общаго плана, выдавали другъ друга. Такъ Виговскій, воспользовавшись несогласіемъ князя Трубецкаго съ Ромодановскимъ, нанесъ жестокое пораженіе первому подъ Конотопомъ, второму подъ Нѣжинымъ. Чарнецкій разбилъ Хованскаго подъ Полонкою и Слонимомъ и за нимъ Долгорукова, не посмѣвшаго съ огромною ратію выйти изъ за окоповъ для битвы съ врагомъ немногочисленнымъ. Такъ же неуспѣшно дѣйствовалъ на Волынѣ Шереметевъ, который былъ окруженъ Любомирскимъ подъ Чудновымъ и положилъ оружіе. Слѣдствіемъ этого была измѣна Юрія Хмѣльницкаго, предавшаго въ руки Поляковъ Малороссію.

СХV.

1661-й годъ.

Все благопріятствовало Польшѣ, кромѣ ея самой. Война истощила казну; войско, не получивъ за нѣсколько лѣтъ сряду жалованья, отказало въ повиновеніи Королю и гетманамъ, и, избравъ изъ среды своей Сенатъ — предписывавшій, къ вѣчному позору участвовавшихъ въ немъ, законы Королю и отечеству — составило изъ себя какъ бы особый военный штатъ въ государствѣ; наконецъ, въ ожиданіи уплаты жалованья, заняло королевскія столовыя и духовныя имѣнія. Равнодушное къ мольбамъ и угрозамъ, безчувственное къ потребностямъ собственнаго, изнеможенного долговременною войною отечества, войско оставалось неподвижнымъ, требовало жалованья и жалованья, для котораго всѣ источники изсякли. Потому-то перевѣсь, пріобрѣтенный Польшею въ первые годы этой осмилѣтней войны, былъ потерянъ.

Только съ 3,000 вѣрнаго войска и семью хорутами наемнаго Янъ Казиміръ, сопровождаемый Чарнецкимъ и Сапѣгою, вступилъ въ Литву, занятою отрядами Москвитянъ. Но, еще слава прежнихъ побѣдъ дѣлала страшнымъ это немногочисленное воинство сильное окружавшимъ его обаяніемъ: такъ царскій отрядъ, занимавшій Гродно, бѣжалъ изъ него, слышавъ только о приближеніи Короля. Однако же, бѣдственное его положеніе не могло оставаться долгое время въ тайнѣ, и Хованскій — которому приданъ былъ въ помощь Нащекинъ —

стянувъ около 20,000 подъ Смоленскомъ, собирався встрѣтить Короля. Больно было для Польши, что даже Ханъ Крымскій — выславшій 40,000 войска въ Украину — и Юрій Хмѣльницкій — сперва явный, теперь тайный врагъ ея — укоряли письмами начальника мятежнаго войска, Свидерскаго, учили его любви къ отечеству, выставляя на видъ и преступность и безславіе его съ товарищами поступка.

СХVI.

1662-й годъ.

Польша стояла на краю бездны, готовой поглотить все ея существованіе — и однако же, звѣзда судьбы ея сіяла, сіяла среди мрачныхъ тучъ, скопившихся вокругъ ея. Русскія войска не сумѣли, или не могли воспользоваться тогдашнимъ бѣдственнымъ ея положеніемъ; а междутѣмъ, нѣкоторые Литовскіе города, добровольно покорившіеся въ первую войну Россіи, видя теперь перевѣсъ на сторонѣ Польши — опасаясь сколько мести за измѣну, столько же наскучивъ грабежами Москвитянъ, обходившихся не всегда дружелюбно съ жителями — рѣшились возвратиться въ подданство королю.

Подобныя обстоятельства служили поводомъ къ востанію жителей Могилева, и къ избіенію находившагося въ немъ 2000 Московскаго гарнизона. Составился заговоръ, оставшійся — не смотря на участіе въ немъ множества лицъ — въ тайнѣ до послѣдней минуты. Утромъ, 1-го Февраля, загудѣли сигнальные колокола на Ратушѣ и Братской Колокольнѣ, и жители уже давно получившіе приказаніе быть

..

готовыми къ этому сроку вмѣстѣ съ плѣнными Поляками, выпущенными изъ острога, напали на улицы, базарахъ и домахъ на безоружныхъ Московскихъ солдатъ и истребили всѣхъ, кромѣ только, какъ говорятъ, одного изъ нихъ ⁽²⁶⁰⁾.

Получивъ извѣстіе о случившемся въ Могилевѣ, Король, мимо Вильна — Московскій гарнизонъ котораго, поспѣшно очистивъ городъ, удалился въ замокъ — пошелъ на Хованскаго. Выступая въ походъ, Король еще разъ отозвался къ Литовскому войску: въ выраженіяхъ кроткихъ, не упоминая ни слова объ упорствѣ его въ мятежѣ безславномъ Янъ Казиміръ призывалъ соединиться съ нимъ для защиты собственнаго же ихъ отечества. На этотъ разъ войско, внявъ словамъ своего Монарха, двинулось къ Полоцку, гдѣ былъ уже Хованскій, ожидавшій подкрѣпленій изъ области Сѣверской и Чернигова. Не смотря на то, что получилъ уже извѣстіе о пораженіи своего, подъ начальствомъ Полуктова, 6,000-го отряда, старавшагося занять переправу на Двинѣ ⁽²⁶¹⁾, Хованскій — избравъ позицію на Полоцкой дорогѣ подъ мѣстечкомъ Глубокимъ ⁽²⁶²⁾ — рассчитывая на превосходство своихъ силъ и артиллерію, которой не было у Короля ⁽²⁶³⁾, но не-обращая вниманія на упадокъ духа въ войскѣ, какъ бы влекомый несчастнымъ рокомъ, рѣшился на битву и — былъ снова разбитъ на голову Чарнецкимъ, потерялъ большую часть войска, весь обозъ, провіантъ и боевые снаряды. Нащекинъ заблаговременно бѣжалъ въ Полоцкъ; самъ же Хованскій — потерявшій сына и дважды тяжело раненный — едва спасся отъ плѣна, сорвавъ собственною рукою съ своей груди золотой

кресть, за который уже хватался польскій воинъ (6-го ноября).

Оставалось лишь воспользоваться побѣдою и страхомъ, наведеннымъ на непріятеля; но войско снова отказалось идти впередъ и, не медля долго, поворотило назадъ; Король съ горестію возвратился въ Варшаву.

СХVII.

1663-й годъ.

Общія усилія знаменитыхъ духовныхъ и свѣтскихъ лицъ успѣли наконецъ образумить мятежное войско, готовившее гибель собственному отечеству. И когда Янъ Казиміръ, употребляя послѣднія усилія противу Россіи, послалъ Потоцкаго, Чарнецкаго и Сабѣскаго на Вольнь и Украину, тогда войско Литовское — спѣша смуть съ себя безславіе за мятежъ и убіеніе гетмана Гасѣвскаго — пошло съ Гетманомъ Сапѣгою на встрѣчу 30,000 Россіянъ, осаждавшихъ Шкловъ и Быховъ; разбило подъ деревнею Воииски (?) 4000-й отрядъ ихъ, спѣшавшихъ съ полковникомъ Брамунтомъ къ Быхову съ осадною артиллеріею, доставшеюся побѣдителямъ ⁽²⁶⁴⁾.

Не смотря на успѣхи Яна Казимира въ Украинѣ и Малороссіи тамъ не произошло ничего рѣшительнаго; потому что Бруховецкій и Ромадановскій, избѣгая рѣшительнаго сраженія, вели лишь войну оборонительную.

СХVIII.

1664-й годъ.

Однако, съ одной стороны — потеря Дѣвичь-города и Быхова и неудачи царскихъ воеводъ въ Украинѣ; съ другой, крайнее истощеніе Польши — заставило обѣ стороны желать прекращенія войны тягостной. Могилевъ избранъ мѣстомъ для переговоровъ, куда въ ожиданіи открытія ихъ, прибылъ Янъ Казиміръ.

Печально было для Короля все время пребыванія его въ этомъ городѣ. Здѣсь получилъ онъ извѣстіе объ опасной болѣзни Королевы Маріи-Людовики, и въ бытность его страшный пожаръ опустошилъ этотъ городъ. Въ то время Могилевъ славился своею торговлею, былъ складочнымъ мѣстомъ для товаровъ, привозимыхъ изъ Россіи. Скорбя о несчастіи жителей, и узнавъ, что здоровье Королевы не улучшается, Король, 20 апрѣля, выѣхалъ въ Минскъ, встрѣчая по пути разореніе и бѣдность, отряды войска во всемъ нуждавшагося; конницу безъ лошадей; а междутѣмъ война не кончилась, переговоры о мирѣ открывшіеся не въ Могилевѣ, а въ Красномъ — шли трудно, упорно и наконецъ не обѣщали счастливаго исхода — что дѣйствительно и оправдалось.

Равно обѣ державы, Россія и Польша, достигли отъ войны до крайняго изнеможенія. Не имѣя ни одного отличнаго полководца, который могъ бы равняться дарованіями съ Чарнецкимъ, Любомирскимъ, Вишневецкимъ и другими Польскими вождями, прославившими царствованіе Яна Казиміра; не нахо-

дя искусства и въ ближнихъ боярахъ завѣдовавшихъ внутреннимъ управленіемъ—Царь не могъ не почувствовать особеннымъ образомъ тягости этой борьбы долговременной. Польша, не взирая на неудачи Россіи, на воинскія дарованія Чарнецкаго, быстро утратила перевѣсъ, пріобрѣтенный ею въ первые четыре года. Она достигла высшей степени внутренняго разстройства отъ введенія права *liberum veto*. Рокоши или возстанія недовольныхъ противъ правительства были непрерывны. Латинское духовенство явно проповѣдывало войну противъ диссидентовъ или иновѣрцевъ. Нельзя обвинять Казимира въ тѣхъ бѣдствіяхъ, которыя терзали Польшу въ его правленіе: онъ былъ Государь, добрый, храбрый, дальновидный, и пожиналъ только то, что посѣяли его предшественники, вособенности Сигизмундъ III. Угадывая безнадежное состояніе королевства, его неизлечимые недуги, Казимиръ съ горестію торжественно предсказывалъ будущее, близкое паденіе, Польши.

СХІХ.

Пользуясь бездѣйствіемъ Польши, занятой распрєю Любомирскаго, царскіе воеводы успѣли снова въ 1665 г. овладѣть Полоцкомъ, Витебскомъ, Динабургомъ и всѣми городами Малороссійскими на лѣвомъ берегу Днѣпра, гдѣ новый гетманъ Брюховецкій, вытѣснивъ искателей булавы, согласился признать себя въ безусловномъ подданствѣ Россійскому Государю.

Въ это время князь Яковъ Кудасиковичъ Черкас-

скій охранялъ Россійско-Литовскую границу. Услышавъ о приближеніи сюда королевскаго войска, Черкасскій поспѣшилъ на встрѣчу и при мѣстечкѣ Кричевѣ нанесъ ему большой вредъ ⁽²⁶⁵⁾, зимою 1664 года. Лѣтомъ слѣдующаго 1665 года, Виленскій воевода, гетманъ Михаилъ Пацъ явился съ войскомъ на правой сторонѣ Днѣпра, подѣ Шкловомъ. Черкасскій съ Прозоровскимъ и Воротынскимъ, занявъ Копысь и Шкловъ, сталъ противъ Паца на лѣвой сторонѣ Днѣпра и, 15 іюня, тайно переправясь чрезъ рѣку, сдѣлалъ сильное нападеніе на Поляковъ. Пацъ отступилъ отъ Шклова и пошелъ къ Могилеву, куда послѣдовалъ и Черкасскій. Здѣсь гетманъ занялъ городской валъ отъ Виленской заставы до рѣчки Дубровенки, а Черкасскій остановился на Виленскомъ полѣ. Битва продолжалась цѣлый день. Бой былъ не равный: Россіиане превосходили Поляковъ своею артиллеріею, Полякамъ угрожала неминуемая гибель; но ихъ спасло отчаяніе жителей Могилева. Они, страшась мщенія Русскихъ за недавнюю свою измѣну, приняли дѣятельное участіе въ сраженіи. На слѣдующее утро Могилевскіе пушкиры выступили на Виленскій валъ съ городскими пушками, которыми причиняли не малый вредъ Русскимъ и около полудня, мѣткимъ выстрѣломъ въ шатеръ Черкаскаго, убили его во время обѣда. Смерть вождя окончила сраженіе: Россіиане, взявъ тѣло Черкаскаго, отступили къ Русской границѣ. Пацъ не преслѣдовалъ ихъ и пробылъ въ Могилевѣ болѣе трехъ мѣсяцевъ: съ 17 іюня до октября ⁽²⁶⁶⁾.

СХХ.

Занятые внутренними неурядицами, соперники вели войну слабо и неоднократно предлагали миръ. Переговоры тянулись цѣлые три года, и вѣроятно, при неуступчивости обѣихъ сторонъ, продолжились бы еще нѣсколько лѣтъ, если бы внимательство Турціи въ дѣла Малороссіи не ускорило развязки. Договоръ заключенъ въ Андрусовѣ на слѣдующихъ условіяхъ: 1) прекратить военныя дѣйствія на 13 лѣтъ и 6 мѣсяцевъ, междутѣмъ условиться о вѣчномъ мирѣ; 2) Смоленскому и Сѣверскому княжествамъ остаться за Россіею; 3) Полоцкъ, Витебскъ и города южной Лифляндіи—именно нынѣшніе уѣзды Витебской губерніи Динабургскій, Люценскій и Рѣченскій, оставшіяся за Польшю по миру Оливскому въ 1660 г., занятые Русскими войсками—возвратить Польшѣ; 4) Днѣпръ да будетъ границею между владѣніями двухъ державъ въ Малороссіи; 5) Кіевъ возвратить Польшѣ чрезъ два года.

Тщетно уже Янъ Собѣсскій старался возвратить то, что взято было отъ Литвы Алексѣемъ Михайловичемъ, Варшавскій дворъ, пользуясь затруднительною войною Россіи съ Турціею, съ угрозами требовалъ возвращенія всѣхъ городовъ, покоренныхъ Алексѣемъ Михайловичемъ. Но Θεодоръ Алексѣевичъ былъ непреклоненъ, согласился только отдать Велижъ и Себѣжъ, завоеванные послѣ Андрусовскаго договора, и возобновить въ 1678 году перемиріе на 13 лѣтъ, въ теченіе коихъ положено было

условиться окончательно, при посредничествѣ другихъ державъ, о Кіевѣ и Задніпровской Украинѣ; наконецъ, казалось навсегда примирились обѣ державы Московскимъ договоромъ 24 апрѣля 1636 г.

КНИГА ДЕСЯТАЯ.

Раздѣлъ Польши. — Присоединеніе Бѣлоруссіи къ Россіи. —
Воеводства : Полоцкое, Витебское, Мстиславское, Лиф-
ляндское.

СХХІ.

Московскимъ договоромъ кончилась вѣковая, продолжавшаяся 150 лѣтъ, борьба Россіи за Русь Литовскую и Малороссію. Бѣлоруссія однако, по причинѣ своего географическаго положенія, еще не перестала быть театромъ военныхъ дѣйствій, которыя открылись во время войны Петра и Августа II съ Карломъ XII. Преслѣдуя Августа, Карлъ XII исходилъ Польшу во всѣхъ направленіяхъ — отъ Нѣмана до Одера, отъ истоковъ Днѣстра до Двины — нигдѣ не встрѣчалъ отпора, и при всемъ томъ не могъ вытѣснить Августа изъ предѣловъ республики, чтобы отнять у него корону. Неудачно преслѣдуемый изъ города въ городъ, изъ одной стороны въ другую, въ Литвѣ, въ Польшѣ, въ Волини, въ Бѣлоруссіи, въ Саксоніи, Августъ тщетно напрягалъ всѣ силы, чтобы удержать на главѣ своей корону Собѣскаго, увидѣлъ себя въ опасности потерять наследственное государство, и принужденъ былъ наконецъ, въ угожденіе неумолимому сопернику, отказаться отъ Польскаго пре-

условиться окончательно, при
гихъ державъ, о Кіевѣ и
наконецъ, казалось
жавы Московскѣ

и вѣдѣвшіеся вторгнуться
чрезъ Украину и такъ ис-
своихъ дѣйствій, что
отгадать, какое направленіе
армія. Междутѣмъ гетманъ Ма-
зепы заключилъ съ Королемъ Ста-
го договора, съ тѣмъ, что всѣ
Малороссійскіе соединятся съ Карломъ при
его въ Россію, и потомъ останутся въ
Польши; самъ же онъ получать Ви-
полцкѣ, на правахъ герцога Курлянд-
го. Петръ — не подозрѣвая ни измѣны Мазепы,
ни истинныхъ плановъ Карла — сосредоточилъ всѣ
свои силы въ окрестностяхъ Смоленска, не успѣвъ
затруднить переправу Шведовъ чрезъ Березину
при Головчинѣ (?), и чрезъ Днѣпръ при Могилевѣ.
Въ томъ и другомъ мѣстѣ Карлъ легко разбилъ
отдѣльные корпуса Русской арміи и вступилъ въ
область Сѣверскую.

Здѣсь наконецъ обнаружилось истинное его на-
правленіе. Петръ принялъ свои мѣры; сдвинулъ
свои войска, сталъ во флангъ непріятельской арміи,
шелъ съ нею рядомъ, тревожилъ ее непрестанно со
всѣхъ сторонъ, истреблялъ отдѣлявшіеся отряды
(особенности при селѣ Добромъ, 29-го августа
1708 г.); и такъ усердно жегъ окрестные города и
села, что Карлъ встрѣчалъ на пути одни развалины.
Опасаясь погубить свое войско голодомъ, онъ далъ
приказаніе Левенгаупту, шедшему изъ Лифляндіи
съ огромнымъ обозомъ съѣстныхъ припасовъ и
военныхъ снарядовъ, поспѣшить соединеніемъ съ
главною арміею. Русскіе генералы, узнавъ о томъ,

ожили послать нѣсколько полковъ на встрѣчу
левенгауту; чтобы истребить его корпусъ, прежде,
онъ соединится съ Карломъ ⁽¹⁶⁷⁾.

Предпріятіе было такъ важно, такъ много обѣ-
щало выгодъ, что Петръ взялъ исполненіе его на
себя, и едва не упустилъ Левенгаутъ. Проводникъ,
Еврей, подосланный Шведами, повелъ его по лож-
ному направленію къ Смоленску, увѣряя, что тамъ
онъ встрѣтитъ непріятеля, междутѣмъ, какъ Ле-
венгаутъ, слѣдуя другимъ путемъ, былъ уже въ
окрестностяхъ Могилева, въ нѣсколькихъ перехо-
дахъ отъ Шведской арміи. Къ счастью, Петръ за-
мѣтилъ свою ошибку заблаговременно, поворотилъ
свое войско, пустился по слѣдамъ Шведскаго гене-
рала, настигъ его недалеко отъ Пропойска, мѣстеч-
ка Быховскаго уѣзда, при деревнѣ Лѣсной, прину-
дилъ къ битвѣ (28 сентября 1708 г.) и — не взирая
на превосходство силъ, на отчаянную храбрость
непріятеля — разбилъ его на голову, такъ, что Ле-
венгаутъ потерялъ болѣе половины своего кор-
пуса со всѣмъ обозомъ, и явился въ королевскій
лагерь бѣглецомъ. Еще Карлъ надѣялся поправить
затруднительное свое положеніе въ Малороссіи,
куда неотступно звалъ его Мазепа.

СХХII.

Преслѣдованіе православныхъ въ Литовскомъ
княжествѣ, начавшись Уніею, продолжалось въ
XVII столѣтіи подъ разными предлогами; впрочемъ
на сеймахъ все еще говорили о равенствѣ правъ:
Короли все еще обѣщали защиту иновѣрцамъ. Съ

1717 года само правительство Польское стало издавать строгіе законы противъ диссидентовъ, называя такъ всѣхъ вообще некаатоликовъ: имъ запрещено было строить новыя церкви, поправлять ветхія; въ слѣдъ за тѣмъ у нихъ отнято право участвовать на сеймикахъ для избранія депутатовъ на общій сеймъ; еще суровѣе было распоряженіе 1773 года, когда сеймъ постановилъ устранить диссидентовъ отъ всѣхъ должностей общественныхъ ⁽²⁶⁸⁾.

Восшествіе Станислава-Августа на престолъ, пробудило надежду въ многочисленныхъ обитателяхъ Литовскаго княжества православнаго закона найти въ Королѣ покровителя ихъ правъ гражданскихъ и религіозныхъ. Эта надежда съ живѣйшею силою выразилась въ прекрасномъ словѣ Бѣлорускаго епископа Георгія Конисскаго, сказанномъ Станиславу-Августу въ видѣ привѣтствія, по случаю вступленія на Престолъ. Съ трогательнымъ краснорѣчіемъ, Георгій изобразилъ всю тягость страданій православнаго народа и всю несправедливость Польскаго правительства. Рѣчь его обратила на себя вниманіе всей Европы: ее переводили на всѣ языки и читали съ умиленіемъ ⁽²⁶⁹⁾.

Однакоже дѣла не улучшались, кровавыя внутреннія распри болѣе и болѣе разгорались въ Польшѣ, гдѣ возникло множество конфедерацій. Правда волненіе было подавлено, права диссидентовъ восстановлены сеймомъ 13 февраля 1768 года; но кровавое междоусобіе, слѣдствіе конфедерацій, изнурило несчастную Польшу до самаго крайняго изнеможенія. Она утратила послѣднія силы, всѣ узы общественнаго порядка рушились, и то, что за сто

лѣтъ говорилъ Янъ Казиміръ, должно было совершиться. «Придетъ время, сказалъ онъ въ 1661 году на сеймѣ Варшавскомъ, когда Рѣчь Посполитая, ослабленная собственными раздорами, сдѣлается добычею сосѣдей: Бранденбургія возьметъ Пруссію, Москва Русь Бѣлую, Австрія Краковъ. О! да буду я лжепророкомъ! (O utinam sim falsus vetes!)»

Предсказаніе Яна Казиміра едва дважды не исполнилось еще въ XVII столѣтіи и мысль о Польскомъ раздѣлѣ не исчезала съ тѣхъ поръ; но истиннымъ исполнителемъ предвидѣнія Яна Казиміра былъ Фридрихъ II. По предложенію его, три двора Россій, Австрійскій и Пруссійскій согласились между собою раздѣлить Польшу, и по первому ея раздѣлу, 25 іюля 1772 г. къ Россіи присоединена Бѣлоруссія т. е. земли между западною Двиною, Днѣпромъ и Друтью и Польская Лифляндія (Inflanty).

СХХІІІ.

Нынѣшнія Витебская и Могилевская губерніи, извѣстныя подъ именемъ Бѣлорусскихъ или Бѣлоруссіи, въ послѣднее время Польскаго владычества подраздѣлялись на четыре воеводства: Полоцкое, Витебское, Мстиславское и Лифляндское (Inflanty) называвшееся также и княжествомъ.

Полоцкое воеводство заключало въ себѣ нынѣшніе уѣзды: Полоцкій, Дрисскій, Лепельскій, Себѣжскій, часть Городецкаго Витебской губерніи, Дисненскій Виленской и часть Сѣвскаго Могилевской губерніи. Полоцкъ былъ главнымъ городомъ воеводства, въ которомъ находились слѣдующіе города и

мѣстечки : Дзисна, Дрисса, Придруйскъ, Глубокое, Березбечъ, Лужки, Мосаръ, Прозорки, Миоры, Плисса, Лепель, Чашники, Ула, Ушачъ, Суша, Туровля, Красный, Воронецъ, Соколъ, Ситна, Козяны, Освей и другіе ⁽²⁷⁰⁾.

Витебское воеводство подраздѣлялось на два уѣзда : Витебскій и Оршанскій. Въ первомъ заключались слѣдующіе нынѣшніе уѣзды Витебской губерніи: Витебскій, Сурожскій, Невельскій, Велижской часть Лепельскаго и Городецкаго и часть Сѣнскаго Могилевской губерніи ; ко второму принадлежали: Оршанскій, Копыскій, Чаусовскій (Горы великіе), часть Сѣнскаго (Лукомль), Климовецкаго (Кадзынь) и Могилевскаго , и Борисовскій уѣздъ Минской губерніи ⁽²⁷¹⁾.

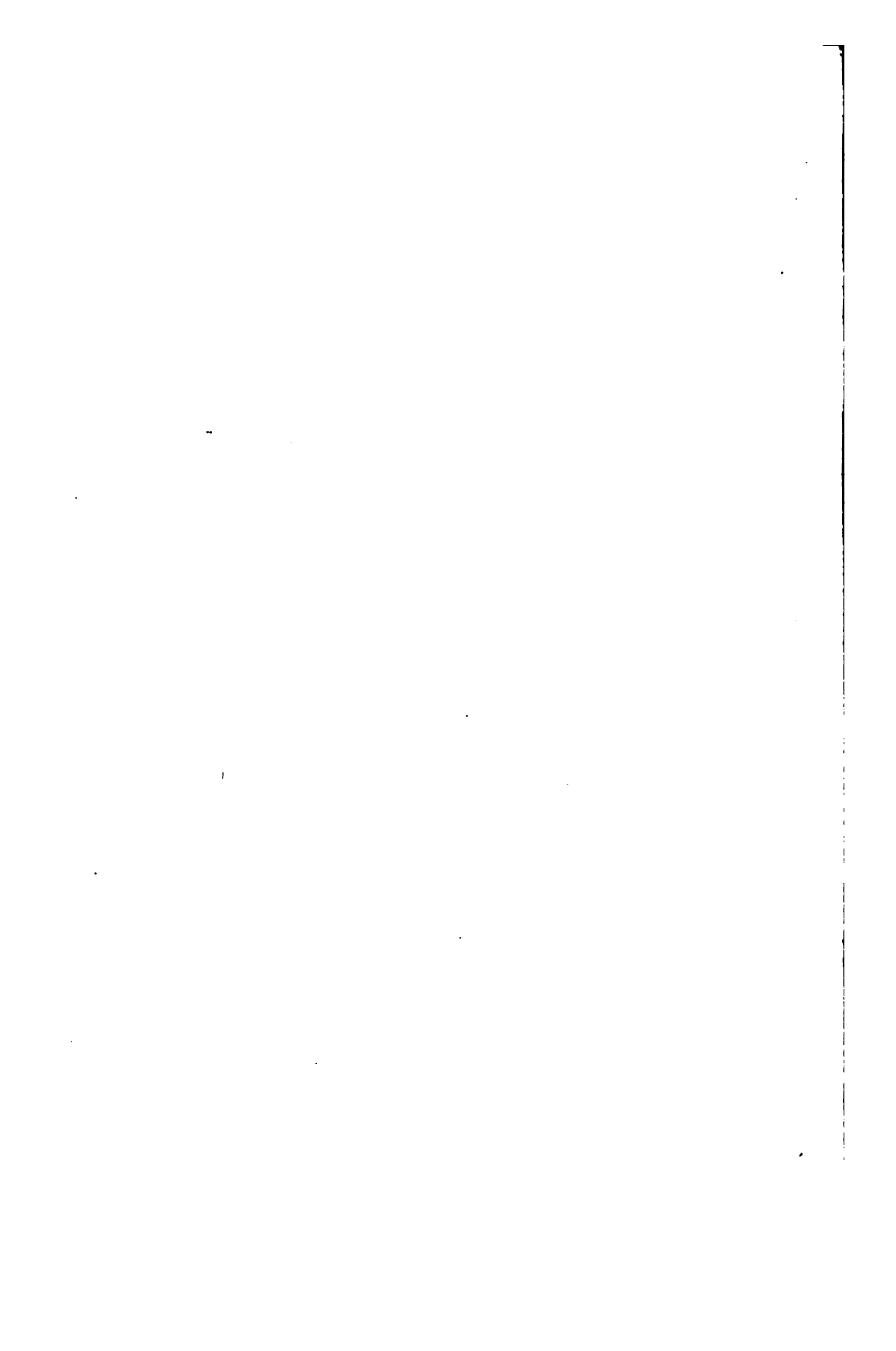
Мстиславское воеводство заключало въ себѣ нынѣшніе уѣзды : Мстиславскій, Чериковскій, Климовецкій, Могилевскій (Могилевъ), Чаускій (Дрыбинъ), часть Быховскаго (Старый и Новый Быховъ) и еще Краснополье и Радзивиллово. Уѣзды : Гомельскій и Рогачевскій , а такъ же мѣстечко Пропойскъ Быховскаго уѣзда принадлежали къ Рѣчицкому уѣзду Минскаго воеводства ⁽²⁷²⁾.

Воеводство или княжество Лифляндское , извѣстное еще подъ именемъ Польской Лифляндіи (Inflanty Polskie) , подраздѣлялось на четыре , такъ называемые, *тракты* ⁽²⁷³⁾ : Динабургскій , Рѣжицкій, Люценскій и Маріенгузскій ; нынѣ состоитъ изъ Динабургскаго , Люценскаго и Рѣжицкаго уѣздовъ Витебской губерніи. Это часть Ливоніи оставшаяся за Польшою до послѣдняго времени, а по перво-

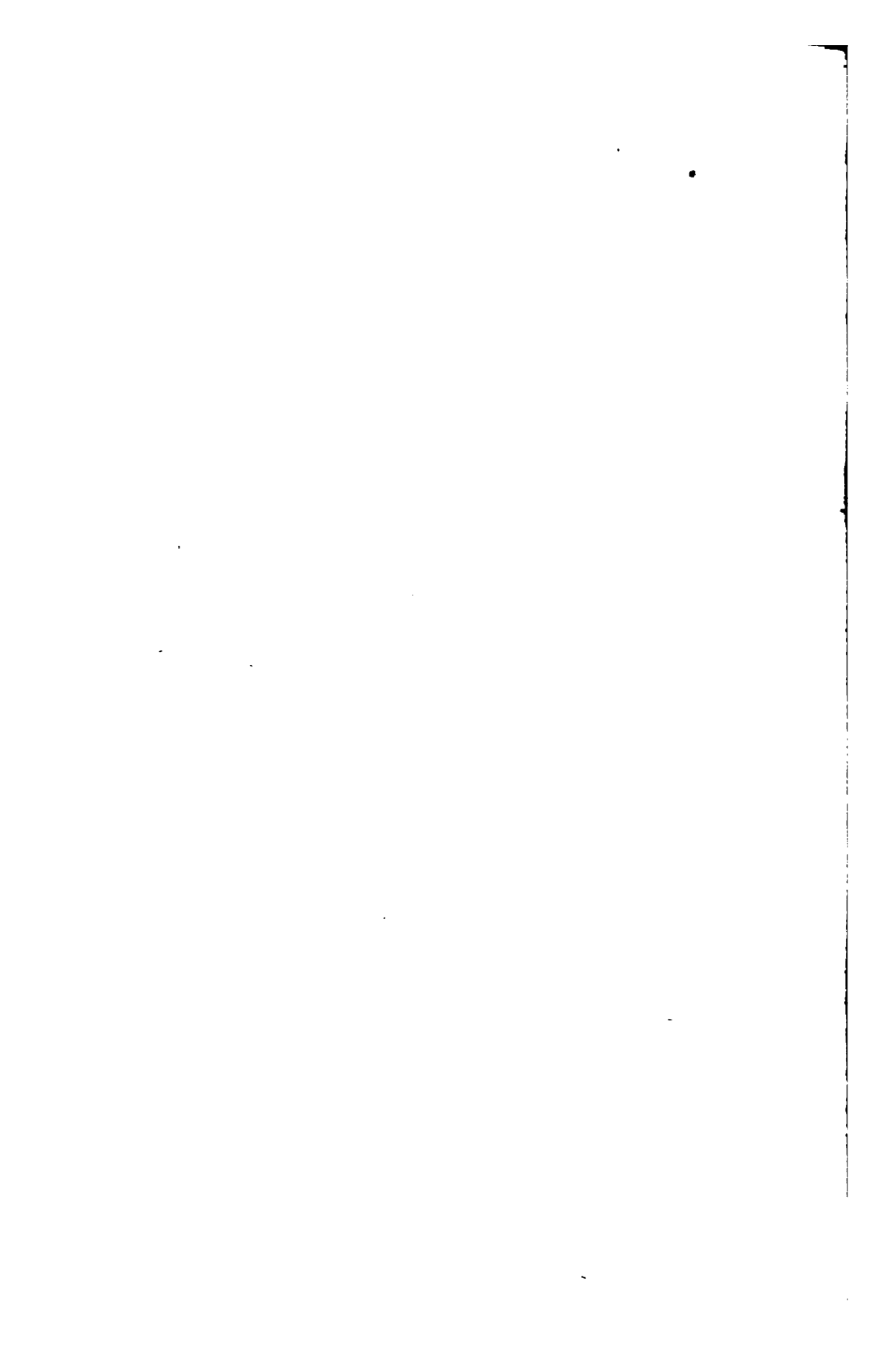
му ея раздѣлу, вмѣстѣ съ Бѣлоруссіею, присоединеная къ Россіи.

Этимъ и покончимъ обзорѣніе исторіи Бѣлоруссіи. Неотраднѣе ея прошедшая судьба : вѣчное поприще военной брани, при которой беззащитный здѣшній земледѣлецъ безпрестанно переходилъ съ новоселья на пепелищѣ. До принесенія сюда свѣта христіанства и съ нимъ первыхъ лучей гражданственности, это былъ край наживы и покормки для сосѣднихъ народовъ ; потомъ, кровавое позорище братнихъ междоусобій ; затѣмъ, новыя войны между установившимися вокругъ государствами, новыя движенія ратей, оставлявшихъ за собою кучи пепла и потоки крови. Это поприще вѣковыхъ состязаній, это перепутье могучихъ соперниковъ, непрерывно ратовавшихъ и ходившихъ другъ на друга ; эта великая могила ихъ ратей несиѣтвыхъ : могла ль она зародить въ себѣ стихіи порядка, образованности и благосостоянія — что есть удѣломъ странъ счастливыхъ ?

КОНЕЦЪ.

ПРИМЪЧАНІЯ.

ПРИМѢЧАНІЯ.

1) Большая пуща—полясы, простирающееся по границамъ губерній Волынской и Мѣвской ; а обширное скопище водъ — Пинскія болота (Будинское озеро). *Н. Надеждина*: Геродотова Сквиія въ *Зап. Одес. Общ. Истор. и Древн.* Одесса 1844 г. Т. I, стр. 92.

2) А по мѣнію Надеждина Геродотъ видѣлъ не самый Дѣпръ, а Березань.

3) Курганъ, по объясненію *Кемпена*, слово татарское: *куръ*—насыпь, *ханъ* или *ганъ*—смерть.

4) Это преданіе заимствовано изъ рукописной хѣтописи, написанной по-славянски въ XIV или XV столѣтіи, какимъ-то *Дубровскимъ* или *Домбровскимъ*, которая отъ Іезуитовъ Могилевскихъ перешла къ первому намѣстнику Бѣлорусскаго края, гр. Чернышеву. Не знаемъ гдѣ теперь самый оригиналъ, копію же съ него Нарбутъ видѣлъ въ 1811 г. въ г. Старомъ Быховѣ у доктора Геннера, у котораго онъ и сдѣлалъ выписку о курганахъ, только что приведенную нами почти въ подстрочномъ переводѣ. *Narbutt Dz. Star. Nar. Lit. Wil.* 1837 г. II, 547—556.

5) Исслѣдованіемъ Могилевскихъ кургановъ, занимался историкъ *Нарбутъ*, посѣщавшій Могилев. губ., и именно гг. С. Быховъ и Рогачевъ, въ качествѣ военнаго инженера въ 1810 и 1811 годахъ. Вотъ результаты его исслѣдованій: а) По преданію народа курганы суть могилы. Земля составляющая насыпь, курганъ (*tumulus*) была привосима съ другаго мѣста, а не выкапываема тутъ же. б) Въ раскопанныхъ имъ курганахъ не нашелъ ничего: ни костей, ни золы и углей, ни окаменѣлостей, ни другихъ какихъ либо предметовъ. в) Форма кургановъ: эллиптическая, нѣсколько сплюснутая въ горизонтальномъ, и часть круга въ поперѣчномъ разрѣзѣ. г) Величина различна. Два кургана самые большіе, стоявшіе въ парѣ, въ разстояніи 10 ф. одинъ отъ другаго, имѣли слѣдующіе размѣры: большій поперечникъ основанія 22 ф., меньшій 12.; высота $12\frac{1}{2}$ ф. Размѣръ меньшихъ: поперечникъ основанія $3\frac{1}{2}$ и $1\frac{1}{2}$, высота отъ $1\frac{1}{2}$ до $2\frac{1}{2}$ ф. Между ними бываютъ и средніе. д) Курганы встрѣчаются повсемѣстно, но преимущественно вблизи жилищъ или въ мѣстахъ способныхъ къ этому. *Narb. II, 547—556.*—Къ этому не лишнимъ считаемъ присовокупить съ своей стороны, что намъ удалось видѣть у нѣкоторыхъ помѣщиковъ въ Быховскомъ уѣздѣ каменное долото и топорокъ, ожерелья и головныя женскія украшенія изъ бронзы, формою различныя отъ такихъ же, находимыхъ въ Прибалтійскомъ краѣ. Лемехъ земледѣльца, распахивающаго нынѣ эти курганы, вынесъ упомянутые предметы изъ могильнаго мрака.

6) *Narbutt. II, 555.*

7) *Ragas*—по-Литовски алтарь, жертвенникъ.

8) Въ Бабруйскомъ уѣздѣ Мин. губ., т. е. въ землѣ Дреговичей, между рр. Птичью и Орессою, находится множество древнихъ кургановъ, стоящихъ уединенно, семействами и даже цѣлыми селеніями, въ двѣ и три линіи. Вершина каждаго кургана состоитъ изъ впадины — признакъ, что мертвыхъ засыпали землею въ сидячемъ положеніи, по мѣрѣ растлѣнія тѣла земля осаживается внизъ. Слышалъ я отъ помѣщика тѣхъ странъ, разрывшаго въ 1818 г. два такихъ кургана, что въ одномъ изъ нихъ нашелъ золотыя слезки и въ обоихъ по одной головѣ, изъ которыхъ одна довольно сохранилась: выпуклость и величина черепа были болѣе обыкновеннаго, лобъ длинный но узкій, а зубы кругловатые. — Изслѣдованіемъ кургановъ Минской губерніи наиболѣе занимался графъ Евстафій Тышкевичъ.

9) *J. Letewel*: Polska wieków Srednich. Poznań 1846 г. I, 425—426.

10) Сѣвер. и сѣверозапад. часть Витеб. губ. именно Динаб., Люц. и Рѣжиц. уѣзды — и смежные уѣзды Псков. губ. тоже усыяны кургановидными могилами. Большихъ холмовидныхъ могилъ или кургановъ, подобныхъ Могилевскимъ, по эст. Wannekupat, тутъ очень мало. Преимущественно попадаются малые, изъ которыхъ нѣкоторые называются Латышами Kriwe-Kорре (русскій копецъ), иногда встрѣчаются и tumuli polyandri. Почти въ каждомъ курганѣ находятся древніе предметы вооруженія и украшенія. Изслѣдованіемъ Витебскихъ кургановъ занимался А. Платеръ — см. Ruben: кн. VI, VII и VIII за 1845, 1846 и 47-й гг. — труды котораго могутъ служить достойнымъ дополненіемъ *Фр. Крузе*: Necrolivonica oder Alterthümer Liv- Est- und Kurlands, Dorpat 1842 — и *Бреккелю*: Nachtrag zu dem Aufsätze, zur Kenntniss

der Alterthümer etc. Любопытны весьма недавнія изслѣдованія *Dubois de Montpéreux* см. въ *Annuaire de Voyages et de la Géographie par une réunion de Géographes et de Voyageurs, sous la direction de M. Frédéric Lacroix*. Paris за 1845 и 46-й его двѣ статьи: *De Tumulus, des forts et des remparts de la Russie occidentale*. Кромѣ кургановъ собственно могильныхъ авторъ различаетъ еще три рода ихъ: триумфальные или трофеальные, пирейскіе (*tumulus-pyrées*) и сторожевые или телеграфы (*tumulus télégraphes*).

11) Славянскія древности. перев. *Бодзянскаго*. Москва 1838 г.

12) Для приготовленія поташа въ Бѣлоруссіи (съ XVII с.) помѣщики начали возводить большія или меньшія строенія. Эти поташенные заводы и называются въ Бѣлоруссіи *будами*, отъ поль. слова *budować* и бѣлорус. *будоваць*, отсюда *буда* строеніе, и уменьшительное отъ него въ поль. *budynek* и въ бѣлорус. *будынакъ*. При заводахъ жили приписные мастеровые и рабочіе, и по прекращеніи производства остались большіе или меньшіе деревни съ прозваніемъ *будъ*: при нѣкоторыхъ изъ нихъ еще и до настоящаго времени видны кучи золы или браку.

Относительно Будиновъ Шафаріку, быть можетъ, удобнѣе было бы указать на *Будюиць*, селеніе въ Могилев. уѣздѣ. Возлѣ Будиновъ жили Гелоны, у которыхъ была столица, деревянный городъ *Гелонось*. Вотъ опять же, въ Могилев. губ. въ Сѣбскомъ уѣздѣ, есть двѣ деревни: *Гилань* и *Гилья*, изъ которыхъ первую можно уподобить Гелоносу или Гелону, а вторую приѣвксинскому, упоминаемому *Геродотомъ*, городу *Гильи*. — Второе происхожденіе будъ слѣдующее. Страна была чрезвычайно дѣсиста, съ XVI

столѣтія помѣщики стали призывать переселенцевъ, которые врубались въ лѣса, ставили тамъ свои шалаши или буды — таково начало селеній буды и жителей ихъ будицковъ, встрѣчающихся почти во всѣхъ западныхъ губерніяхъ.

13) См. въ высшей степени важное для исторіи Славянъ возбѣще, а Россіи и Польши вособенности, недавно вышедшее сочиненіе *Joachima Lelewela: Narody na ziemiach sławianskich etc.* Poznań 1853 г.

14) Даки и Геты одинъ и тотъ же народъ, котораго Римляне называли Даками, а Греки Гетами.

15) Изображенъ на колоннѣ Траяновой.

16) Это названіе, какъ думаетъ *Lelewel* *ibid.* заимствовано изъ какой нибудь греческой повѣсти, или изъ какого нибудь греческаго сочиненія: (греч.) *petao extendo, poreia gressus, porsos qui traicit, porro procul in exteriorem partem, poria abundantia.*

17) *Bria* на языкѣ Фракійцевъ городъ.

18) *J. Lelewel* *ibid.* стр. 481, 482, 483, 484, 485, 486, 487. 597—569.

19) Смѣемъ думать, что древнее названіе З. Двины — *Рубонъ* дано ей первыми выходцами изъ Дакіи, съ береговъ Рабона, которыхъ соплеменники, прибывшіе одновременно съ ними съ береговъ Тіарантуса, прозвали этимъ именемъ притокъ Двины, р. Полоту, см. пр. 28.

20) *Lelewel.* 487—488. *Hesichius* увѣряетъ, что *дава, дева* на языкѣ Дакогетовъ означало городъ.

Въ Могилев. губ. три деревни *Оссовы* и два *Оссовца* напоминаютъ своимъ названіемъ одинъ изъ Паннонскихъ народовъ *Оссовъ* (*Ossi*), которые, стѣсненные напоромъ Галловъ (396—386), вышли за Герцингскія горы, были кажется и около Кракова, а быть можетъ, часть ихъ забрела и въ нынѣш. Бѣлоруссію; по крайней мѣрѣ протекавшая чрезъ ихъ землю р. *Стридонъ* отзывается въ р. *Страданъ* впад. въ оз. *Нещердо* въ уѣз. Полоц. Женщины этихъ деревень отличаются особымъ головнымъ уборомъ.

21) *Jordanes de reb. get.* 5. — *Шафарикъ* I приб. 10.

22) *Procop. de bello goth.* I. 27; *utrasque enim appellavit sporos antiquitas, ob id, opinor, quia sparsim et rare positis tabernaculis regionem obtinent: quo fit ut magnam occupent spatium* *ibid.* III. 14., IV, 4.

23) Тамъ же.

24) Къ числу подобнаго рода названій можно бы отнести рѣки: *Итуть* впад. въ Днѣпръ въ Смолен. губ.; *Уть*, *Ипуть*, *Хропуть* впад. въ Сожъ притокъ Днѣпра въ Могилев, и *Друть* впад. въ Днѣпръ.

25) *Lelwel.* 560—567.

26) Есть еще два или три *Дунайца* въ губ. Могилев. Есть основаніе предполагать, что когда-то и сама р. Сожъ называлась Дунаемъ: слышалъ я, что нѣкоторые изъ ея рукавовъ или лахвъ назывались прежде *Дунайцами*, а ея притокъ Бѣсядь называется *Задункою*.

27) *Lelwel.* 591.

28) У *Нестора*: рѣчки ради, яже течеть въ Двину, именемъ Полота, отъ нея прозвашеся Полочане.... Нѣкоторые же, вопреки этому выразительному свидѣтельству, производятъ Полочанъ отъ Полянъ, см. *Жур. Мин. Нар. Пр.* 1834. за Апрѣль с. 39. Гр. *М. Борхъ* — см. *Rubon* ч. III и IV — занимался изслѣдованіемъ названій, носимыхъ З. Двиною въ древности и пришегъ къ тому результату, что рр. Ериданъ, Танаисъ, Рубонъ, Хезинусъ, Турунтусъ, Руданъ — помѣщаемыя древними писателями, начиная отъ Гезіода и Гомера до Птоломѣя, Геродота и Мартіана Гераклійскаго, — на баснословномъ сѣверѣ относились къ З. Двинѣ, часть которой въ землѣ Куроновъ (Курляндіи) называлась *Когакъ*, въ средніе вѣка въ Исландскихъ Сагахъ названа *Диною* (*Dina*) и Нѣмцами *Дюною* (*Düna*). Но всего замѣчательнѣе то, что древняя рѣка *Turuntus*, которую уже *D'Anville* хотѣлъ отнести къ З. Двинѣ, дѣйствительно существуетъ до нынѣ въ Бѣлоруссіи: р. Полота, вособенности въ ея верховомъ теченіи, называется въ Полоцкомъ уѣздѣ крестьянами *Тарантусомъ* (*Turuntus*)! Латыши называютъ Двину *Daugawa*. *Борхъ* старался филологически объяснить значеніе этого названія; но бѣдность Латышскаго нарѣчія помѣшала ему въ этомъ. Не лучше ли производить названіе *Daugawa* отъ Литовскихъ словъ: *daug* много, *giveiti* жить — то *Daugawa* въ этомъ случаѣ означала бы рѣку, берега которой очень населены — чему впрочемъ не противорѣчить и исторія. Еще до настоящаго времени Двина сохраняетъ свое древнее названіе — *Рубонъ*: между Красловкою и Крейцбургомъ въ Витеб. губ. въ нѣкоторыхъ мѣстахъ своего теченія. Двина именуется то *тихою*, то *громкою Рубою*! *А. Платеръ* производитъ названіе *Рубонъ* отъ славянскаго слова *рубъжъ* (въ смыслѣ грань,

граница) — названіе будто бы данное ей Славянами еще въ древности. См. *Rubon* чч. I, III, IV.

29) *С. Соловьев*: Рус. Ист. Москва. 1854 г. I. пр. 43.

30) *Г. Narbutt*: *Dzieje Starożytne Narodu Litewskiego*. Wilno 1837, II. 476.

31) Записка *Микуцкаго* въ Извѣстіяхъ II Отд. Импер. Акад. Наукъ.

32) *Шлёцеръ* не можетъ рѣшиться (стр. 105) къ какому народу причислить Кривичей: были ль они, спрашиваетъ онъ, Латыши или Литовцы? — что можно задать себѣ смотря на географическое положеніе ихъ края. Въ такомъ недоумѣніи былъ Шлёцеръ, хотя и смѣшнымъ ему казалось, говоря о Кривичахъ, думать въ то же время о Прусскомъ верховномъ жрецѣ. Языкъ Кривичей не чисто славянской (?); но, по замѣчанію Шлёцера, родственныи съ нимъ во второй степени.

33) *Н. Надеждинъ* — въ Зап. Одес. Общ. Истор. и Древн. I стр. 101. — Греки жителей дальняго края сѣвера называли Гиппербореями, Нѣмцы въ средніе вѣки Нордманнами, Славяне же, какъ думаетъ Надеждинъ, имѣли равнозначущія названія Сѣверянъ и Кривичей: «наше названіе Сѣверъ, говоритъ онъ, въ первоначальномъ смыслѣ вѣтеръ, дующій съ полноты и имя *Кривичъ* или *Криванъ* имѣетъ подобное же значеніе на всемъ пространствѣ Балканскаго полуострова, не только у Славянъ, но и у Румунъ и Мадыаръ такъ называется вѣтеръ, отличающійся отъ *Боры* нѣсколько косвеннымъ направленіемъ, именно къ С. В.» Не мѣшаетъ имѣть въ виду, что одна изъ юж-

ныхъ вершинъ Татранскихъ горъ носить названіе *Кривая*; могло статься, что отъ нея получили прозваніе вѣтеръ на Балканскомъ полуостровѣ.

34) *Шафарикъ* никоимъ образомъ не согласенъ на такое производство; но это потому, что онъ Славянъ не производитъ отъ Дакогетовъ, а считаетъ ихъ старожилами, жившими на своихъ мѣстахъ даже во время Геродота. Кривичей отъ Кровызовъ производятъ: *Körpen: Ueb. Altherth, und Kunst in Russl. Wien 1822.* стр. 7 и *Lelewel* Wiadom. o narod. star. 4.

35) *Миллеръ*, Orig. Rus. p. 19, напалъ на мысль о религіозномъ единствѣ Кривичей съ Литовцами. *Карамзинъ* I. 81 нашелъ въ своихъ источникахъ, что Славяне, ближайшіе къ Литовцамъ, ходили на поклоненіе въ храмы, слывшіе святостію въ Куроніи и Жмуди.

36) Похороны Бѣлоруссы называютъ *хаутурами*: у Литовцевъ *chantugas* былъ религіозный обрядъ поминовенія родныхъ и предковъ, справлявшійся въ октябрѣ — см. у *Narb.* I. слово *chantugas*. Близъ м. Друи, на днѣ одного осушеннаго озера найденъ бронзовый истуканъ, представлявшій на трехъугольномъ пьедесталѣ группу изъ трехъ фигуръ, обращенныхъ одна къ другой плечами и обведенныхъ подъ мышками однимъ общимъ ободомъ, на которомъ руническими буквами начертано *Triona*, бывшая, какъ извѣстно, въ религіи Литовцевъ нѣчто въ родѣ языческой Тройцы (*Triona* — три знака), въ честь которой справлялись веселыя игры.... тамъ же — I 37.

37) *Narb.* II. 476.

38) Полочане знакомы были еще *Iorrandugt*. 5 подъ именемъ *Хриновъ* или *Криновъ*; *Narbutt: Dz. Staz. Nar. Lit.* III, 324 предполагаетъ основаніе Витебска выходцами изъ г. *Висби*, что на Готландѣ. Если такъ, то какъ знать, быть можетъ наоборотъ, Висби построены выходцами изъ Витебска.

39) *Зябловскаго* — Землеописаніе III. 37. *Нарушевичъ Hist. Nar. Pols.*, I. 576 едва ли не ошибочно усматриваетъ колонію Кривичей надъ р. Горынью.

40) *С. Соловьевъ: Исторія Рос.* I. 45.

41) *Длугошъ* находитъ Радимичей надъ р. Саномъ и производитъ ихъ отъ Поляковъ. Кромѣ этого *Нарушевичъ* у *Длугоша* же находитъ еще второе мѣстожительство Радимичей надъ р. Бугомъ въ Белзскомъ воеводствѣ и отчасти въ землѣ Хелмской. Невозможно прослѣдить передвиженіе племенъ, быть можетъ *Радомя* въ 60 верстахъ отъ Кіева надъ Днѣпромъ было третьимъ мѣстожительствомъ Радимичей, откуда они пришли на Сожъ и построили Радомя. Надъ р. Саномъ, между Ярославлемъ и Перемышлемъ, гдѣ, по *Длугошу*, обитали Радимичи есть мѣстечко *Радимъ* или *Радимно*.

42) До настоящаго времени оба слова сохранились въ употребленіи между Бѣлоруссами слово *тризнитъ* — врать, говорить не кстати, бредить; *страва* же означаетъ яство, кушанье.

43) *Соловьевъ* I. 62.

44) *Ө. Буларинъ* Россія въ историческомъ, статистическомъ и т. д. С. Петербургъ 1837 г., IV, с. 79. *Narb.* III 262—263.

45) *Adam Bremensis de situ Daniae Lib. II. 13.— Helmsold. Lib. I. 1. Narb. III, 324. J. Potocki: Histoire primitive des peuples de la Russie. St. Pétersbourg 1802.*

46) Какъ думаетъ *Шафарикъ*. — Рагнаръ, славный конунгъ и неустрашимый викингъ окончилъ жизнь въ Шотландіи. Наконецъ побѣжденный попался въ плѣнъ; безчеловѣчный побѣдитель вбросилъ его въ мрачную пещеру на жертву змѣямъ и гадинамъ. Въ этомъ ужасномъ гробѣ Рагнаръ, какъ неустрашимый берсеркиръ и вмѣстѣ славный скальдъ, не упалъ духомъ, и самъ слагаетъ предсмертную пѣснь, въ которой воспѣваетъ подвиги своей богатой приключеніями жизни. Въ этой пѣснѣ или загѣ 28 строфъ, въ третьей изъ нихъ упоминается З. Двина (*Dina*), а въ четвертой р. *Ивикшта*, впадающая въ Двину въ Динабургскомъ уѣздѣ. Въ загѣ Ивикшта названа *Ifa*, но и нынѣ она Нѣмцами въ Лифляндіи называется *Ifst* или *Iost*. *X. Marmier: Lettres sur l'Islande. Paris, 1837.* Сага эта переведена на Латинской языкъ Шатобрианомъ (*pugnarimus ensibus*). *Chateaubriand: Oeuvres complètes. édit. Furne III.*

47) *Булгаринъ IV. 79—80.*

48) Гдѣ нынѣ деревня Царьградъ, при впаденіи р. Иглоны въ З. Двину см. еще *Büsching: Erdbeschreibung. T. I. 1027.*

49) *T. Czacki: o Prawach. I. 8. Narb. III, 316.*

50) Арцыбышевъ въ Моск. Вѣст. 1828 г. ч. XII, 66, относитъ время основанія Полоцка, только къ эпохѣ Рюрика. Отчего бы и не доказать.

54) Что такое *щляг*? По *Карамзину* монета, тоже что Нѣмец. *schilling* и Польс. *szelag*. По *Арцыбашеву*, — Москов. Вѣст. 1828 г., XII. 76 — говорить, что слово *щляг* происходит отъ Швед. или Варягорус. *Skinn* кожа (по Англ. *Skin*); въ Нѣмец. осталость оно въ *Schinden* сдирать кожу; что присоединивъ къ древ. Нѣм. *schin* кожа, уменьш. *ling* — составитъ *schilling*, а у насъ въ *шелляг*, *щляг*, и данное уже послѣ монетъ; следовательно *щляг* у Нестора, не монета, а шкурка звѣриная. Да и самъ лѣтописецъ сказалъ сначала, что Ковары обложили ихъ (Радимичей) только вѣверицами (*Лаврентьев*. 12) — а Ковары имаху на Полянахъ и на Сѣверянахъ и на Вятичахъ имаху по бѣлѣ и вѣверицѣ отъ дыма; а Олегъ на Древлянахъ по черной кунѣ (по *Радзивилу*). • Что въ древней Руси деньги металлическіе были извѣстны и ходили на вѣсъ, такъ доказательствомъ этому можетъ служить слово *золотникъ*, которыми означали тогда Византійскіе солиды, и вмѣстѣ съ этимъ извѣстный вѣсъ, равный 70 гранамъ; см. *Крука* Крит. разыск. о древ. Рус. монет. 118—119. *Григорьевъ*: — о Куф. мон. въ *Зап. Одес. Общ. Истор. и Древн.* I Одесса 1844. 165 пр. 168 — выражая убѣжденіе, что Славяне съ древнѣйшихъ временъ были знакомы съ монетою Англосаксовъ, говорить: • Сомнѣваться въ этомъ можно было только покуда думали, что въ IX и X столѣтіи не было звонкой монеты въ за-Днѣпровской Руси; теперь же, когда находками Восточныхъ и другихъ монетъ неопровержимо доказано противное, объясненіе этого слова въ лѣтописи не представляетъ болѣе прежнихъ затрудненій. Если *шелляг* и не были монетою Англосаксонскую (*Scylling*), такъ могли быть азіатскими диргемами. Мое мнѣніе то, что слово *шелляг*, означало Англосаксонскую монету только первоначально, въ послѣдствіи же значеніе его могло быть распространено вообще на метал-

лическія деньги, какому бы народу они не принадлежали, и какое бы имя не носили въ своемъ отечествѣ». См. ниже прим. 70.

52) *Соф. Врем.* 53.

53) *Θ. Буларинъ*.—IV 79—80.—Опираясь на слѣдующее мѣсто *Соф. Врем.* «Бѣ бо Рогволѣдъ пришелъ изъ за моря, имѣя власть свою Полтескъ, а Туровъ Туровѣ, отъ него же и Туровица прозвашася. . . .» — считаетъ Рогволода владѣтельнымъ княземъ не по милости Рюрикова дома, а утвердившагося въ Полоцкѣ или силою оружія или избраніемъ народа. Но, изъ словъ источника видѣнъ лишь фактъ и ничего о происхожденіи правъ Рогволодовыхъ на Полоцкъ, — что весьма ясно объясняется слѣдующимъ мѣстомъ Олегова договора: «заповѣди Олегъ дати уклады на Рускіе грады первое на Кіевъ, на Черниговъ, на Переяславъ, на Полтескъ, на Ростовъ, на Любечъ и прочіе грады». Слѣдовательно Полоцкъ зависѣлъ отъ Олега.

54) *Бутковъ*: Оборона лѣтописи Русской. С. Петербургъ 1840 пр. 160.

55) Въ *Троицк.*: «не хочу изути рабынича. . . . Владиміръ, какъ извѣстно, родился отъ ключницы. По древнему обычаю многихъ народовъ новобрачная на свадьбѣ или въ первую ночь разувала мужа—обычай, еще донынѣ существующій въ Бѣлоруссіи.

56) Въ *прод. Нест.* (с. 185) сказано: «Добрыня поноси дщери его и повелѣ Володимеру быти съ нею предъ отцемъ ея и матерію и потомъ отца уби». Спра-

ведливо ли это гнусное обвиненіе? спрашиваетъ *Карамз.*
I пр. 420—421.

57) *Татищевъ* безъ всякаго основанія говоритъ будто Рогволодъ пришелъ еще съ Рюрикомъ—за 118 лѣтъ предъ симъ! Но за то справедливо другое замѣчаніе Татищева, что вражда Ярополка съ Владиміромъ и бракъ втораго съ Рогнѣдою случились прежде 980 г., соображая показаніе возраста Ярославова, онъ былъ третій сынъ отъ Рогнѣды и въ 1016 году, слѣдуя Нестору, ему было 38 лѣтъ.

58) Въ печат. Нест. рѣчь Изяслава взята изъ *Никон. лѣт.* «егда одинъ жити хочещи, или безсмертенъ мнишися? приими мечъ сей, вонзи прежде въ утробу мою, да не вижу азъ смерти матери моея!» По древнимъ спискамъ Нестора и по самому Кенигсбергскому, этотъ самый юный Князь говоритъ только: «отче! егда единъ мнишися ходи?» Владиміръ отвѣтствовалъ: «а кто тя мнилъ сдѣ?» *Карамз.* I пр. 339.

59) Нынѣшній *Заславъ* близъ Минска.

60) «Посла (Владиміръ послѣ крещенія) къ женѣ своей Рогнѣдѣ, глаголя сице: азъ убо нынѣ крещень есмь, и прияхъ вѣру и законъ Христіанскій, подобаше ми едину жену имѣти, ею же поялъ въ христіанствѣ. Избери убо себѣ отъ вельможъ моихъ его же хочещи, да съчитаю тя ему. Она же отвѣщаша рече ему: или ты единъ хочещи царствіе земное и небесное въспріяти, а мнѣ маловременныхъ сихъ и будущаго дати не хочещи. Ты бо отступи отъ идольскія прелести въ сыновленіе Божіе, азъ же бывъ парицею, не хочу раба быти земному царю, ни князю, но уне

вѣститися хоцю Христови, и въспріиму ангельскій образъ».

61) *Карамз. I.*

62) Рѣчка Пещана вытекаетъ изъ болота, называемаго *Долгимъ островомъ* въ Быховскомъ уѣздѣ, и протеки 15 верстъ впадаетъ въ р. Сожъ недалеко отъ м. Пропойска того же уѣзда.

63) *Карамз. И. Г. Р. II прим. 20* «призва его (Ярославъ Брячислава) и вда ему два града *Селчъ* и *Вибдескъ*, и рече ему: буди же со мною одинъ. И воеваша Брячеславъ съ Ярославомъ по дни живота своего».

64) О ненависти Полоцкихъ князей къ потомству Ярослава см. у *Нестора* стр. 116, 186.

65) Въ *харат.* «Матери бо родивши бысть ему (Всеславу) язвено на головѣ его; рекоше бо волсви матери его: *се язвено: навляжи на нь, носитъ ѣ до живота своего* — еже носитъ Всеславъ и до сего дне».

66) «Ярославичи тріе.... идоша на Всеслава.... и придоша къ Мѣньску.... взяша.... и поидоша къ *Немизь*». *Татищевъ* (II. 119) думалъ тутъ о р. Нѣманѣ, съ чѣмъ согласенъ и *Арцыбшевъ* (II. 143), особенно по поводу слѣд. мѣста въ *Словѣ о Полку Игоревѣ*: «разшибе (Всеславъ) славу Ярославу, скочи вълкомъ до Немиги съ Дудутокъ» *Дудичи* нынѣ мѣстечко Минск. губ. въ Игумен. уѣздѣ недалеко отъ верховьевъ Нѣмана. *Карамз.* думаетъ такъ же (II 118). «Если это такъ» замѣчаетъ *г. Погодиный* — см. *Ж. М. В. Д.* ноябрь 1848 г. 191—то Ярославичи, послѣ разоренія Минска, продолжали походъ *впередъ* къ Полоцку. А мнѣ кажется вѣроятнѣе, что они удовольствовались

Минскомъ и пошли *назадъ* къ Смоленску черезъ *Немизу*, которая и должна находится гдѣ нибудь между этими городами. Здѣсь Всеславъ ихъ нагналъ и былъ разбитъ, а послѣ привлеченъ въ Смоленскъ. Если бы они шли впередъ, то по разбитіи Всеслава должны-бы были не останавливаться, а исполнить что хотѣли прежде—разорить Полоцкъ, или тому подобное; но мы не видимъ никакого дѣйствія и встрѣчаемъ ихъ у Смоленска. *Ходаковский*—см. *Рус. Ист. Сборн.* I. 38—сообщаетъ, что въ г. Минскѣ находится протокъ *Немиза*, впад. въ Свислочь съ правой стороны. Непонятно также и дѣлаемое здѣсь предположеніе, будто въ случаѣ, если въ разсматриваемомъ мѣстѣ лѣтописи принять *Немизу* за *Нѣманъ*, надо будетъ допустить, что Ярославичи, послѣ разоренія Минска продолжали походъ *впередъ* къ Полоцку. Совершенно напротивъ: всякое движеніе отъ Минска къ *Нѣману* было бы уклоненіемъ отъ Полоцка *назадъ*. Впрочемъ, какому сомнѣнію не подлежитъ, что Ярославичи точно двигались не *назадъ*, а *впередъ* отъ Минска; ибо въ лѣтописи говорится, что когда они пошли къ *Немизѣ*. Всеславъ изъ Полоцка *поиде противу*: а этого вовсе нельзя толковать такъ, будто нагналъ ихъ, напротивъ это буквально значить, что онъ ихъ *встрѣтилъ*. *Ходаковский* не останавливается здѣсь на *Немизѣ*, которую онъ открылъ въ Минскѣ; и это вѣроятно по той причинѣ, что, по тексту лѣтописи, между Минскомъ и урочищемъ, гдѣ произошли встрѣча враждебныхъ Князей, должно находится нѣкоторое пространство; но чтобы отстранить рѣшительно это слишкомъ соблазнительное сходство именъ, надо обстоятельно дознать какъ велика существующая нынѣ въ Минскѣ *Немиза* и не берется ли она откуда нибудь изъ отдаленія. Во всякомъ случаѣ, урочище это должно искать сѣвернѣе Минска: съ чѣмъ согласуется и дальнѣйшій раз-

сказъ лѣтописи по которому Всеславъ, разби́тый на *Немизѣ*, является потомъ на *Рши*, по всей вѣроятности у нынѣшней Орши, между которою и *Друтескомъ*, городъ *Немиза* поставленъ въ древн. Географ. отрывкѣ. *Ж. М. В. Д.* 1848 ноябрь 192 — 193 —

67) «и тако яша Всеслава на Рши у Смоленска». *Рша* должна быть нынѣшняя Орша. См. также *Ж. М. В. Д.* ноябрь 1848 г. 194.

68) отъ 15 сент. 1068 до 2 мая 1069 года.

69) Въ IX пѣснѣ *Слова о полку Игоревѣ*: «Всеславъ князь людемъ судяше, княземъ грады радяше, а самъ въ ночь вълкомъ рыскаше, изъ Кыева дорыскаше до Куръ Тмуторакана великому Хрѣсови вълкомъ путь перерыскаше. Тому въ Полотскѣ позвониша заутреню рано у Святыхъ Софен въ колоколы: а онъ въ Кыевъ звонъ слыша. Аще и вѣща душа въ друзѣ тѣла, нѣ часто бѣды страдаше». *Калайдовичъ* приискалъ въ *Синодаль. Евангеліи* 1144 г. текстъ: «и абіе куръ возиласи и въ *Волын. лѣт.* слова: «яко бысть въ куръ (во время пѣнія пѣтуховъ)»; поэтому дорыскаше до Куръ Тмуторакана означаетъ, что Всеславъ прибылъ въ Тмутораканъ до свѣта, еще до пѣнія пѣтуховъ. *Хрѣсъ Калайдовичъ* считаетъ кумиромъ, поставленнымъ *Владимиромъ*, другіе читаютъ это слово г. *Херсономъ*; а *Бутковъ* видитъ въ немъ ошибку переписчика, поставившаго *Хрѣсови* вмѣсто *Днѣпрови*. По его же мнѣнію *Тмутараканъ*, упоминаемый въ словѣ, не тотъ, что на Таманѣ, но гдѣ-то по пути отъ Кіева къ Полоцку, именно на правой сторонѣ р. Остра, при соединеніи ея съ Десною, гдѣ нынѣ село *Старогородки* въ одной верстѣ ниже г. Остра, въ 60 верстахъ отъ Кіева. Здѣсь Ярославъ и братъ его князь Мстиславъ Тмутораканъ

скій, заключили миръ. См. *Вѣст. Европы* 1821 г. №№ 21 и 22; *Сынъ Отеч.* 1834 г. № 52.

70) *Голотичскск* упоминается въ Древ. Геогр. отрывкѣ въ числѣ городовъ Литовскихъ послѣ Серпейска. *Карамз.* спрашиваетъ не *Олита* ли это на Нѣманѣ? II пр. 125. *Арц.* II, 164 указываетъ на нынѣшнѣе мѣстечко *Головачино* въ 32 верстахъ отъ г. Могилева съ чѣмъ согласенъ и *Полюдинъ* Ж. М. В. Д. ноябрь 1848 г. с. 193.

71) Нынѣ бѣднѣйшее мѣстечко Могилевского уѣзда съ остатками древнихъ укрѣпленій.

72) Вотъ одно изъ обстоятельствъ, указывающихъ на существованіе обширной транзитной торговли въ этомъ краѣ, оставившей по себѣ куфическія монеты. Въ 1822 году въ Гомелѣ найдено 82 Саманидскія монеты (съ 896 по 943 г. по Р. Х.), и въ этомъ же году открыты *Френомъ* въ Москвѣ, въ Охотничьемъ ряду, привезенныя евреями изъ Могилев. губ. въ мѣшкѣ болѣе 1300 куфическихъ монетъ, не считая четвертушекъ и половинокъ, вѣсомъ болѣе 7 ф. Это самая замѣчательная находка куфическихъ монетъ, открывшая въ первый и послѣдній разъ Африканскія диргемы. Въ числѣ ихъ были: а) Испегбедскія съ надписями на Пеглевійскомъ и Арабскомъ языкахъ вмѣстѣ, послѣднія относятся къ VIII и началу IX вѣка нашей эры; б) Восточныхъ Умейядовъ съ 699 по 747 г.; Аббасидскія съ 749 по 815 г.; г) Западныхъ или Испанскихъ Умейядовъ, съ 767 по 802 г.; и наконецъ д) Эдрисидовъ, съ 789 по 802 г. Въ Витебскѣ въ 1839 г. найдены 3 серебр. монеты и 4 обломка, Умейядскія и Абасидскія VIII и IX. См. *Journal de St. Pétersbourg.* 1825 № 100. *Bullet. Scient.* I, c. p. 324. 326, 1839. *Lelewel: Numismatique du moyen âge.*

Vof. II. 83 и наконецъ въ Зап. Одес. Общ. Ист. и Древ. 1844 г. I, 153. *О куфическихъ монетахъ* и проч. *Григорьева*. Кромѣ этихъ находокъ, какъ намъ лично извѣстно, было много другихъ, никѣмъ не описанныхъ.

73) Мономахъ въ своей духовной говорить: «тѣмъ же путемъ по Всеславѣ пожегъ землю и повоевавъ до *Лукамля*, до *Логожска* ѣта на Дрьютскъ воюя... Лукомль, при озерѣ того же имени, нынѣ мѣстечко Сѣнскаго уѣзда Мог. губ., Логожскъ нынѣ мѣстечко въ Борисов. уѣздѣ Мин. губер, на Польск. картахъ *Łobouk*.

74) *Слово о Полку Игоревѣ*. Пѣснь IX: «на седьмомъ вѣцѣ Трояни вѣрже Всеславъ жребій о дѣвицу себѣ любу».

75) *Татищевъ* справедливо замѣчаетъ, что геніалогія Полоцкихъ князей не ясна; ибо нѣкоторые изъ нихъ называются однимъ именемъ, и древній лѣтописецъ не сказываетъ намъ ихъ отчества. Въ *Родослов. Книгѣ* показаны у Всеслава только два сына: Борисъ и Ростиславъ; у Бориса, бывшаго, по словамъ *Татищева*, основателемъ Борисова уѣзда г. Мин. губ., былъ сынъ Рогволодъ, который женился въ 1144 году; а Рогволода дѣти Василій, Иванъ, Ростиславъ. Но Давидъ, Глебъ, Романъ были также Всеславичи, и Рогволодъ, который сдѣлался Полоцкимъ княземъ въ 1127 году, и коего дѣти въ 1129 г. сосланы въ Царьградъ, долженъ быть не сынъ Борисовъ а братъ. Авторъ *Степен. Кни.* I, 270 пишетъ, что Всеславъ имѣлъ многихъ сыновей и что меньшій, отецъ Св. Ефросиніи или Предславы, назывался Георгіемъ. *Карамз.* II пр. 251. Не только въ *Словѣ о Полку Игоревѣ* но и въ *Кіевѣ*.

лѣт. подъ годомъ 1178 сынъ Васильковъ Всеславъ, названъ внукомъ (правнукомъ) Всеслава Полоцкаго 1-го *Narb. D. S. N. L. III. 266 Stebelski: Zywoły SS. Pamięć Enfrozyny i Prascowli. Wilno 1781 г.*

76) Границы опредѣливъ городами, которыхъ принадлежность къ Полоцкому княжеству обнаружено событіями, совершившимися до XII вѣка. По случаю ихъ упоминаются: Минскъ, Дудичи или Дудутки, Голотическѣ (?), Одрскѣ (?), Лукомль, Друцкѣ, Логожскѣ, Орша, Комысь, Вячеславъ, Изяславъ, Борисовъ, Нѣклучъ (Полец. уѣз. при озерѣ т. и.), Городецъ Емелнецъ (Витеб. губ. Невельск. уѣзд.) Витебскъ, Усвяты (Сурож. уѣз.). См. *Жур. Мин. Вн. Д.* ноябрь 1848 г. с. 197.

77) Объ этой войнѣ въ *духовной* Владиміра такъ сказано: (стр. 42, 43): къ Менску ходилъ на Глѣба, оже ны бѣше люди звалъ. «Въ *Кіев. лѣт.* подъ г. 6624 (1116) глѣ вмѣсто *Смоленск* нужно читать *Менскъ*»; Володимерь же нача ставити избу у товара (стана) своего противу граду. Глѣбови же узрѣвшу, ужасеся сердцемъ, и нача ся молити... Володимерь же сжался тѣмъ, иже проливаетеся кровь во дни Вел. поста, и вдасть ему миръ. Глѣбъ же вышелъ изъ града съ дѣтьми и съ дружиною, поклонися Володимеру... Володимерь же, наказавъ его о всемъ, вдасть ему *Меньскъ*. «*Татищевъ* пишетъ, что Мономахъ, изъ уваженія къ предстательству другихъ князей, согласился забыть вину Глѣба и далъ ему съ семействомъ великій паръ. *Карамз. II*, пр. 203.

78) Ярополкъ сруби городъ Желній... *Карамз. II* пр. 223 исчетъ его въ Курской губ., гдѣ была рѣка Желень (*Болш. Черт. 142*), и далѣе (IV пр. 104) и со-

знается, что не знаетъ времени построения Новогрудка (Мин. губ.). *Нарбутъ* III, 271 — 274 дозналъ, что нынешній Новогрудокъ назывался прежде *Желно*. Нарбутъ имѣлъ въ рукахъ крѣпостной актъ 1589 г. между дворянами Богдѣвичами гдѣ сказано: «писанъ въ Новогрудку на *Желеньскомъ* подзамчу въ лѣто Божего нарожения 1589 августа 5 дня». Мономахъ сперва только осаждалъ Минскъ, а взялъ его уже чрезъ три года. Глѣбъ, умершій въ Кіевѣ сент. 13 д. 1119 г. женатъ былъ на дочери Ярополка Изяславича, убиеннаго Нерядцемъ, Супруга его вдовствовала 40 лѣтъ и умерла на 84 г. отъ роду. *Карамз.* II кн. 223.

79) Мѣстечко *Городно* Мин. губ. между рр. Стыремъ и Горынью, а Клецкъ близъ Несвижа. «а Всеволоду Ольговичу повелѣи ити съ своею братьею на *Стрижеско* къ *Борисову*.» Въ Денельскомъ уѣздѣ Витеб. губ. есть озеро *Стрижеско*, а при немъ городище.

80) У *Карамз.* въ текстѣ неправильно стоитъ къ *Борисову*, основанному не Борисомъ Всеславичемъ, какъ думаетъ *Татищевъ* послѣ удачнаго похода на Ятвяговъ, но Борисомъ Всеволодовичемъ въ 1102 г. *Danilowicz: Latop.* 122. *Стрижковскій* неизвестно откуда взялъ, что Борисовъ основанъ Борисомъ Гинивловичемъ — болѣе 100 лѣтъ послѣ!

81) Гдѣ княжилъ въ это время Борисъ Всеславичъ? Въ лѣтописяхъ сказано, что въ 1128 г. скончался Полоцкій князь Борисъ Всеславичъ; но въ этомъ году въ Полоцкѣ княжилъ не Борисъ, а Рогволодъ Всеславичъ послѣ брата своего Давида. Не достался ли Борису Минскъ по смерти Глѣба Всеславича? Кажется, лѣтописцы называютъ всѣхъ князей этого дома Полоцкими, по имени главнаго удѣла.

82) Въ *Воскресен. лѣт.* I. 269 и *Кіев. г.* 1140 сказано, что Полоцкіе князья отвѣтствовали Мстиславу: «Бонякови шюлудивому въ здорове.» *Татищевъ* пишетъ, что Мстиславъ отправилъ Полоцкихъ князей въ Царьградъ къ *лѣтню* своему Императору Іоанну, давшему имъ жалованье, и что они служатъ ему храбро воевали съ арабами — о чемъ не упоминаютъ Византійскія лѣтописи. *Карамз.* II. пр. 252.

83) Нѣкоторые позже; въ *Кіев. лѣт.* подъ г. 1140 сказано: «Взыдоша княжича два изъ Царягорода, заточени были Мстиславомъ.»

84) Должно быть внукъ Всеслава, сынъ Святослава.

85) Около этого времени въ первый разъ упоминается нынѣ уѣзд. города Мог. губ.: *Рогачевъ*, отданный вмѣстѣ съ Юрьевомъ въ 1142 г. В. К. Всеволодомъ Игорю Святославичу; *Гомель* (Гомѣй) принадлежавшій къ городамъ Черниговскимъ; и наконецъ около 1157 г. *Чечерскъ* нынѣ мѣстечко Рогачев. уѣзд. Гомель былъ столицею Сожской области, состоявшей изъ нынѣш. Гомел. Рогачев. и Чериков. уѣзд. и принадлежавшей княжеству Черниговскому — см. *Карамз.* II. пр. 279.

86) *Кіев. лѣт.* «Яша Полочане Рогволода Борисовича, князя своего, и послаша и Меньску, и ту его дрѣжаша въ велицѣ нужи, а Глѣбовича къ себѣ въ ведоша; и прислашась Полочане къ Святославу Ольговичу съ любовію, яко имѣти его отцомъ собѣ, и ходити въ послушаніи его, и на томъ цѣловаша крестъ.»

87) *Карамз.* II 170—171 пр. 386.

88) И нынѣ существующее. Арх. II. 426, слѣдую варианту *Тат.*, ошибочно видитъ Бѣлчицы въ *Кобельницѣ* и мѣстечкѣ *Лепель*. уѣз.

89) Не въ Минск. губ., какъ думаетъ *Карамз.* II пр. 250., но въ Лепель, уѣз. Витеб. губ., гдѣ, какъ уже выше было замѣчено, есть озеро *Стрыжеево*.

90) Въ это время жила въ Полоцкѣ св. *Ефросинія*, Предиста или Предислава въ свѣтѣ — внучка (?) Все-слава Брячиславича, построившая въ 1160 г., въ 2-хъ верстахъ отъ города, въ урочищѣ, называвшемся *Сельцо*, каменную Спасскую церковь вмѣсто бывшей тамъ же деревянной. Въ этой церкви по обѣимъ сторонамъ хоровъ видны двѣ маленькія келіи, въ которыхъ жила святая отшельница, въ цвѣтѣ юныхъ лѣтъ отрекшаяся отъ міра, въ которомъ славилась красотою и ангельскою кротостію. Здѣсь занималась она перенискою священныхъ книгъ и отсюда, въ 1173 г., вышла на поклоненіе Гробу Святому въ Иерусалимъ, гдѣ и скончалась 23 мая этого же года. Кромѣ Спасской, ей приписываютъ еще построеніе другаго храма во имя Пресв. Богородицы съ женскимъ монастыремъ, котораго и слѣдовъ не существуетъ. Въ этомъ послѣднемъ храмѣ находился образъ Пресв. Богородицы, писанный Св. Лукою, присланный въ даръ Ефросиніи Императоромъ Еммануиломъ и Лукою Патріархомъ Константинопольскимъ, во время политическихъ смутъ, перенесенный сперва въ Кіевъ, а послѣ изъ Кіева во Владиміръ и оттуда въ Москву, гдѣ нынѣ находится въ Успенскомъ храмѣ — въ чемъ удостовѣряетъ положенная на немъ надпись: *Ефросинія* — см. *Грудникъ Рѣчерб.* г. 1841. № 35. — Въ Полоцкомъ Софійскомъ храмѣ и донынѣ хранится крестъ, подаренный Ефросиніею Спасской церквѣ съ

славянскою надписью: «Въ лѣто 6 и 669 отъ сотворенія міра (1161) покладаетъ Оверозинія честны крестъ въ Монастеру своемъ, во Церкви Святого Спаса и проч. см. Rubon T. I. 29. — *Stebelski: Żywoty SS. Papien Eufr. i Prąsewii. Wilno 1781 г. Ж. М. Н. Пр. за январь 1841. — Сажаровъ: Сказанія Рус. Нар.*

- 91) «Приходи Рогволодъ съ Полотъчаны къ Городицю... Рогволодъ же выбѣже въ Случьскъ. Арц. II. 1081. несправедливо принимаетъ его за нынѣшній уѣзд. городъ Витебск. губъ Городецъ. Городецъ есть множество по всей Бѣлорусси, и между Полоцкомъ а Случкомъ вособенности, и упоминаемый городокъ долженъ находится между этими городами см. Ж. М. В. Д. Ноябрь 1848 г. 196.

92) Въ 1818 году найденъ между Оршею и почт. станціею Кохановомъ въ 18 верстахъ отъ первой, близъ почтовой дороги большой поставленный въ память этому князю камень въ 5 арш. и 6 вер. длины и 3 ар. и 11 вер. ширины, лежащій нынѣ посреди часовни, выстроенной надъ нимъ крестьянами гр. Воронцова. Во всю длину камня высѣченъ крестъ, вокругъ котораго славянская надпись: «Въ лѣто 6679 (1171) Маіа въ 7 день достынахъ крестъ сій: Господи! помози рабу своему Василю въ крещеніи именемъ Рогволodu, сыну Борисову.» Этотъ камень искали долгое время изъ любопытства, возбужденнаго Малиными — см. *Зерцало Россійскихъ Государей*, стр. 168. Самое дѣятельное участіе принималъ въ этомъ графъ Румянцевъ, пріѣзжавшій нарочно для этого въ Оршу, наконецъ въ 1818 году найденъ онъ ректоромъ Оршанскихъ Іезуитовъ Дезидеріемъ Ришардетомъ; но надпись свидѣтельствуетъ, что онъ поставленъ Василю Борисовичу, а не Василю Святославичу, Меномахову внуку,

какъ утверждалъ Мазгинъ. *Dzienn. Wilen.* 1848. N. 394. *Opisanie Powiatu Borysowskiego. pz Eust. Tyszkiewiczza.* Wilno. 1847 г. 33.

93) Судя по отрывочнымъ извѣстиямъ въ XII столѣтїи въ Полоцкомъ княжествѣ было девять удѣловъ: Полоцкъ, Витебскъ, Друцкъ, Изяславль, Минскъ, Городниъ или Городокъ, Стрѣжевъ, Лукомль, Логойскъ.

94) *Narbutt.* III. 266 — не приводитъ источника, но на основанїи, какъ кажется, рукописной ему принадлежащей лѣтописи (*Kronika Bychowca*) — говоритъ, что послѣ смерти Всеслава 1-го Полоцкое княжество до того раздробилось на мелкіе удѣлы, что наследнику его *Святославу* или *Юрію*, умершему около 1040 г. достался одинъ лишь Полоцкъ; сыновья его Вячеславъ и Давидъ не ниѣя потомства дали вольность городу со дня смерти ихъ. Потому Полоцкъ сдѣлался вольнымъ городомъ, а княжество обратилось въ республику, управлявшуюся вѣчемъ и 30 старѣйшинами или боярами. Если это когда нибудь было, такъ вѣроятноте теперь, послѣ смерти Всеслава Васильковича между 1181 и 1185 годами.

95) Въ *Новгород. лѣт.* подъ 1185 г.: «и умирившеся воротилишеся на Еменьци.» Въ *Харатейн* подъ 1186 г.: «на зиму же иде Давидъ... и здумаше Полочане, рекуще: не можемъ стати противу; много ны зла сотворять; пойдемъ къ нимъ на сумежье. И срѣтоша я на межахъ и даша дары и уладишеся.» *Ка-рамз.* III. пр. 84.

96) *Лѣтопись Бѣлагоца*: Kernus prawował na wsiej ziemi Zawelskiej (Завицкой) po hranicu Letybałskuju

i po Zawelskij Brasławli, aż po reku Dwinu. — *Narb.* III. 229.

97) *Narb.* III. 232.

98) Много воображали о древнѣйшей зависимости Литвы отъ князей Русскихъ, и не извѣстно откуда взялъ Карамзинъ будто бы Литва почти 150 лѣтъ находилась въ этой зависимости? Но изъ великаго вышло очень малое. Новѣйшій историкъ Литовскаго народа, *Нарбутъ* — *Dzieje Starożytne Narodu Litewskiego*. Wilno 1837 г. III 226 — не только опровергъ извѣстiе, будто бы Литовцы платили дань Русскимъ вѣниками — истую басню, пущенную въ ходъ *Кадлубкомъ*, *Кромеромъ*, *Меховіемъ*, и повторенную *Стрыйковскимъ* и *Нарушевичемъ* — но и до осязательности опредѣлилъ границы той части Литвы, которая нѣкоторое время была въ зависимости отъ князей Русскихъ. Страна эта была именно Нерома и Пелузія — не большія земли въ нынѣшнемъ Опшьянскомъ уѣздѣ Вилен. губ. находившіяся подъ властію Русскихъ, всего 21 годъ, считая со времени похода Ярослава въ 1044 г. Что древняя Исторія Литвы не была хорошо извѣстна нашему историографу этого не нужно и доказывать; потому что она разработана 30 лѣтъ спустя послѣ него Нарбутомъ, до времени котораго она была еще темнѣе нежели Русская исторія до Карамзина. Впрочемъ объ этой зависимости говорили многіе. *Длугошъ*, писавшій въ XV вѣкѣ, а за нимъ и *Меховій* говорятъ, что Литва еще за 1000 лѣтъ была въ зависимости отъ Кривичей или Полочанъ, знаковыхъ *Горнанду*, подъ именемъ *Кримова* или *Хримова*. *Колловичъ* говоритъ тоже, что Литва находилась въ зависимости отъ Россіянъ во время княженія въ Новгородѣ Владиміра Святославича 971—980 г. см. *Лавр.*

лт. с. 9; *Горнада* гл. 5; *Длугош* кн. IV гл. 10; *Стрыйковский* кн. II, гл. 6; *Кеппель*: о происхожд. Литвы с. 37. Не Литва, но скорѣе южная Ливонія находилась въ зависимости отъ Кривичей.

99) Завоевавъ Нерому и Пелузію Ердзвилъ роздалъ тамъ нѣкоторымъ Литовцамъ волости: Грумпію Островъ, Ейкисиу Ейшишки, Гравжѣ Гравжишки — имѣнія и нынѣ существующія подъ этимъ же названіемъ. Отъ этихъ Литовцевъ произошли древніе дворянскіе роды, или какъ сказано въ *латониси Быховца*: «што ныни Князи и Панове въ Повѣтъ Ошмянскимъ держать». *Narb.* III. 239.

100) *Стебельскій Chron.* I. 146 весьма основательно опровергаетъ *Стрыйковского*, относящаго покореніе Полоцка Мингайлою къ 1220 году. *Narb.* III. 307.

101) *Narb.* III. 308—310, положительно удостовѣряетъ существованіе Литовско-Полоцкой династіи. Мы слѣдуемъ Нарбуту, писавшему гораздо позже Карамзина, и потому не могшему встрѣтиться съ такими трудностями въ отношеніи Русской Исторіи съ какими встрѣтился Карамзинъ въ отношеніи Литовской. Наконецъ, Нарбутъ пользовался при этомъ весьма важными источниками, какъ напр. рукоп. лт. *Быховца*, *родослов. таблицами Августина Ротунда*.

102) По *Карамз.* не видно, чтобы въ это время существовалъ въ Твери князь этого имени. Можетъ быть и ошибка въ имени; но св. Прасковія, княжна Полоцкая, умершая въ Римѣ въ 1239 г. и канонизированная тамъ въ 1279 г. должна была имѣть при этомъ свою родословную, которая *Стрыйковскому*, какъ

лицу духовному, должна была быть известна. *Narb.* III. 309—310 — *Stebelski. Żywoty* etc. 141—220.

103) *Narb.* III. 310—*Стрыйковский.* стр. 232—Въ летописи *Быховца* Гинвилгъ названъ *Борко*, и сказано, что онъ скончался въ Оршѣ, имъ же основанной (?)—развѣ распространенной и укрѣпленной.

104) *Narb.* III. 311—*Stebelski.* 148. — Время построения Полоцкаго Софійскаго храма не известно; однакоже, нельзя его приписывать Борису Гинвиловичу, могшему развѣ вмѣсто стараго выстроить новый; наконецъ могъ ли Полоцкъ, любившій во всемъ подражать Новгороду, не имѣть и своего Софійскаго храма?

105) У *Stebel.* I. 151. неправильно 1226 г.—*Narb.* III. 312.

106) Между Полоцкомъ и Дисною по Двинѣ попадаются древніе камни съ изсѣченными на нихъ крестами и надписями, посвященные памяти *Князя Бориса. Стрыйковскому* въ 1575 г. былъ известенъ только одинъ подобный камень, нынѣ же открыто ихъ уже нѣсколько. Первый камень, прозываемый *Борисомъ*, лежитъ въ Двинѣ, въ 5 верстахъ ниже Полоцка у лѣваго берега противъ оврага наз. Прорытка и имѣнія Герахты на правомъ берегу. Второй камень тоже въ Двинѣ въ 5 верстахъ ниже г. Дисны, между деревнею Наконниками на лѣвомъ и корчмою Осиковкою на правомъ берегу. Третій, самый большій, лежитъ среди Двины въ 7 верстахъ ниже Дисны между имѣніемъ Волотками на правомъ и устьемъ р. Поянужки на лѣвомъ берегу. Тутъ же возлѣ третьяго лежитъ и четвертый, самый меньшій, у лѣваго берега Двины въ поперекъ ея теченія при устьѣ р. Поян-

нужки. На камнях насѣчены греческіе кресты и на каждомъ одна и таже надпись: *Господи помози рабу твоему Борису*, исключая четвертаго на которомъ тоже по-славянски: *Сильный храбрый Борисъ святой. Стрыйковский*, пlying въ 1575 г. изъ Витебска въ Дюнамонде, видѣлъ въ одной миля ниже Дисны камень съ крестомъ и съ надписью: *Вспоможи Господи раба своего Бориса сына Гинвиллова*. Тоже самое говоритъ и *Колловичъ* (стр. 74) и *Свенцкій* (*Opis Starożyty. Pol. II. к. 234*). Нынѣ подобнаго камня нѣтъ, быть можетъ, что видѣнный Стрыйковскимъ былъ третій камень, и что онъ по догадкамъ прибавилъ: *сына Гинвиллова*. *Колловичъ* переводитъ лишь надпись по Стрыйков. на Латинскій: *Miserere Domine paup̄rio tuo Boruso Gniwillonis filio*. Два или три подоб. камня еще открыты около Дисны — см. *Rubon. 1842. II. 37*. — Ни отчество, ни годъ на камняхъ не означены — слѣдовательно, которому изъ двухъ Борисовъ князей Полоцкихъ приписать ихъ? — Борису Гинвилловичу? такъ думаетъ *Narb. III. 311* и *Стрыйков. 253*.

107) *Нарбутъ III. 312—313*.

108) Василька Володаревича лѣтописи называютъ *Полоцкимъ*; но это очевидная ошибка, или лучше общее названіе, которымъ лѣтописи называютъ всѣхъ князей Полоцкаго дома по имени ихъ главнаго удѣла. Василько Володаревичъ долженъ быть князь Логожскій или Минскій. Борисъ Друцкій долженъ быть сынъ Всеслава и правнукъ Рогволода.

109) *Narb. III, 229. Карамз. II, 126*.

106) *Карамз. III пр. 87*, назвавъ Владиміра княземъ *Полоцкимъ*, тутъ же сознается, что не знаетъ кто былъ

онъ въ самомъ дѣлѣ. Кто послѣ Всеслава Васильковича или 1181 года княжилъ въ Полоцкѣ? неизвѣстно; мы (см. выше прим. 90) на основаніи нѣкоторыхъ данныхъ предположили что Полоцкѣ между 1181 и 1185 годами сдѣлался республикою со дня смерти Всеслава, день кончины котораго хотя и не извѣстенъ, но долженъ былъ случиться въ этомъ промежуткѣ времени. *Татищевъ*, ссылаясь на *Хрущев. лѣт.*, рассказываетъ по поводу войны въ 1182 г. Василька Ярополка Дрогичинскаго съ *Владиміромъ* Володаревичемъ Минскимъ не вполне согласное съ исторіею, см. *Карамз. III*, пр. 87. Между тѣмъ, *Нарбутъ III*, 325 доказываетъ, что Владиміръ былъ не *Полоцкій* но *Псковскій* князь, и что Карамзинъ впалъ въ ошибку по причинѣ опечатокъ, вкравшихся при изданіи нѣкоторыхъ лѣтописей. *Arnold Lubecensis: Chron. Slav. lib. VII c. 8—9* называетъ этого князя *Valdemarus Rex de Plisceka*; въ изданной же *Груберомъ* лѣтописи *Генриха Латтша* (*Heinrich der Lette*) сказано: *Valdemarus de Plosceke* (*Liefland. Chron. p. 3*); очевидная ошибка, потому что далѣе, на стр. 51 и 160 сказано *Rex de Plescekowe* т. е. Король Плесковский или Псковскій. Эта ошибка вѣроятно произошла оттого, что лѣтописецъ Генрихъ часто говоритъ и о другомъ Русскомъ Князѣ, котораго называетъ *Rex de Plosceke*: стр. 26. 40, гдѣ говорится именно о Полоцкомъ князѣ, потому что авторъ пишетъ Полоцкѣ *Plosceke*. Изъ Исторіи *Карамз. III*, Род. таб. № V видно, что въ это время именно въ Псковѣ былъ княземъ Владиміръ сынъ Мстислава храбраго, и господствуя въ Псковѣ и Новгородѣ могъ не безъ основанія слѣть могущественнымъ государемъ, которому принадлежала въ то время дань съ Ливоніи. Тоже самое говоритъ *Понтанусъ* въ исторіи Даніи стр. 290: "... indultu Regis Valdemaris primi, qui tum Livoniam tenebat, sancto prope ripam Rubonis edificato..."

111) *Chron. Liv. vet.* p. 52: Baptismum, quem in aquam susceperant in Duna se lavando removeere putant, remittendo in Teutonium. *C. Соловьев II.* 378 нр. 430.

112) Тамже, II 378—380.

113) *Gruber. Lief. Chron.* 26.

114) Кто былъ этотъ Всеволодъ или Wissewald? Изъ рода ли Полоцкихъ князей? Русскія летописи почти не упоминають о Герике, Нѣмецкія тоже.

115) *Chron. Liv. vetus* p. 95.

116) *Chron. Liv. vetus* p. 101: Erat autem inter eos Ako, princeps ac senior ipsorum, qui totius traditionis et omnium malorum existerat auctor.

117) *Grub.* 33.

118) *Ibid.* 40—42. *Narb.* III 445—449.

119) *Grub.*: rebus certis territi... p. 50.

120) *Grub.* 52—56. *Narb.* III, 448—457.

121) Въ Динабург. у. Витеб. губ. гдѣ нынѣ деревня Цароградъ при устьѣ р. Игловы въ Двину, вблизи мызы Liewenhoff (дворъ Ливовъ) — *Narb.* III, 460. Была цѣлая область, зависѣвшая отъ этого города или крѣпости, называвшаяся. *Gerse Häirn* (S. 141) приводитъ слѣд. грамоту: «quia propter pervicacis nimis paganorum incultus, quibus frequenter molestamur et devastamur in bonis et personis, adeoque terrae nostrae sunt et fuerunt desolatae penitus annis pluribus et destruc-

tas, sicut in terris Semigalliae Valetz et Gerce patet evidentur. • См. о Герсике у *Бичинна*: *Erdbeschreib. I. 1027*: Герсикъ въ рус. лѣт. называется *Воробьевымъ*.

122) У *Grub. 62 Wissewaldus*.

123) *Narb. III. 460*.

124) *Новгород. лѣт.* еще подъ 1167 г. «нагъзоша себѣ путь (Литовцы) на Вячко и Володора». *Карамз. II, 408*.

125) «quasi oves in fauce luporum, quando sunt sine luporum» *Grub. p. 62. Narb. III, 461*.

126) *Regulus ex altera parte Dunae, suspiria magna trahendo et gemitibus magnis ululando exclamavit dicens: «O! Gercike, civitas dilecta! o hereditas patrum meorum! o! innopinatum excidium gentis meae; Vae mihi! ut quid natus sum videre incendium civitatis meae! videre contritionem et interitum populi mei».* *Grub. Liefl. Chron. I, 74—75*.

127) Тамъже въ латин. подлинникѣ написано *patschka* т. е. батька или батюшка — имя, которое Всеволодъ давалъ Альберту.

128) *Narb. III, 463*.

129) *Narb. III, 470. Grub. 85. Hiörn. S. 87*.

130) *Vesceka, Vyesccka* у *Генриха Ламинна* с. 47, 60, 161. *Grub. 47*, называетъ его *Viescus*. *Narb. III, 478—479*.

131) Одно изъ самыхъ темныхъ мѣстъ исторіи князей Полоцкихъ. *Карамз.* не рѣшаетъ этого вопроса; но *Нарбутъ* (III. 479) совершенно убѣжденъ въ томъ, что *Василій Рогволодъ* не только былъ княземъ, названнымъ *Карамз. Владиміромъ*, но и въ томъ еще, что этотъ же самый князь владѣлъ *Кокенгаузеномъ* и послѣ *Дерптомъ*. Вотъ, что говоритъ *Нарбутъ*, впрочемъ полный сознающій запутанность этого мѣста въ исторіи: «Во первыхъ — что касается имени — Русскія лѣтописи, приводимыя *Карамз.* (II пр. 418, III пр. 205) называютъ его *Вляко*; а это не что иное, какъ лишь испорченное уменьшительное имя *Василія*. Въ нашихъ источникахъ находимъ его же самаго подъ именемъ *Wasskonus* и *Waszkon* т. е. *Васька*, тоже уменьшительное имя *Василія*. Во 2-хъ, что онъ былъ именно тѣмъ же самымъ, котораго мы знаемъ въ Исторіи нашей подъ именемъ *Василія Рогволода сына Бориса Гнивилловича*, въ этомъ убѣждаютъ насъ весьма достовѣрныя данныя (см. III, 479). Жена этого князя называлась *Баба*, отъ которой онъ имѣлъ дочь *Софію*, вышедшую замужъ за *Нѣмецкаго рыцаря Дитриха*. Новобрачнымъ епископъ подарилъ *Кокенгаузенъ* съ волостями (см. *Härrn. S. III*). По *Карамз.* (Род. Таб. IV) за *Василіемъ Рогволодомъ* была въ замужествѣ дочь *Изяслава Мстиславича*».

132) *Гадебунъ*: В. I. S. 177. *Narb.* III 480 — 483. *Стрыйков.* (234) говоритъ, что *Рогволодъ* погребенъ въ Полоцкѣ въ Спасской церкви; это еще не противурѣчитъ сказанному, ибо *Нѣмцы* могли позволить тѣло князя отвезти въ его столицу.

133) *Narb.* IV 23—24.

134) *Narb.* IV 67—89. *Карамз.* IV. пр. 2.

135) *Narb.* IV, 101.

136) *Карамз.* 18, 79. *Narb.* IV, 212.

137) *Narb.* IV, 123.

138) *Narb.* IV, 122—127.

139) *Narb.* IV, 127.

140) *Narb.* IV, 164.

141) *Narb.* 107, 213.

142) *Schlezer: Geschichte von Lithauen.* S. 43. *Narb.* IV, 213.

143) *Narb.* IV, 220—223. *Карамз.* IV 98 пр. 135.

144) *Narb.* IV, 223, 311. *Карамз.* IV, 52, 89 пр. 119. *Стрыйк.* 287 sq. *Dusburg.* P. III. 241.

145) *Narb.* IV, 284.

146) *Narb.* IV, 283—298.

147) *Стрыйк.* кн. X. гл. V считает Довмунда Псковскаго предкомъ князей Свирскихъ.

148) Вотъ что говорится объ этой продажѣ Полоцка рыцарями въ подлинныхъ бумагахъ Комиссiи, наряженной папою Климентомъ V для изслѣдованiя дѣлъ нѣмецкаго Ордена: «quodque gravius est, iidem praeceptores et fratres non solum a continibus eorundem paganorum, in quibus contra illorum incursus debuis-

sent se murum defensionis opponere, in detrimentum fidelium recesserunt, sed quoddam castrum ejusdem Rigensis Ecclesiae eisdem paganis (Литовцамъ) pro certa quantitate pecuniae venundantes, regnum Polochense, quod quondam Rex Polochensis (Тевтовилъ) ad fidem Christi conversus, prolem non habens legitimam, eidem Ecclesiae Rigensi contulerat pro animae suae salute, dictis paganis non absque jactura multitudinis innumerae fidelium dimiserunt, cujus occasione duae solennes Cathedralae, Colomen et Ruthenen, ecclesiae consistentes in regno praedicto totaliter sunt deletae, quibus castro et regno ad manus infidelium totaliter devolutis, dicti pagani a locis continuum repulsis fidelibus, magnam partem dictarum provinciarum, tunc fidelium multitudinem populosam in solitudinem redegerunt, iisdem fidelibus partim peremptis gladio, partim eorundem paganorum miserabili jugo suppositis perpetuo servitutis..
Dogel: Codex. Diplom. годъ 1309 стр. 38. Naruskewicz: H. N. P. V. II, 350.

149) *Narb. IV. 485.*

150) *Ordens Chronic ap. Matthews. I. 778. Narb. V. II.*

151) *Карамз. IV пр. 336. Могилев. Губ. Вѣд. № 11 за 1848 и № 8 за 1851 г. Ж. М. В. Д. ч. XXXV. 1840. № 3 стр. 398.* Нѣкоторые приписываютъ основаніе Могилева Льву Дениловичу кн. Галицкому, по имени котораго будто и прозванъ этотъ городъ: *Могилевъ* (могилъ могучій и *Левъ*, такъ какъ князь Левъ Галицкій былъ въ самомъ дѣлѣ могущественнымъ и сильнымъ). Мнѣніе, не выдерживающее и самой снисходительной критики. Есть Могилевы и не имъ основанные, а городъ дѣйствительно имъ основанный названъ не Могилевомъ, а Львовомъ. Къ тому же нынѣшн. губ.

Могилевская никогда не принадлежала князьямъ Галицкимъ.

152) Такъ, на примѣръ, историкъ *Старосольскій* говорить: «Alba Russia habet urbem Mohylaviam ad fluvium Borysthenem positam» ...

153) Доказательствомъ договоръ Мстислава Смоленскаго съ Рюгою и Готландскимъ берегомъ въ 1228 г. отъ себя и *Руссовъ Витебскихъ*.

154) По старинному Русскому переводу хрон. *Стрыйковскаго* кн. XI. гл. 3 и кн. XII гл. 3: «Ольгердъ же еще еще при житиі окрестися ради жены, но свѣжій черепъ сираднаго тука напившеся, древнимъ злосрадіемъ смердяше». Отчество Маріи не было извѣстно до 1844 г., когда въ Виленской Пречистенской церкви построенной Ольгердомъ, найденъ служебникъ для поминовенія князей и княгинь, въ которомъ записана смерть первой и второй супругъ Ольгердовыхъ: «Великая Княжна Марія Ярославна усопше на память преподобнаго Иларіона.... См. *Ondyna Druskienickich xródel*, 1844 S. 14.

155) *Narb.* V. 9. *Карамз.* IV, 214 — 215. *Николаев.* лж. III. 106.

156) *Карамз.* 230—231. пр. 336. *Danil.* Latop. 164—167. *Narb.* V. 12.

157) *Карамз.* IV пр. 335. *Narb.* V. 53. Еще въ 1335 году шайки Литовцевъ разбойничали въ предѣлахъ Торжка, за что Іоаннъ Даниловичъ приказалъ ожечь въ сѣвѣстивенной Литѣ нѣсколько городовъ: *Раску*, *Осаченъ* и другіе. Расна нынѣ мѣстечко Чаусовъ.

уѣзда Мог. губ.; въ описаніи древнихъ Рос. городовъ *Освченъ* стоитъ рядомъ съ Рясною, но нынѣ нѣтъ ни одного селенія въ окрестностяхъ Рясны съ подобозвучнымъ именемъ, въ Сѣвскомъ уѣздѣ только находится фольварокъ *Освченъ*.

158) *Карамз.* IV, 199 пр. 377. *Narb.* V. 77.

159) Авторъ *Истор. Обзор. Мог. губ. см.*, Мог. Губ. Вѣд. № 18 за 1849 г., предполагаетъ, что въ это время въ лѣтописяхъ упоминаются въ первый разъ два нынѣшнія мѣстечка Орш. уѣз. *Рудня* и *Микулинъ*. *Никонов. лѣт.* подъ 1363 г.: «Князь Андрей Ольгердовичъ Полотскій воева Ховрачъ да *Родень*. *Родень* должно быть, съ чѣмъ согласенъ и *Карамз.*, нынѣшняя *Рудня*, принадлежавшая въ то время князьямъ Смоленскимъ. Но сомнительно, чтобы упоминаемый въ эту войну *Микулинъ*, два года назадъ взятый Донскимъ, или одинъ изъ двухъ городковъ *Микулиныхъ* въ духовной Твер. кн. Михаила, было нынѣшнее м. *Микулино*. *Карамз.* V, 25 пр. 12. *Narb.* V, 199. *Daniłow.* 80.

160) По сказанію *Воскресен. лѣт.* Мстиславль нынѣ уѣзд. городъ Могилев. губ. основанъ въ 1180 году, или около этого, Смоленскимъ княземъ Романомъ Ростиславичемъ, назвавшимъ его *Мстиславлемъ* по имени сына своего Мстислава, которому онъ назначенъ былъ въ удѣлъ. Лѣтописи не упоминаютъ о князьяхъ Мстиславскихъ до времени отдачи его въ удѣлъ Семелу Лугвешію.

161) *Narb.* V. 238.

162) *Narb.* V. 244. *Daniłow.* 192

163) *Narb.* V, 218. *Karamz.* V, 45.

164) Ab istis vero pace et Treugis Rex Keystulen, sui et terrae suae et illi de Samaythen omniae esse debeant exclusi, ita quod nullas pacem et Tregas inter praedictas Regem et illas Samaythen volumus obtinere на томъ основаніи, что Ягело былъ христіанинъ и намѣренъ былъ всю Литву обратить къ католицизму; Кейстутъ же и жители Жмуйды пребывали въ язычествѣ. Этотъ договоръ Datum et actum in Castro Rigae A. D. 1380 feria proxima, qua cantatur oculi post Dominicam. *Codex. Diplom. Reg. Pol.* V № LVIII p. 81. *Narb.* V, 26.

165) *Naruszew.* H. N P. VII пр. 77. *Narb.* V, 276.

166) *Kranz.* Wandalia подъ 1832 г. *Kelch Lief.* Gesch.—*Псков. лѣт.* 1382 г.

167) *Narb.* V. 277.

168) Новѣйшіе изслѣдователи Польской Исторіи сомнѣваются въ подобной смерти Кейстута, рассказываемой лишь Орденскими лѣтописцами.

169) Писано въ Недрищѣ, кажется и нынѣ деревня въ Дорогобуж. уѣз. Смолен. губ. въ 1385 г. окт. 9 д. Запись отъ 9, а письмо отъ 11 окт. *Napierski*: *Cogr. Dipl.* № 445. *Narb.* V, 380. Харатейный списокъ этой Андреевой грамоты хранится въ Кенигсбергскомъ Архивѣ.

170) Взять ли былъ Полоцкъ въ это время? Неизвѣстно; лѣтописи Ордена молчатъ объ этомъ. Вотъ жалобы Ягеллы: «Dum divina inspirante clementia ad

gratiam Baptismi aspirare incepimus, ad Magistrum Cruciferorum vocatum Conradum Czolner notabiles nuncios nostros destinavimus, patentes ipsum pura et sincera devocacione, ut nos de fonte levaret et pater noster spiritualis existeret; ipse autem nostram legationem tanquam indignam spernens et abiciens hunc ipsum facere venit, ymo eodem tempore dum cum omnibus gentibus nostris armatis ad assumendam fidem catholicam ad Regnum Palonie nos movimus, ipse per exercitus suos de Livonia adjunctis sibi quibusdam schismaticorum exercitibus videlicet de Ploczsko et Smolensko a nostra subjectione per ipsum revocatis et nobis rebellantibus terras nostras ultra quam per sexaginta miliaria vastari fecit ac in gremium convertit et favillam». *Narb.* V, 390.

171) *Narb.* V, 387 sq.

172) Это вѣроятно за сопротивленіе, оказанное Полочанами въ принятіи Скиргеллы; возстанія же и быть не могло.

173) Вторично Ягелло посѣтилъ нынѣшнюю Могилев. губ. послѣ благополучнаго окончанія войны съ Крестоносцами, произведенной Свидригелломъ. Между прочимъ былъ въ 1410 г. въ Кричевѣ, и по Днѣпру отплылъ въ Кіевъ.

174) Между прочимъ ему былъ отданъ *Пропойскъ*—нынѣ мѣстечко Быховскаго уѣзда.

175) *Narb.* V, 504. Несправедливо, что говорить *Карамз.* (V, 176) будто бы Свидригелла отослали изъ Витебска въ оновахъ.

176) *Narb. V, 504. Voigt: B. V. S. 638.*

177) Построенъ въ 1277 или 1278 году командоромъ Эрнестомъ де Ратцебургомъ; въ теченіе двухъ вѣковъ, со времени основанія, подвергся пяти осадамъ со стороны Литовцевъ, Поляковъ и Русскихъ: въ 1315, 1396, 1403, 1559, 1577 годахъ и наконецъ въ 1582 году переведенъ былъ Баторіемъ на новое, нынѣшнее мѣсто, отстоящее отъ стараго замка Naujenes Pillis въ 16 верстахъ. Въ газетѣ *Das Inland* помѣщенъ рисунокъ стараго замка, составленный профессоромъ Бромме по описанію его въ гѣтотиси *Jurgenshelm'a. Narb. IV, 276, V, 563, VI, 56. Rubon. III. 1843 г. с. 25.*

178) Колловичъ II, 52. *Narb. V, 563.* Около этого времени, именно въ 1396 году, заняли нѣкоторые Оршанскія волости и самую Оршу, будто бы съ согласія Юрія Святославича князя Смоленскаго, бояре его, которые вскорѣ были изгнаны. Въ это время проживалъ въ Оршѣ какой то князь Иванъ Михайловичъ, покровительствовавшій этому нападенію бояръ Смоленскихъ. Взятый съ оружіемъ въ рукахъ въ Оршѣ, гдѣ онъ имѣлъ и домъ свой, казненъ былъ смертію, домъ сожгли, жену и дѣтей отвезли въ Литву. *Карамз. V пр. 254.*

179) *Kotzebue: Switrigil ein Beitrag etc. Leipzig 1820* несправедливо утверждаетъ, что Свидригелло уволентъ былъ изъ плѣна какими то князьями — это относится къ 1418 г.; несправедливо также предполагаетъ, что во время осады Орши Свидригелло находился въ обозѣ Юрія Святославича: Свидригелло былъ уже въ плѣну, а Юрій въ Заславѣ; наконецъ несправедливо и третье предположеніе, что Ягелло принужденъ былъ щедро надѣлать Свидригеллу, сдѣлавшаго смѣлое воз-

станіе; Ягелло сдѣлалъ это изъ великодушія и по любви къ роду своему. *Narb.* V, 585.

180) Между прочими въ спискѣ Литовскихъ городовъ, исчисленныхъ въ актѣ возведенія Свидригеллы на Литовскій престолъ изъ Бѣлорусскихъ въ нынѣшней Могилев. губ. поименованы слѣдующіе: Гомель, Кричевъ, Могилевъ, Тетеринъ, Чечерскъ, Хотимскъ, Мстиславль, Орша, Друцкъ, Лукомль, Оболецъ. Но въ лѣтописи XIV вѣка, приводимой *Шлец.* въ *Geschichte von Lithauen* поименовано еще болѣе, именно: 1) города принадлежавшіе къ Кіеву: Чечерскъ, Тетеринъ, Попова Гора, Пропойскъ, Гомель, Могилевъ, Быховъ, Рогачевъ, Стрешинъ; 2) города, принадлежавшіе Литвѣ: Друцкъ, Орша, Лукомль, Оболецъ, Микулинъ, Кричевъ, Осѣченъ, Рясна; 3) городъ принадлежавшій Смоленску — Мстиславль, см. *Мог. Губ. Вѣд.* № 49 за 1849 г.

181) *Narb.* III, 106.

182) *Narb.* VII, 127.

183) Предокъ князей Сапѣговъ, основатель бывшаго Черейскаго Православнаго монастыря, на мѣстѣ котораго теперь стоитъ каменная приходская церковь, основанная Иваномъ Сапѣгою.

184) Вѣроятно въ это время, или когда Свидригелло проходилъ чрезъ Вильну, вышелъ изъ плѣна Мстиславскій князь Юрій.

185) *Narb.* VII, 169—178.

186) *Narb.* VII, 214, 219.

187) Герасимъ былъ сожженъ въ Витебскѣ на большомъ камнѣ, называвшимся *Жидовскимъ* и лежавшимъ подъ Замковой Горой.

188) *Narr.* VIII, 41.

189) Мог. Губ. Вѣд. № 2 1850 г.

190) Въ Оршѣ и Чериковѣ эти храмы сгорѣли; въ Могилевѣ же Ильинская церковь, построенная Казимиромъ, перенесена на другое мѣсто; всѣ храмы были построены около 1460 г.

191) Къ числу событій этого времени относятся слѣдующія: 1) въ 1455 году убитъ татарами князь Баба, сынъ Друцкаго князя Ивана Бабы. 2) Въ Мстиславѣ княжилъ въ это время Иванъ Юрьевичъ, котораго сынъ Иванъ извѣстенъ лишь по одной грамотѣ, пожалованной имъ въ 1463 году Мстиславскому Троицкому Собору, построенному имъ самимъ о семи престолахъ. Сынъ его Михайла Ивановичъ былъ послѣднимъ княземъ Мстиславскимъ, имѣлъ двухъ сыновей изъ которыхъ одинъ умеръ въ младенчествѣ, другой же выѣхалъ въ Москву. Вдовствующая его супруга Василиса титуловалась: княгинею Мстиславскою Божіею милостію и съ дозволенія Господаря нашего Великаго Короля Сигизмунда—см. *Бѣлорус. архивъ Григоровича* Москва 1824 г. ч. I. Въ 1494 году Мстиславъ уступленъ Россіи, послѣ возвращенія, и въ 1538 г. подчиненъ Старостинскому управленію, первымъ старостою былъ князь Иванъ Соломорецкій. 3) Въ 1473 году выѣхалъ въ Москву изъ Литвы князь Лукомскій Иванъ, бывший, по мнѣнію *Карамз.*, потомкомъ Владиміра Св.

192) Въ началѣ XVI вѣка Рогачевъ принадлежалъ Пинскимъ князьямъ, въ чемъ удостовѣряетъ грамота 1509 года, которою послѣдній изъ князей Пинскихъ Федоръ Ярославичъ и супруга его Елена, на случай безпотомной смерти, завѣщаютъ королю Сигизмунду города: Пинскъ, Клецкъ, Давидгородокъ, Рогачевъ и Вядо; потому Рогачевъ скорѣе взять на казну. *Valinski: Starozyt. Polska. III.*

193) *Нарбутъ* производить родъ князей Острожскихъ отъ князей Друцкихъ.

194) *Narb. VIII § 1958.*

195) Нынѣ все мѣстечки въ Быхов., Чериков. и Рогачев. уѣздахъ Могилевской губерніи.

196) Александръ отдалъ въ пожизненное владѣніе супругѣ своей королевѣ Еленѣ Іоанновнѣ, кромѣ Бреставля и имѣній въ собственной Литвѣ, еще слѣдующія мѣста въ нынѣшней Могилевской губерніи: Княжичи, Тетеринъ въ Могилев. уѣз., Смоляны въ Копыс., Чечерскъ въ Рогачев., и еще замокъ Попову Гору, Городище и Лосище въ Гомель уѣз. На нихъ привилегія: Actum et datum in Grodno Sabato proximo post festum S. Bartalomaei. Anno 1501; и еще кромѣ этихъ королевна Елена имѣла въ пожизненномъ владѣніи Могилевское Староство; на которое привилегія Actum et datum Vilnae feria tertia post festum Circumcisionis Domini Anno 1503. *Narb. IX, 62.*

197) *Narb. IX, 27 sq.*

198) Одровъ беретъ начало въ Сѣвнискѣмъ уѣздѣ, и, протекши 25 верстъ, въ Оршанскѣмъ впадаетъ въ Днѣпръ.

199) *Герберштейн* въ Р. М. С., говоритъ что сраженіе началось въ 4,000 шагахъ отъ Орши, Россіане первыя съ волею начали дѣло.

200) *Narb.* IX, 135. *Карамз.* VII, 90 пр. 199.

201) *Narb.* IX, 196. *Карамз.* VIII, 100.

202) *Карамз.* VIII, 23. *Narb.* IX, 22.; въ *Синод. лѣт.*: «послаша (Псковичи и Новгородцы) Себѣжа новаго дѣлати 60 верстъ отъ Опочки, въ Петровъ день и конченъ бысть іюля 25 д., затвориша его и освящаша церкви Усѣкновеніе главы св. Іоанна, да придѣлѣ св. Николы, да другой царя Константина, а священниковъ трей послали изъ Пскова.» Въ *Ростов. лѣт.*: «градъ поставили на Себежѣ, и Князь Великій приказалъ архіепископу Макарію священниковъ соборныхъ туда послати, а самому имя граду нареши, и Макарій имя нарекъ *Иванъ-городъ на Себѣжѣ*.

203) Велижъ основанъ Барабашевымъ на старомъ Гбродницѣ въ 1536 г. 19 апрѣля, окончивъ крѣпость въ іюлѣ, сжегъ Витебскій посадъ.

204) Лѣсневольскій съ 1,500 поляками, укрѣпившись въ неприступномъ мѣстѣ, цѣлый день выдерживалъ атаку 45,000 войска, которые, потерявъ 3,000 убитыми, наконецъ отступило. Это именно то самое дѣло, которымъ Іоаннъ, въ письмахъ къ Курбскому, прекращаетъ послѣдняго.

205) Въ *хронграфѣ Толстого* сказано что у царя было 400,000 войска!

206) *Коллович.* Hist. Lit. 457.

207) Подъ начальствомъ Довожны командовали: Янъ Глѣбовичъ, Григорій Голубицкій, Петръ Дорогостайскій, Есьманы, Корсаны и еще нѣкоторые дворяне Полоцкаго воеводства, прибывшіе сюда при первой вѣсти объ опасности; былъ и отрядъ Поляковъ подъ начальствомъ Вержлинскаго. *Narb.* IX, 371.

208) *Стрыйков.* пишетъ, что Іоанновы Татары умертвили и монаховъ Бернардиновъ (?).

209) Въ Полоцкѣ въ этомъ же 1563 г., Іоаннъ повелѣлъ учредить архіепископію въ честь этого древняго княжества и храма Софійскаго. Бывшій святитель Суздальскій Трифонъ Ступининъ, постриженникъ св. Іосифа Волоцкаго, принялъ санъ Полоцкаго архіепископа.

210) *Стрыйк.* пишетъ, что Шуйскій былъ изрубленъ, а *Браденбахъ* въ *Hist. Belli Livon.* стр. 238: erat mortuus in puteo inventus. Первый увѣряетъ, что Литовцевъ было только 4,000 и Россіянъ 30,000, изъ которыхъ ушло только 5,000 раненыхъ. *Браденбахъ* говоритъ о 90,000 Россіянъ убитыхъ въ этомъ дѣлѣ, въ которомъ съ Литовской стороны пало будто бы только 20 человекъ! Въ выпискахъ *Альбетранди* изъ Ватиканской библ. находятся объ этомъ дѣлѣ письма *Коммендонни* къ кардиналу *Борромео* изъ Варшавы.

211) *Bradenb.* 238.

212) *Жизнь кн. Андр. Михайл. Курбскаго въ Литвѣ и на Волынѣ.* Кіевъ 1849 г.

213) *Лѣт. Алекс. Нев.* : июля (1566 г.) поставленъ бысть городъ Усвятъ Озерецково повѣту ... Того же

году дек. въ Полоцкомъ повѣтъ по рѣкѣ по Дрысѣ, и Устьщевскаго устья городъ Соколъ, отъ Полоцка 30 верстъ, отъ Себѣжа 70, отъ Дрысы 25, отъ Конца 15... Мѣсяца августа (1567 г.) поставленъ бысть въ Полоцкомъ повѣтъ за Двиною къ Виленскому рубежу на озерѣ на Сушѣ на острову, городъ; новелъ же государь звати тотъ городъ Коніе, отъ Полоцка 70, верстъ, отъ Леша 25, отъ Лукомля 20». *Карамз. IX пр. 223*

214) Послы Московскіе Колычевъ и Нагой предлагали, чтобы: 1) Полоцкая область со всѣми пригородами: Дешелемъ, Концемъ, Дрысою, Вороначемъ или Воронцемъ, Удою, Соколомъ до Витебска и Виленскаго рубежа осталась за Россією, требовавшей и всей Ливоніи по правой сторонѣ Двины,—2) Чтобы король именовалъ царя Полоцкимъ, Смоленскимъ и Ливонскимъ. Послы выѣхали изъ Гродна 19 августа.

215) Въ *Лит. Алекс. Нев.* 1565 г.: «юля 12. писалъ изъ Смоленска бояринъ Н. В. Морозовъ: приходили Литовскіе люди изъ Витебска и изъ Сурожина (Сурожя) въ Щуческую волость, Бирюлька да Суходольскій а съ ними 1,500 человекъ, и тѣхъ наши побили и взяли князя Сергія Лукомскаго. А въ другомъ мѣстѣ: Литовскіе люди приходили въ Иванов. станъ, Мстиславцы и Кричевцы, въ головахъ Мстиславскій Хорунжій, а съ ними 1,200 человекъ, и тѣхъ побили юня 17-го; писалъ изъ Рославля Ф. Образцовъ, что приходили Литовскіе люди Иванъ Лычка съ 700 чел. и тѣхъ на рубежѣ побили, и Лычка самого взяли. Писали изъ Полоцка бояринъ кн. Андрей, Ив. Ногтевъ, Ив. Воронцевъ, что посылали они за Литов. людьми, которые громили на Полоцкой дорогѣ... и по-

били ихъ за 40 верстъ отъ Полоцка, и голову ихъ Ив. Кота взяли. *Kojałow. 473. Narb. IX, 465.*

216) *Narb. IX, 430. Bielski. 622. Kajałow 478.*

217) *Акт. Арх. Экспед. I. № 275. Narb. IX, 436. Kajałow. 483.*

218) Но въ этомъ письмѣ не именовавъ Іоанна : Царемъ, Великимъ Княземъ Полоцкимъ и Смоленскимъ и Государемъ Ливоніи — титулами, которыхъ сильно домогался Іоаннъ; слѣдовательно война была неизбежна.

219) Польскій писатель *Жюста Опацевичъ* предпринялъ важный трудъ — переводъ на Польскій языкъ огромнаго сочиненія кардинала *Альбетранди* объ исторіи Польши, и въ 1849 г. издалъ весьма любопытное описаніе Альбетранди царствованій Генриха Валуа и Стефана Баторія: *Albetrandiego rapowanie Henryka Walezjusza i Stefana Batorrego. Kraków 1849 г.*

220) Тамъ же, стран. 102.

221) *R. Heidensteinitz: Secr. de Bel. Moschovit. Comment. въ Rogum. Moscov. Aust. 328.*

222) *Карамзинъ И. Г. Р.*

223) Манифестъ, написанный по-латыни, кажется, самимъ Королемъ, переведенъ былъ на языки Польскій, Нѣмецкій и Венгерскій, чтобы понятъ былъ воинами этихъ націй, составлявшими Стефаново войско. Латинскій текстъ приводитъ *Гвазиминъ* въ *Regum Polonicarum T. I. pag. 203* и еще *Sistorius* въ своемъ собраніи актовъ III р. 118. Манифестъ замѣчателенъ

еще какъ образецъ чистоты Латинскаго языка и слога.

224) *Карамзинъ*. И. Г. Р.

225) *Albetrandi*. стр. 113—116.

226) *Albetrandi*, 116.

227) Тамъ же.

228) *Карамзинъ* И. Г. Р. — говоритъ, что въ Полоцкѣ было мало войска; ибо Царь не ожидалъ сильнаго нападенія на Литовской границѣ думая, что театромъ непріятельскихъ дѣйствій будетъ Ливонія. Въ *Разряд. кн.*: «Въ Полоцкѣ воеводы худы, людей мало.» см. также *Вишнев.* XIV, 361. Число войска Стефанова также неизвѣстно.

229) Изобрѣтеніе которыхъ приписываютъ самому Стефану, употребившему ихъ впервые при атакѣ на морской маякъ подъ Данцигомъ.

230) Тамъ же: «Полтескъ Король взялъ измѣною, потому что измѣнники Воеводы, что были худы, а милы имъ были жены.»

231) *Станиславъ Пахоловицкій* топографъ при походной канцеляріи Баторія, сдѣлалъ карту Полоцкаго воеводства, о чемъ см. *Карта военныхъ дѣйствій между Русскими и Поляками въ 1579 году и тогдашніе планы города Полоцка и окрестныхъ крѣпостей.* Санктпетербургъ. 1837 г. и еще *Журн. Мин. Нар. Пр.* № 8. 1837 г. Первая ландкарта носить титулъ: *Descriptio Ducatus Polocensis. S. Pacholowic.* Ниже:

Jan Baptista de Cavallariis Romae tipis aeneis incidebat. A. D. 1850. Вверху гербъ королевства Польскаго и гербъ Баторіевъ: волчьи зубы, въ честь которыхъ помѣщены стихи, написанные *Тетрою*. Вверху краткая исторія Полоц. княжества. Мѣстность и рѣки довольно вѣрны. Вторая карта: Obsidio et expugnatio munitiss. arcis Polocensis per Sereniss. Stephanum Poloniae Regem. Ниже: Obsessa XI aug., capte XXX ejusd. anni M.D. LXXIX; внизу: Polotia ex duabus arcibus superiore ac sclopetariorum oppidoq. Zapolota constans, ita situ loci propugnaculis ac in primis bombardorum apparatu, pulvere, globis, commeata, militum praesidio munita et instructa, ut merito non Moschoviae sed totius Septemtrionis firmissimum propugnaculum existimaretur, obsessa a Serenissimi Poloniae Rege Stephano Augusti XI et Moschis strenue defendentibus erepta XXIX ejusd. An. D-i MDLXXIX. Прочія шесть картъ представляютъ планы и виды крѣпостей Туровли, Ситны, Козіанъ, Краснаго, Суши и Сокола.

232) *Бѣльскій*, на основаніи общепринятой молвы, говоритъ, что какой-то котляръ, Львовскій уроженецъ, котораго *Нѣсецкій* называетъ *Вонсомъ* (Was) успѣлъ съ котельчикомъ, наполненнымъ раскаленными угольями, подкрасться подъ башню, и зажечь ее. Достоверность этого событія подтверждается еще тѣмъ, что онъ, будучи возведенъ за этотъ подвигъ въ дворянское достоинство, названъ *Полотынскимъ*, и пожалованъ гербомъ, изображеніе котораго имѣетъ связь съ описываемымъ событіемъ.

233) *Żegoty Onacewicza*: Albetrandiego panowanie Henryka Walezyusza i Stefana Batorego. Kraków. 1849 г. 88—125

234) Невельское озеро во время Баторія называлось *Витовтовымъ*. Въ части Рогачевского уѣзда, смѣжной съ Минскою губерніею, поселяне еще и теперь указываютъ *Витовтову дорогу*, обозначающуюся гатами по болотамъ, просѣками въ лѣсахъ, и многими урочищами, какъ напр. колодцами, называемыми *Витовтовыми*. Баторія, Бѣлоруссы называютъ *Батурую*. Близъ Невеля у деревни *Гульцлевъ*, гдѣ живутъ Панцырные бояре, подъ *Можсвомъ* на полуостровѣ озера Неіщерды, находятся и нынѣ слѣды мостовъ и накатовъ, проложенныхъ по болотамъ чрезъ лѣса дремучіе, которые народъ и донынѣ именуетъ *Баторинскими мостами*; на границѣ уѣздовъ Себѣжскаго и Невельскаго есть село *Баторино*. Подъ Полоцкомъ мѣсто на Двинѣ, гдѣ переправился Баторій, и до нынѣ называется *Баториномъ*. Въ Борисовскомъ уѣздѣ есть урочище, называемое *Станъ-Король*: мѣсто, гдѣ отдыхалъ и обѣдалъ Стефанъ Баторій. О слѣдахъ Витовтовыхъ дорогъ въ Минской губерніи см. у *Eust. Tyszkiewicza: Zarys powiatu Borysowskiego etc.*

235) Въ Леппел. уѣздѣ Витеб. губ.

236) Для спасенія этого древняго дипломатическаго обычая послы Іоанновы, прибывъ въ Суражъ, старались подкупить тамошнихъ королевскихъ чиновниковъ, чтобы они силою доставили ихъ къ Стефану.

237) Послѣ взятія Невеля только одно Еверище оставалось еще въ рукахъ Россіянъ, но тамошній гарнизонъ, во время пребыванія Короля въ Невелѣ, стѣсненный со всѣхъ сторонъ, набѣгая безполезнаго кровопролитія, сдалъ замокъ добровольно Виленскому воеводѣ Радзивиллу, который и принялъ его именемъ Короля.

238) Если *Гейденштейново* описаніе этой болѣзни вѣрно, то она была не что иное, какъ гриппъ. Во все время болѣзни, продолжавшейся до весны, Король находился въ Полоцкомъ Спасскомъ монастырѣ.

239) Поводъ къ этому слѣдующій. Въ то время въ Европѣ и особенности въ Германіи господствовало мнѣніе, что жиръ человѣческій имѣетъ способность исцѣлять тяжкія раны. Нѣмцы, служившіе въ войска Баторія, дѣйствительно вырѣзывали у нѣкоторыхъ мертвыхъ жиръ, конечно безъ вѣдома Короля, а тѣмъ болѣе его приказанія.

240) Ягелло, жалуясь на магистра Цолнера, въ войскѣ котораго находились жители Полоцкаго и Смоленскаго княжествъ, называетъ ихъ схизматиками: «*Per exercitus suos de Livonia, adjunctis sibi quibusdam schismaticorum exercitibus, videlicet de Ploczsko et Smolensko, a nostra subjectione per ipsum revocati et nobis rebellantibus etc.*» *Dogiel*: C. D. P.

241) Въ грамотѣ 1420 года, жаляющей землю Католическому Костелу въ Брестѣ возлѣ Николаевской Церкви, сказано: «*in penes Synagoga Ruthenicam Mikula.*» *Narb.* VI. прибавленіе IV стр. 34.

242) *Kwiatkowski*: *Hist. de Schism*; *Kulesz*: *Wiara Prawost.* 162. Инквизиція въ Испаніи учреждена только въ 1479 г. *Narb.* VII. 206.

243) *Dogiel*: *Cod. Diplom. Regn. Polon.* VI. p. 1102, 1104.

244) *Maciejowski*: *Polska do pierwszej połowy wieku XVII* IV. 102.

263) Тамъ же 453.

264) *Kochow*: Clim. II. 520 — это событіе описывается иначе: будто бы 2,000 отрядъ Россіянъ обманомъ вызванъ былъ (едва ли) за городъ и истребленъ тамъ до единого. Правдоподобное описаніе этой рѣзни въ *Мол. Губ. Вѣд.* за 1851 г. — только невѣроятно, чтобы русскихъ было 7,000! Въ нѣкоторыхъ источникахъ ихъ показано только 600 — и это число думается, самое справедливое. Ссора началась съ торговками калочей, и бургомистръ Іосифъ Леоновичъ, слышавъ условленный крикъ ихъ, выбѣжалъ съ мечемъ изъ Ратуши, и закричалъ: *пора, пора!*—слово, пожалованное ему въ прозваніе при возведеніи за этотъ поступокъ въ дворянское достоинство (*пора* — Леоновичъ). Избѣнныхъ Москвитянъ похоронили на Самусевой горѣ, въ урочищѣ Костерій и въ грязной ямѣ у Покровской богадѣльни. Члены Магистрата: П. Казановичъ, Д. Леоновичъ, В. Леонкевичъ; ратманы: Е. Шимкевичъ, А. Фалькевичъ и писарь А. Кликуновъ лично представили въ Варшаву въ цѣляхъ русскихъ: воеводъ С. Горчакова, М. Полѣжкова, стрѣлцаго голову С. Чекина и другихъ. Могилеву пожалованы новыя преимущества, сравненъ ими съ Вильною, столицю Литвы; а члены Магистрата возведены въ дворянское достоинство.

265) *M. Krejow.*, I. 245.

266) Дисен. уѣз. Мин. губ.

267) У Хованскаго было 18,000 войска и 17 орудій.

268) *Kochow* Clim. III—93.

269) Ист. Малой Рос. ч. II. 72—77.

270) Могилев. Губ. Вѣд.

271) Н. Устрал. Р. II. II. 99. sq.

272) Н. Устрал. Р. II. IV. 27. Г. Конисскій: Исторія Руссовъ или Малой Россіи. Москва 1846 г.

273) Устраловъ. IV. 29.

274) Правители Полоцкой области появляются подъ именемъ воеводъ около 1500 года. Въ 1569 г. подробно опредѣлены права воеводъ Полоцкихъ, которые избираемы были обывателями, представлявшими Королю двухъ кандитовъ. За воеводою слѣдовалъ Каштеланъ, оба они пользовались сенаторскимъ достоинствомъ. Мѣсто Полоцкихъ воеводъ въ Сенатѣ, назначено было послѣ Люблинскаго воеводы, слѣдовательно весьма высокое. Воеводство Полоцкое имѣло право посылать по 2 депутата на главный Сеймъ и въ Великій Трибуналъ Литовскій. Сеймикъ производился въ Полоцкѣ. Гербъ воеводства: всадникъ въ бѣломъ полѣ. Здѣсь было только одно староство Езерище, платившее въ казну 19,250 зл. кварталы. Казимиръ Ягеллонъ причислилъ Полоцкъ къ важнѣйшимъ городамъ Литовскимъ, съ которыми, грамотою 1444 г., уравнивалъ его правами и преимуществами.

275) Витебскіе воеводы упоминаются около 1506 г.; гербъ Воеводства: по зеленому знамени всадникъ въ Красномъ полѣ. Витебскъ причисленъ къ числу 15 важнѣйшихъ городовъ Литовскихъ грамотою Казимира Ягеллона, данною въ Брестѣ 1441 году, которою онъ пожаловалъ городу разныя права и преимуще-

щества наравнѣ съ важнѣйшими городами Литовскими. Сигизмундъ III еще болѣе расширилъ права города въ 1597 г. и даровалъ гербъ Витебску: по голубому полю образъ св. Вероники съ краснымъ мечемъ надъ нею. Здѣсь были слѣдующія староства: Сурожское, Усвятское, Любошанское, Оршанское и самое обширное Велижское (кв. 21,508 зл. п.)

276) Мстиславское воеводство учреждено съ 1569 г., со времени Люблинскаго Сейма. Административное устройство и права воеводствъ Полоц., Витеб., и Мстислав. были одинаковы. Гербъ Мстислав. воевод.: всадникъ по золотому полю. Мстиславию даровано Магдебургское право только 16 августа 1634 г.; Могилевъ же получилъ малое Магдебургское право еще при Сигизмундѣ-Августѣ въ 1561 г., и большое при Баторіѣ 28 генваря 1578 г. Привилегіи гражданъ Могилева были вособенности распространены Владиславомъ IV, проживавшимъ здѣсь нѣсколько во время Московскаго похода, и благоволившимъ къ жителямъ за пособіе оружіемъ, военными снарядами и съѣстными припасами. Въ Мстиславскомъ воеводствѣ было только два староства: Мстиславское и Кричевское. Пропойскъ, Рогачевъ, Чегерскъ и Гомель были тоже староствами, изъ которыхъ самыя обширныя Кричевское и Гомельское: первое платило кварталы 28,272 и гиберны 10,300 зл. т.; а второе 20,752 зл. п. кварталы.

277) Эта страна была чрезвычайно гѣсиста съ населеніемъ разбросаннымъ на большомъ пространствѣ. Въ замкахъ: Динабургъ (Dynebork, Düneburg), Люценъ (Ludsen, Luitzen), Маріенгаузъ (Margenbaws; Marienhaus) и Рѣжицъ (Rositten, Рѣжище) во времена Ордена проживали Нѣмецкіе Фохты, управлявшіе окрестностями замковъ, соединявшихся между собою боль-

шими дорогами, *трактами*; отсюда и подраздѣленіе этой страны на тракты. По присоединеніи къ Польшѣ, въ замкахъ мѣсто фохтовъ заняли старосты, но административное раздѣленіе не измѣнилось. Гербъ Лифляндскаго воеводства: по красному полю бѣлый грифъ съ короной на главѣ приподнявшійся на заднихъ ногахъ, въ правой лапѣ мечъ, на груди буквы S. A. (Stanislaus Augustus). Здѣсь было четыре староства Мариенгаузское, Динабургское, Люценское и Рѣжицкое.

КОНЕЦЪ.

ОПЕЧАТКИ.

<i>Стр.</i>	<i>строка.</i>	<i>Напечатано :</i>	<i>Должно быть :</i>
1	17	аримаспы	Аримаспы
"	"	грипы	Грипы
5	26	славяне	Славяне
18	5	Полянъ,	Полянъ
19	17	дрягва	дрегва
21	29	Родимичи	Радимичи
23	9	Туравское	Туровское
37	13	Нимана	Нѣмана
54	3	попытка	попытка
59	5	орденъ рыцарей	Орденъ Рыцарей
"	6	храмоваго ордена	Храмоваго Ордена
60	22	руссіе	Русскіе
61	18	виновникомъ	виновникомъ
62	11	имъ	ими
64	22	въ канунъ	наканунъ
65	19	поспѣшитъ	поспѣшигъ
71	16	вымышленныхъ,	вымышленныхъ
"	"	ими же,	ими же
73	11	могуществу,	могуществу
75	4	Самый	самый
"	25	Тройнату,	Тройнату
76	16	справедливое	справедливое
78	18	Тевтевиллу,	Товтевиллу
"	21	Тевтевилла	Товтевилла

79	26	Стигленду	Стигленду
81	2	1256 г.,	1256 г.
84	25	Утянскій (надъ Двиною)	Утянскій
85	15	спѣшили	спѣшилиъ
89	8	мало по малу,	мало-по-малу
93	28	Ягеллу,	Ягеллу
94	11	Полочане,	Полочане
«	13	зявъ	зявъъ
95	4	заслуженный	служившій
101	20	провѣдавъ,	провѣдавъ
107	32	вышелъ	вышелъ
110	13	Перемышль	Перемышль
113	22	Литвы,	Литвы
«	23	Ольгердова,	Ольгердова
«	«	внука	внука.
114	12	остглся	остался
124	4	Литву,	Литву
138	25	1837 г.,	1837 г.
139	3	Голодно	Городно
«	6	1549 г.,	1549 г.
143	8	Король	Король,
«	16	Палъцимиъ	Палъцимиъ
«	18	и,	, и
150	23	намѣривающійся	намѣревающійся
154	14	пораасудилъ	пораасудивъ
167	4	Диниъ	Диниъ
173	13	время	времени
«	18	церкви	церквѣ
183	9	Витовъ	Витовтъ
184	19	который	которою
196	«	1851-й годъ	1851-й годъ
198	8	ни	и
199	3	возвратилъ	возвратилъ
203	14	(242).	(243).
206	2	велѣлъ	велѣно
209	28	Бабруйска	Бобруйска
213	4	Рѣчи	Речи
216	«	1654-й годъ	1654-й

219	«	1856-й годъ	1656-й
222	17	Сланима	Слонима
229	29	Кудсиковичъ	Куденковичъ
237	3	Рѣчь	Речь
238	29	Маріенгузскій	Маріенгаузскій

Порядокъ въ номеровкѣ примѣчаній въ текстѣ нарушенъ дважды : вмѣсто прим. 64-го поставлено 62-ое, вмѣсто 83-го стоитъ 79; потому, чтобы сличить примѣчанія текста съ примѣчаніями въ концѣ книги, слѣдуетъ къ первымъ прибавлять :

съ 62-го включительно до 79-го — по 2.
и съ 79-го до конца — по 4.
